

Г. БОГУСЛАВСКИЙ

ОСТРОВА СОЛОВЕЦКИЕ

Г. Богуславский

Северо-Западное книжное
издательство · 1971

91 (С 12)
Б 74

Первое издание этой книги вышло пять лет назад. С тех пор на Соловецких островах побывали десятки тысяч туристов. Популярность беломорского архипелага растет из года в год. И каждому, кто приезжает сюда, интересно познакомиться с природой и историей Соловков, подробнее узнать об архитектурных памятниках Соловецкого Кремля.

Хорошим помощником в этом явится книга действительного члена Географического общества СССР Г. А. Богуславского «Острова Соловецкие». В основе книги—непосредственные впечатления, накопленные автором во время неоднократных приездов на Соловки, дополненные изучением многочисленных литературных источников и документальных материалов, хранящихся в архивах Москвы и Ленинграда.

Книга содержит подробный рассказ о природе островов, об истории б. Соловецкого монастыря как экономического, культурного и военно-оборонительного центра русского Поморья, детальные сведения об архитектурных памятниках Соловецкого Кремля. Обширный раздел посвящен описанию туристических маршрутов, которые рекомендуются всем, кто приехал на Соловки.

Приложенная к книге краткая библиография о Соловках поможет тем, кто желает более детально изучить некоторые вопросы.

Книга, дополненная для настоящего издания, рассчитана на широкий круг читателей—на всех, кто любит родную природу и путешествия, кому дороги памятники отечественной старины. И мы надеемся, что каждый, кто прочитает эту книгу, загорится желанием приехать на далекий северный остров.

Художник **Ю. С. Ушаков**, лауреат Государственной премии РСФСР.

МНЕ БЫ ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ, ЧТОБЫ В БУДУЩЕМ ЗДЕСЬ, В СОЛОВКАХ, УСТРОИЛСЯ БЫ ГРАНДИОЗНЫЙ САНАТОРИЙ ДЛЯ ВСЕГО СЕВЕРА... ЗДОРОВЬЕ ПРИХОДИТ К ЧЕЛОВЕКУ В ДЕЙСТВИИ, СОГЛАСОВАННОМ С ЕГО ИНТИМНЕЙШЕЙ ПРИРОДОЙ... В БУДУЩЕМ ДОКТОРА НЕ СТАНУТ ВСЕХ ПОСЫЛАТЬ НА ЮЖНЫЕ ВОДЫ И ВИНОГРАД, А В ТУ ПРИРОДУ, В ТУ СРЕДУ, ГДЕ ЧЕЛОВЕКУ ВСЕ ПОНЯТНО, БЛИЗКО И МИЛО. ВОТ ТОГДА-ТО СОЛОВКИ И СДЕЛАЮТСЯ ЛЮБИМЕЙШИМ ОСТРОВОМ ЗДОРОВЬЯ ДЛЯ ВСЕГО СЕВЕРА.

М. ПРИШВИН (1933 г.)

В июне солнце почти не покидает соловецкого неба. Самый длинный день здесь продолжается 21 час 56 минут — ровно столько же, сколько через полгода, в декабре, тянется самая долгая ночь.

Ни одна картина, какой бы талантливый художник ее ни написал, ни одна самая искусно выполненная фотография, никакие стихи не в состоянии передать неповторимое очарование белых ночей. Прелесть их не столько в красках, хотя они и необыкновенны, сколько в том чудесном свечении, которое будто излучают все окружающие предметы. Днем они отражают свет, а белой ночью как бы сами становятся источником света, светятся изнутри...

В оранжевые тона, где-то переходящие в густой пунцовый, окрашено небо. Голубовато-золотистым сиянием пронизан воздух. Море отливает жемчугом. Темно-зеленой стеной стоит лес.

«...Часы показывают полночь, но не веришь часам; вокруг — светло, дневная окраска земли не померкла, и на бледно-сером небе — ни одной звезды. Здесь белые ночи еще прозрачней, еще более странны, чем в Ленинграде, а небо — выше, дальше от моря и острова... Очень смущает это странное небо — нет в нем ни звезд, ни луны, да кажется, что и неба нет, а сорвалась земля со своего места и неподвижно висит в безграничном, пустынном пространстве».

Так описывал соловецкую белую ночь А. М. Горький, побывавший здесь в июне 1929 года.

В такую ночь невозможно заснуть. Это было бы преступлением перед окружающей тебя великой и щедрой красотой мира. В эти таинственные часы, оставаясь наедине с природой, с особой силой ощущаешь смысл бытия и свое назначение в том многообразии, которое есть жизнь. Ведь человек становится иным, общаясь с тем, что несет отпечаток вечности: с природой, с историей, с великим искусством, воплощающим душу народа.

Лодка скользит по глади залива. Лишь равномерные и короткие всплески весел нарушают удивительную задумчивую тишину, царящую вокруг. Трудно поверить, что это море бывает бурным, жестоким, страшным!.. Впрочем, разве не кажется странным и неправдоподобным все, что окружает нас здесь, если вспомнить, что совсем близко, в каких-нибудь полутора сотнях километров, проходит хоть и воображаемая, но очень определенная в своей суровости линия Северного Полярного круга.

И пусть... Пусть это небо бывает иной раз тяжелым и низким, как бы налитым свинцом, — все равно оно прекрасно. Пусть это сейчас такое ласковое море бывает вздыбленным, страшным, гибельным — оно прекрасно. И пусть почти на полгода засыпанные снегом, с замершим лесом, с закованными в ледяную броню озерами Соловецкие острова бывают отрезаны от Большой земли — они несказанно прекрасны!..

Наша лодка пробирается по мелководью залива, осторожно лавирует между высунувшимися из воды или скрытыми под нею камнями-коргами. Но вот и рейд; впереди — открытое пространство. Спокойная поверхность моря — такая спокойная, какой она бывает лишь в тихие вечерние часы, — прочерчена оранжевой солнечной дорожкой. Вглядитесь внимательнее в расстилающуюся до самого горизонта морскую равнину — вы увидите, что она действительно белая. И промелькнет мысль, что, может быть, не только из-за того, что значительную часть года покрыто оно льдом, названо это море Белым — ведь и цвет его простора тоже бывает белым...

Обернитесь — и вы, завороженный, долго не сможете оторвать взгляда от почти фантастической картины, что откроется вашим глазам: море оторочено густой зеленью леса, подцвеченной оранжевыми отблесками; над лесом, над острыми вершинами деревьев поднимаются легкие, прозрачные клубы тумана — это возносится к небу тепло невидимых лесных озер, чистых, как Светлояр, на дне которого покоится легендарный град Китеж... И за береговой полосой угадываются чудеса и красоты соловецкой природы: таежные боры, усеянные валунами, луга и дороги, дикий

бурелом и песчаный берег моря, причудливая вязь деревьев и могучие стены Соловецкого Кремля.

«С моря кажется, что земля острова тоже бурно взволнована и застыла в напряженном стремлении поднять леса выше — к небу, к солнцу. А Кремль вблизи встает как постройка сказочных богатырей» (А. М. Горький).

Вот они поднялись над заливом, как бы вырастая из моря, — циклопические стены, с которыми связано так много событий и народных легенд. Своеобразный и неповторимый, суровый и величественный силуэт. Розоватый рефлекс полуночного неба на белых плоскостях зданий.

Белое море... Белая полночь... Белые стены зданий... Пройдет несколько часов — и освещение переменится, но акварельная чистота и нежная прозрачность тонов — прозрачность почти призрачная — остается. «Засияет розовая заря, и разом вспыхнут внизу сотни озер; точно бесчисленные костры пылают они, пока солнце совсем не зайдет за горы. Вершины леса тоже охвачены этим нежным сиянием. Темное вокруг море горит пурпуром, золотом и лазурью» (М. М. Пришвин).

А потом родится новый день, родится и засияет над всей огромной и прекрасной землей нашей и над небольшим кусочком этой земли — Соловецкими островами.

Они расположены далеко от столиц. Когда-то у здешней пристани стоял столб, надпись на котором указывала расстояния от Соловков до Мадрида — 5580 верст, до Рима — 4491 верста, до Венеции — 3900 верст, до Камчатки и Вены, Лондона и Берлина. Но ведь теперь расстояния на нашей планете перестали быть так пугающе огромными, как это было раньше.

Соловецкие острова расположены среди сурового моря, в краю, где сплошной стеной стоят вековые леса, где в лесных чащах притаились дивные озера хрустальной чистоты, — в краю, где издавна живут мужественные люди.

У этого края богатая и гордая история. У него интересное настоящее и большое будущее. Вся его жизнь неразрывно связана с подвигом — с подвигом землепроходцев, с подвигом крестьян-сеятелей, с подвигом людей, приручавших суровую природу и боровшихся за независимость этой земли.

Несколько десятилетий назад на Соловках бытовала легенда, что у Преображенского собора под каменным надгробием с полустертой надписью похоронен знаменитый разбойничий атаман Кудеяр — тот самый Кудеяр Тишенков, необыкновенную жизнь и фантастические подвиги которого народная память связывала

с серединой XVI века, с эпохой Ивана Грозного; тот Кудеяр, о котором рассказывал страиник Ионушка в «Кому на Руси жить хорошо»...

Кудеяр — это легенда. Но Соловки — быль. Быль волнующая, величественная и печальная. Поэзия красоты. Проза труда. Трагедия темницы...

Сейчас Соловецкие острова, воспетые в народных песнях и легендах, в восторженных строках Горького и Пришвина, — место паломничества туристов. Тысячи людей ежегодно приезжают сюда с разных концов нашей страны. И никто не бывает разочарован, ни один не покидает Соловков неудовлетворенным. Слава островов растет от года к году.

1

Остров зеркал

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ

Белое море на первый взгляд может быть отнесено к разряду внутренних морей — лишь узкое горло соединяет его с Ледовитым океаном. На самом же деле, несмотря на то, что своеобразный гидробиологический режим горла изолирует его до некоторой степени от Северного Ледовитого океана, Белое море относится по своим физико-географическим признакам к арктическому бассейну и представляет собой глубоко врезавшийся в материк океанский залив. Эта глубокая впадина котловинного («ковшового») типа в отдаленные геологические эпохи была покрыта ледником.

Акватория Белого моря простирается от 63°47′ до 68°40′ северной широты. Площадь ее — около 95 тысяч квадратных километров. Море имеет четыре крупных залива: Мезенский на востоке, Двинской и Онежский на юге и Кандалакшский, врезающийся в материк глубокой и узкой полосой, на северо-западе. Берега моря носят названия: Терский, Кандалакшский и Карельский — на северо-западе, Поморский (район от Кеми до Онеги), Летний — на юге и Зимний — на востоке. Летний берег мощным, широким языком вдается в море в направлении на северо-запад, к Соловецким островам, отделяя Онежский залив от Двинского.

Хотя в древности Белое море и называлось Студеным, климат его побережья более континентальный, чем, например, климат Мурманского берега. Окруженность сушей, отсутствие холодных течений и господство ветров с океана (юго-западного, западного и северо-западного направлений), несущих теплые воздушные потоки, — таковы основные факторы, смягчающие суровый климат. Достаточно сказать, что температура воды Белого моря на поверхности (вблизи берегов) летом иногда достигает даже 18—20°. Летом температура воды в южной части Белого моря выше, чем в северной его части. Но остывание воды начинается в южной части раньше чем в северной, и в середине осени температура воды в обеих частях моря уравнивается.

Соленость воды в разных районах Белого моря также различна. В некоторых местах она сравнительно невелика из-за сильного опреснения, в других — достигает значительных величин. Существует заметная разница в солевом режиме поверхностных и глубинных слоев воды, соленость колеблется также в зависимости от близости заливов (здесь больше приток пресных вод), от приливно-отливных течений, ветров. Отмечено, что соленость воды в Белом море тем выше, чем севернее расположен соответствующий участок морского бассейна.

Фауна Белого моря, хотя она и беднее других северных морей, исключительно интересна и своеобразна из-за своего смешанного характера: в животном мире Белого моря представлены различные биогеографические группы — наряду с типично арктическими формами здесь имеются и арктически-бореальные и бореальные (тепловодные) формы — в разных районах беломорского бассейна соотношение этих типов фауны различно. Район Соловецких островов представляет в этом отношении очень большой интерес.

Белое море не богато островами. Соловецкие острова — крупнейший архипелаг беломорского бассейна. Они находятся в сравнительно мелководной западной половине моря, при входе в Онежский залив, образуя западный и восточный проходы в него. Соловецкие острова расположены в районе, где господствует сточное течение вод реки Онеги и Онежского залива, идущее от устья Онеги к северу вдоль Летнего берега, затем огибающее Соловецкие острова с поворотом к востоку, вокруг северо-западной оконечности Летнего берега.

Эта часть Белого моря не только более мелководна, но и более тепловодна, чем другие его районы. В летние месяцы морская вода у Соловецких берегов хорошо нагревается. Еще в 1891 и 1892 годах знаменитый русский ученый Н. М. Книпович проводил систематические исследования температурного режима вблизи Соловецких берегов и установил, что во второй половине июня температура морской воды на глубине до 8,4 метра колебалась между +3,4 и +4,75°, в середине августа — соответственно между 8,4 и 8,9° (на глубине 15 метров 8,3°), а в последней декаде августа на всех глубинах она уравнялась, достигнув 7,6° (на поверхности 8°). Конкретные температурные показания бывают иными, но общий характер температурного режима и его динамика не изменяются.

Соленость воды в районе Соловецких островов весьма значительна, но вообще следует отметить, что гидрологический режим этой части Белого моря подвержен большим колебаниям, завися-

щим от разнообразных причин. Эти причины оказывают некоторое влияние и на природные условия самих островов.

Соловецкий архипелаг состоит из шести островов, среди которых три сравнительно больших и три малых. Они расположены между 64°57′ (мыс Печак) и 65°12′ (мыс Троицкий на Анзерском острове) северной широты.

Большой Соловецкий остров — самый крупный остров на Белом море. Для сравнения любопытно указать, что его площадь (246,9 квадратных километра) больше площади острова Мальта.

По конфигурации своей Большой Соловецкий остров приближается к треугольнику. Его южная часть значительно уже северной и оканчивается острым мысом; на западном, восточном и северном берегах — глубоко вдающиеся в территорию морские заливы. Расстояние между наиболее удаленными южной и северной точками острова составляет 24,7 километра, а по линии запад — восток — 15,8.

Площадь Большого Соловецкого острова значительно превосходит остальные пять островов архипелага. Так, остров Анзер в десять раз меньше Большого Соловецкого (24 квадратных километра), площадь острова Большая Муксалма 17,6 квадратных километра, а остальные три острова архипелага вообще малы: Большой Заяцкий — 1,25, Малый Заяцкий — 1,02, Малая Муксалма — 0,57 квадратных километра.

Что нам известно о геологическом прошлом островов Соловецкого архипелага, об их происхождении?

Исследования, проведенные геологами, установили, что Соловецкие острова покоятся на прочном основании гнейсо-гранитных коренных пород, которые, однако, почти нигде не выходят на поверхность. Решающую роль в формировании рельефа и вообще основных черт современного облика Соловецких островов сыграл ледник. Район Соловецкого архипелага (как и все побережье Белого моря и территория современной Карелии) подвергался, как известно, оледенению дважды; между первым (так называемым Днепровским) и вторым (так называемым Валдайским, или Вюрмским) оледенениями пролегал период отступления ледника на север и значительных климатических изменений в районах бывшего интенсивного оледенения. Ледник определил рельеф Соловецких островов, покрыл коренные породы мощным чехлом кристаллических моренных отложений, который и скрыл коренные породы. На островах много валунов (это, главным образом, гнейсы,

гранитов и сланцев меньше, а осадочных пород совсем мало), иногда валуны эти лежат (в лесах или на склонах холмов) мощными грядами. Среди моренных отложений на Соловецких островах встречаются моренные глины, «бараньи лбы».

Итак, рельеф Соловецких островов сформирован не коренными породами, а ледниковыми отложениями и позднейшими процессами (выветривание, эрозия), в результате которых на островах много песка — продукта механического разрушения кристаллических пород.

Рельеф Соловецких островов довольно неровный, изобилующий небольшими спусками и подъемами, а также многочисленными озерными котловинами. Но значительных возвышенностей нет. На Большом Соловецком острове можно выделить три основных зоны рельефа: центральная часть острова с холмисто-возвышенным ландшафтом и развитой сетью озер; южная часть, представляющая собой впадину, окруженную возвышенностями, заполненную торфяными болотами и полузаросшими озерами; область побережья.

Высшей точкой на Большом Соловецком острове является гора Секирная (абсолютная высота ее — 95,5, относительная — 71 метр). Высшая точка всего архипелага — гора Голгофа на острове Анзер (высота 200 метров). Известный ученый А. А. Иностранцев, проводивший в 1869—1870 гг. геологические исследования на севере, утверждал, что как Секирная гора, так и Голгофа образованы ледниковыми наносами, подобными тем, что идут и на большинстве других северных островов в направлении с севера на юг.

Помимо горы Секирной на Большом Соловецком острове есть еще несколько небольших, по 25—60 метров, возвышенностей и хребтов, именуемых здесь «горами». Они тянутся длинными грядами невысоких холмов с пологими краями. Почти все эти «горы» расположены в центральной части острова: на восток от Кремля идут отлогие Хлебенные горы (по преданию, когда-то монахи проводили здесь опыты посевов ярового хлеба), на северо-запад от монастыря — Валдайские горы, на север от них, в районе Красного озера, — цепь Сетных, Гремячьих и Волчьих гор. Встречаются заметные возвышения и на пути к Реболде и на северо-западной оконечности острова, вблизи Трещанки. На острове Муксалма, в его юго-восточном углу, возвышается гора Фавор.

Если представить себе общий ритм рельефа Соловецкого острова, то направление всех возвышенностей и озерных котловин в точности совпадет с направлением движения ледника. Ледник

двигался с северо-северо-запада на юго-юго-восток (кстати, в этом направлении вытянут и весь остров), оставляя за собою продольные гряды валунов и валунного щебня и прокладывая идущие в этом же направлении длинные оси большинства озер северной части острова. Позднее ледник несколько изменил направление своего движения, которое в центральной части острова почти совпало с меридиональным, а в южной части вновь несколько сместилось на линию с северо-северо-востока на юго-юго-запад.

Этими изменениями в направлении движения ледника и объясняется разница в положении основных элементов местного рельефа — возвышенностей, низин и озерных котловин.

Почва Соловецких островов характеризуется преобладанием песчанистой основы и недостаточным количеством питательных веществ. Естественных обнажений моренной породы на островах немного, но покрывающий породу почвенный слой незначителен по толщине (20—25 сантиметров, иногда даже 3—7 и почти никогда не более 40—50 сантиметров). На этом тонком почвенном слое — разнообразная растительность вплоть до могучих таежных лесов. Исследованиями почвоведов определены следующие основные почвенные комплексы на островах Соловецкого архипелага: подзолистые, переходные от подзолистых к полуболотным, полуболотные, переходные от полуболотных к болотным, болотные и торфяники.

Болота занимают значительную часть площади островов (кроме обоих Заяцких островов, где болот нет). Так, они составляют $^1/_8$ часть общей площади Большого Соловецкого острова и Малой Муксалмы и $^1/_5$ часть площади Анзерского острова (около 630 гектаров) и Большой Муксалмы (около 460 гектаров), где заболочена почти вся восточная часть острова.

На Большом Соловецком острове болота находятся, в основном, в южной (Печакское и Березово-Топское), в северо-восточной (Филимоновское и Городокское) и восточной частях острова. Центральная и западная части его почти лишены болот, там, если не считать обширного Куликова болота в западной части острова, есть лишь немногочисленные и мелкие «верховые болота» вблизи некоторых озер (впадины на высоких местах, питающиеся за счет атмосферных осадков). Соловецкие болота, как лесные, так и луговые, представляют собою, главным образом, озера в позднейшей стадии зарастания.

Торфяные болота сосредоточены в восточной и южной частях Большого Соловецкого острова (у Грязной губы, в районе Большого и Малого Каменных и Большого Торфяного озер по дороге

на Муксалму, в районе Лопских озер по Березовской дороге, вблизи мыса Печак и на Большой Муксалме в районе горы Фавор). Запасы торфа на Соловецких островах (по данным рекогносцировки 1924—1926 гг.) превышают 80 миллионов тонн. Промышленная добыча торфа на Соловках началась в июле 1925 года, но продолжалась недолго и в настоящее время не ведется.

* * *

Природные особенности Соловецких островов в значительной степени определяются влиянием моря. Береговая полоса представляет своеобразную физико-географическую зону.

Окружность Большого Соловецкого острова не превышает 100—115 километров, но длина его береговой черты приближается к 200 километрам, что свидетельствует о сильной изрезанности берегов, изобилующих мысами, морскими заливами, полуостровами.

Открытая прибрежная полоса тянется по всему периметру островов Соловецкого архипелага. Общая площадь морского побережья сравнительно с площадью островов довольно велика: так, на Анзере она достигает 926 гектаров (27% общей площади острова), на Большой Муксалме — 151, а на Малом Заяцком острове — 40,6 гектара (38% общей площади).

Берега Соловецких островов низменные, сложенные из рыхлых песчано-каменистых пород, усеяны валунами и местами покрыты редким травостоем. Береговая полоса ограничена лесом, который иногда подходит почти к самой воде, а иногда отступает от нее на 180—200 метров.

Есть предположение, что мели и каменные луды, идущие от берега в море в некоторых местах на значительные расстояния, — не что иное, как следы бывшего берега острова, размытого и разрушенного на протяжении столетий и отступившего под натиском моря. Не случайно ведь прибрежные глубины по всему периметру островов очень невелики: в западном и восточном направлениях море достигает десятиметровой глубины лишь в одной миле (1853 метра) от берега, а в северном и южном направлениях — в двух милях; дальше глубины увеличиваются и в северном и восточном направлениях за три-четыре мили от берега достигают уже 30—50 метров.

В связи с характеристикой Соловецкого берега следует остановиться на версии о том, что Соловецкие острова постепенно «растут». Еще А. Иностранцев в 1889 году, наблюдая обмеление

соловецких бухт и анализируя отметки на гранитной набережной вблизи монастыря, утверждал, что берега острова поднимаются из воды примерно на 120 сантиметров в столетие. В результате исследований, проведенных в 1923—1924 гг. с помощью мареографа, было установлено, что, хотя поднятие берега и имеет место, масштабы этого явления значительно меньше: Соловецкие острова «растут» примерно на 17 сантиметров в столетие.

Очень сильно меняют картину соловецкого берега приливы и отливы. Дважды в день беломорские воды наступают на берег островов, покрывая значительную часть прибрежной полосы, кое-где подступая почти к самому лесу и оставляя на линии уреза полосу водорослей, которая сплошной лентой вычерчена вдоль всей береговой линии. И дважды в день отлив обнажает не только песок и камни берега, но и тысячи оранжево-красных валуиов, лежащих в море вблизи берега. Каждый прилив и отлив продолжается около 6 часов 12 минут (суточный цикл — два прилива и два отлива — равен 24 часам 47 минутам), при этом период малой воды бывает обычно близок к полудню и полуночи. Разница между малой и полной водой в районе Соловецких островов в среднем равна 0,4—1,8 метра (наибольшая зарегистрированная амплитуда равнялась 0,3—2,0 метрам).

Энергия приливов и отливов весьма значительна. Постойте во время прилива над воротцами в дамбе, соединяющей Большой Соловецкий остров с островом Муксалма, и вы увидите, как на узком этом пространстве кипит, бушует, стремительно катится беломорская вода. В 1926 году инженер Л. Курчевский выдвинул проект использования энергии приливов и отливов для турбин гидростанции, которую он предлагал соорудить при входе в Глубокую губу (разница между большой и малой водой в этой губе составляет 125 сантиметров, и через пролив Железные ворота, соединяющий губу с морем, во время прилива и отлива проходит до 700 тонн воды в секунду).

Выше уже говорилось о том, что берега Соловецких островов (особенно Большого Соловецкого) сильно изрезаны. Заметно выдаются в море мысы Печак (юг), Березовый (юго-восток), Толстик (юго-запад), Белужий (запад), Переч-Наволок (север), Городок (восток).

Изобилует побережье и морскими заливами — некоторые из них совсем незначительны, почти незаметным полукругом вдаются в линию берега, другие, хоть и невелики по размерам, но глубоко врезаются в берег (Кислая, Грязная, Печакская, Березовая, Нерпичья губы), есть и крупные губы — такие, как Сосновая (на

севере), Глубокая (на востоке) и Залив Благополучия, Троицкая и Кирилловская на острове Анзер.

Глубокая губа, соединенная с морем узким проливом Железные ворота, мощно вдается в территорию Большого Соловецкого острова с востока. Ее площадь составляет 12,8 квадратных километра, глубина, оправдывая название губы, местами достигает 150 метров. В Глубокой губе, особенно в южной ее части, много островков, поросших лесом и кустарником; берега ее сильно изрезаны небольшими заливами и мысами.

Важнейшее значение имеет открытый с моря, обладающий великолепным рейдом, почти не подверженным значительному волнению, Залив Благополучия, на берегу которого стоит Соловецкий Кремль. Почти на два километра вдается он в глубину материка, образуя первоклассную гавань (общая площадь гавани составляет более двух квадратных миль — почти семь квадратных километров). Гавань эта защищена от большинства ветров (она доступна лишь западному и юго-западному ветрам), ее глубина на рейде (от 11 до 45 метров между Песьей лудой и Сенными лудами) и в самой гавани (2,1—2,4 метра в южной части, 4,8—5,4 метра в северной части, вплоть до самой пристани — в малую воду), характер ее дна (песок, мелкий камень) позволяют использовать ее для больших судов — недаром она считается лучшей гаванью в этом районе Белого моря.

Береговая полоса Залива Благополучия очень сильно изрезана небольшими губами и мысами, а поверхность его буквально усеяна лудами (небольшие каменистые островки, иногда поросшие кустарником и мелким березняком) и коргами (нагромождения камней, выступающие из воды).

Из островов в Заливе Благополучия следует назвать Парусный и четыре Сенных, а также вытянутые цепью от внешнего рейда в глубину залива острова Песья луда, Воронья луда и Бабья луда. Причудливая форма последнего объясняется тем, что он состоит из нескольких островков (так было еще в 30—40-х годах прошлого века), которые постепенно соединились из-за высыхания узких и мелких проливов между ними. Название острова связано с тем, что раньше (в XVIII и начале XIX века) здесь находилась гостиница для женщин-богомолок, приезжавших на Соловки.

Кроме перечисленных, в Заливе Благополучия есть и меньшие острова — Петропавловский, Крестовый, Игуменский, Белужий, Большой и Малый Топа, Травяной и многочисленные корги, представляющие серьезные навигационные затруднения: выход из залива даже на малых судах требует большого мастерства.

Необыкновенно красив Залив Благополучия и «в час утра золотой», и в предвечерний час, когда остановившееся над морем солнце окрашивает берег, воду, островки и корги, здания на берегу и сам Кремль в нежный розоватый цвет, когда торжествует живая тишина, когда все, что оказывается в поле нашего зрения, приобретает какую-то особую стройность, силуэтную выразительность и поистине художественную законченность. Вода чиста и прозрачна — и видно, как на глубине нескольких метров медленно и плавно колышутся большие листья ламинарии, которой буквально усеяно все дно залива.

Кстати, не только дно залива. Водоросли, этот бесценный дар моря, в огромном количестве растут в районе Соловецких островов. Это одна из самых значительных водорослевых плантаций на Белом море. Жизнетворные соли фосфора и азота, которых немало в беломорской воде, являются источником жизни и развития растений. В общих запасах промысловых водорослей (а они так грандиозны, что, по подсчетам ученых, в советских морях можно ежегодно добывать до десяти миллионов тонн) Белое море занимает очень важное место. В его водах насчитывается до 160 видов водорослей. Они растут на дне, в зоне от берегов до глубин в 40—50 метров. Из этих 160 видов 10 имеют промысловое значение. Среди них наиболее важны красная (глубоководная) анфельция и бурые (растущие на средних глубинах) ламинария и фукус. Все они богато представлены в районе Соловецких островов, где ведется их промысловая добыча и промышленная переработка.

Применение водорослей и продуктов их переработки необычайно разнообразно. Ламинария — великолепный корм для скота: по количеству кормовых единиц и усвояемого белка она равна сену заливных лугов, но превосходит его по содержанию минеральных веществ. Это и великолепное удобрение: ведь ламинария содержит тот же набор химических элементов (числом 32), что и морская вода (в том числе бром, мышьяк, йод, соли радия, витамины B_1 и C и т. д.). А ведь точно такой же набор входит в состав крови и тканей человека.

Перечень тех отраслей, где применяются продукты переработки морских водорослей — агар, йод, абсорбирующий уголь, фуксидин, альгинаты, — поистине огромен. Здесь и изготовление стойкой яркой краски для тканей, и отделка кож, и производство пластмасс, искусственного каучука и непромокаемых тканей, и замечательный смазочный материал для механизмов, и высококачественный клей, и вещества, необходимые для бурения сверхглубоких скважин, и вещества, которые при обработке ими тканей, фетра,

кожи придают эластичность, прочность, блеск. Тут и пищевая промышленность (осветление вин, изготовление маргарина, желе и мармеладов, конфет и мороженого), и бактериология, и медицина (приготовление различных экстрактов, эмульсий и производство медикаментов, употребляемых для лечения гипертонии, склерозов, нервных заболеваиий, анемии, ревматизма и т. д.).

Вот что такое водоросли. Те водоросли, запас которых в наших морях практически неограничен. Те водоросли, которые сотнями тонн добываются у берегов Соловецких островов. Те водоросли, которые источают резкий, немного пряный и очень свежий запах йода, сливающийся с ароматом хвойного леса и придающий соловецкому воздуху особую живительность.

* * *

Близость Поляриого круга и Арктической области, конечно, не проходит бесследно для Соловков. Об этом напоминают и отдельные, типично северные по своему виду участки островов, и некоторые особенности соловецкой флоры, и своеобразные черты местного климата.

И все же по облику и по характеру климата Соловецкие острова представляют своеобразный оазис посреди Белого моря и резко отличаются от окружающих их районов беломорского побережья.

М. М. Пришвин, говоря о соловецкой природе, отмечал, что год здесь делится на такие периоды: июль—август — лето; 1—20 сентября — позднее лето; 20 сентября начииается осень, продолжающаяся до иаступления морозных утренников, до 20 октября; потом идет сравнительно мягкая зима, господствующая в течение четырех месяцев; 40 дней падает на «конец зимы», вслед за которым наступает почти двухмесячный период весны. Может быть, в чем-то можно и уточнить такую периодизацию, но в основе она, безусловно, верна и, что самое главное, глубоко и тонко отражает особениости местного, имеиио соловецкого года, местного климата.

Наличие на Соловецких островах микроклимата отмечено очень давно и не подлежит ни малейшему сомнению. Он сказывается и в относительном запаздывании времеи года по температуре сравнительно с другими местностями, и в том, что местная весна значительно (в среднем на 5°) холоднее осени; более того, март на Соловках холоднее даже декабря. Микроклимат сказывается и в мягкости зимы, и в высоком уровне влажности. Главиые факторы, образующие его, — это островное положеиие Солов-

ков на Белом море и нахождение в сфере интенсивной деятельности циклонов.

С наступлением зимы море, постепенно остывая, отдает суше тепло. Отепляющая роль моря сказывается и в сравнительно высокой (—9,4 или —9,6°С) средней температуре января на Соловках. Достаточно сказать, что зимняя (январская) изотерма (—10°) описывает на Белом море замкнутый круг с центром в Соловках: они теплее всех окружающих районов. С февраля отепляющее влияние моря, к этому времени уже остывшего, уменьшается, и климат принимает более континентальный характер; февраль — самый холодный месяц на Соловках (средняя температура —11,2°С), однако и в феврале сильные морозы бывают редко, а морозы, приближающиеся к —30°С, вообще исключительный случай. В апреле—мае остывшее море интенсивно отдает холод, играя по отношению к суше охлаждающую роль, поэтому средняя температура этих месяцев (—2,1° в апреле и +3,7°С в мае) невысока.

Несколько слов о ледовом режиме моря, играющем роль одного из важных климатообразующих факторов в этом районе. Как известно, Белое море сплошь не замерзает: вокруг всех участков суши (матерый берег, острова, мелкие островки) образуется полоса ледового припая, ширина которой хотя и зависит от ветров, температурного режима и других причин, но не бывает меньше нескольких километров. Опоясывая все участки суши, припай оставляет незамерзшей, свободной ото льда часть моря; многолетними наблюдениями установлено, что ширина этой полосы воды между материком и островами и в самые суровые зимы не бывала меньше 8—10 километров.

Сплошная полоса ледового припая окружает зимою и Соловецкие острова. В ноябре замерзают Залив Благополучия и малые бухты, а открытая часть залива и рейд заполнены подвижным льдом. Незамерзающая полоса на море между материковым и островным припаем является причиной того, что на протяжении многих веков Соловецкие острова с ноября по май оказывались совершенно отрезанными от внешнего мира.

Важнейшим фактором, влияющим на соловецкий климат, являются, наряду с Белым морем, циклоны, идущие с Атлантики и систематически проходящие над Соловецкими островами. Выдающийся русский метеоролог академик М. А. Рыкачев отмечал, что центры почти 25% всех циклонов, идущих через Европу с Атлантики, проходят через Соловки, а центры еще 25% циклонов проходят вблизи Соловков. Соловецкие острова оказываются, таким

образом, в сфере действия почти половины всех циклонов Европы, образующихся на границе полярного и тропического воздушных потоков. При этом в связи с общим температурным режимом Белого моря и Ледовитого океана центры проходящих через этот район циклонов смещаются в осенние и зимние месяцы к северу, а в весенние и летние месяцы — к югу. Это — еще один фактор, под влиянием которого температура осени и зимы оказывается на Соловках выше, чем на расположенных даже значительно южнее частях материка.

Если зима на Соловках сравнительно мягкая, то летом не бывает большой жары. Средняя температура летних месяцев не очень высока: июнь 7,7° (ниже чем сентябрь, средняя температура которого 8°), июль 12,2°, август 11,2°. Так же, как и сильные морозы, сильная жара летом — редкость на Соловках. Наивысшая температура летом почти никогда не превышает 26—27°С. Амплитуда колебаний средней зимней и летней температуры (январь—июль) составляет здесь 21,8°; наибольшая амплитуда (февраль—июль) достигает в среднем 23,4°. Средняя годовая температура на Соловецких островах +0,5°С. Эта изотерма проходит гораздо южнее Архангельска и прилегающего к Белому морю материкового побережья.

На соловецкий климат значительное влияние оказывают ветры, которые здесь часты (ветреных дней в году бывает в среднем 163) и сравнительно сильны (среднегодовая скорость ветра достигает 6,8 метра в секунду). Однако распределение ветров по направлениям очень своеобразно. Если с марта по июль господствуют северо-восточные ветры, идущие через открытое горло Белого моря, то в остальные месяцы (с августа по январь и частично в феврале) преобладают ветры южного, западного и юго-западного румбов, оказывающие также свое «облагораживающее», утепляющее воздействие на соловецкий климат. От восточных ветров Соловки надежно прикрыты массивом Летнего берега. Влияние ветров особенно чувствуется в прибрежной зоне. Середина острова прикрыта лесами.

Известно несколько случаев, когда на Соловецкие острова неожиданно обрушивались совершенно нетипичные для их климата опустошительные ураганы. Но подобные явления бывают на Соловках не часто.

Среднегодовое атмосферное давление на Соловецких островах составляет 757,1—757,3 миллиметра (наинизшее в ноябре — 753,4, наивысшее в мае — 760,2). Высокий среднегодовой процент влажности (относительной 84 и абсолютной 4,7) связан с остров-

ным положением Соловков и влиянием моря, а не с обилием осадков. Наоборот, осадков на Соловках выпадает мало — в среднем 378—380 миллиметров в год (достаточно сказать, что это меньше годового количества осадков, выпадающих в Киеве, Москве, Воронеже, Казани и Алма-Ате). Годовое количество осадков на Соловках ниже всех окрестных районов беломорского побережья — Кеми, Онеги, Архангельска. Наибольшее количество осадков приходится на сентябрь и октябрь, наименьшее — на апрель и январь. В летние месяцы количество осадков не превышает 39 миллиметров; в этот период и в начале осени погода на Соловках устойчивая, солнце неделями не покидает небо, дождей не бывает подолгу, и лишь в иной день к вечеру соберутся легкие розоватые облачка, которые вскоре и разойдутся...

Неожиданная в предполярной зоне мягкость и спокойный характер соловецкого микроклимата — это то, с чем с самых первых шагов пребывания на чудесных островах сталкивается любой приезжающий сюда. И это столкновение сулит немало удовольствия от общения с чудесами соловецкой природы — с соловецкими озерами и лесами.

Соловецкие озера — подлинное чудо. Северная Россия и Карелия богаты озерами — многие древние города и поселения возникли и выросли на их берегах. В десятках народных легенд, песен и былин воспеты эти красавцы. Но даже человек, хорошо знающий Север, не может остаться равнодушным к чарующей красоте соловецких озер. Их величественный покой невозможно передать словами. На небольшом, в сущности, пространстве острова сосредоточены сотни зеркальных озер, и каждое из них чем-то отличается от других, каждое прекрасно по-своему. И тот, кто однажды увидел эти озера, уже никогда не забудет ни их поросших лесом берегов, ни желтых песчаных отмелей, золотящихся на солнце, ни красавцев-каналов, связавших ряд озер в единую систему. Не забыть ни кувшинок, почти сплошь покрывающих тихие заводи, ни раннего утреннего тумана, ни рыбацкого упоения, ни того своеобразного, немного похожего на треск звука, с которым в предвечерний час взлетает выводок диких уток. Эти озера — как зеркала, которыми усыпан остров.

На Соловецких островах нет рек, родников — наперечет (в прибрежной полосе), и почти нет ручьев. Бучейное озеро в северной части острова, вблизи Новой Сосновки, соединено с морем небольшим ручейком; озера Щучье и Карзино, соединенные каналом, имеют сток в море через подпочву. Вот, пожалуй, и все естественные проточные источники.

Но пресной воды на Соловках очень много — и в самой непосредственной близости от моря. Соловецкие озера отличаются необычайным разнообразием по своему положению, очертаниям, площади и глубине, рельефу дна, растительности, населению и т. д. Ознакомление с ними необыкновенно увлекательно.

Озера Соловецких островов в абсолютном своем большинстве (кроме нескольких реликтовых озер, которые представляют собой бывшие морские лагуны, постепенно отделившиеся от моря и опреснившиеся) имеют ледниковое происхождение. Они образовались в моренных котловинах, заполнившихся пресной водой. Достаточно взглянуть на карту острова, чтобы убедиться, что направление озер почти всегда совпадает с направлением моренных полос — меридиональным.

Топография озер не остается стабильной, она непрерывно меняется. На месте бывшего большого озера в результате высыхания образуются несколько небольших, разделенных узкими перешейками. В другом месте, наоборот, несколько малых озер соединяются в одно, имеющее вытянутую форму (именно так образовались, например, нынешние озера Валдай, Перт, Данилово, Исаковское). Интенсивно идет процесс заболачивания озер в ряде районов острова — наряду с «чистыми» озерами, имеющими крутые каменистые берега, каменистое дно и прозрачную воду, существуют «зарастающие» с чередующимися по берегу песчаными участками и зарослями камыша и хвоща (к числу их относится Красное). Немало озер, отнесенных к категории «сильно заросших», у них пологие берега, пышная надводная и подводная прибрежная растительность (таковы Долгое, Бносадское, Лопушки, Лопские, Малое Каменное и др.). Есть, наконец, и «старческие» озера, вступившие уже в конечную стадию зарастания с образованием сфагновой подушки со скудной прибрежной растительностью, характерной для торфяников.

Такова классификация соловецких озер в их сегодняшнем состоянии. Они расположены на острове, на первый взгляд, причудливо — то компактными группами, то вытянутыми цепями, то совсем вразброс. Но в этом живописном беспорядке можно увидеть определенную систему, которой руководствовалась природа. Так, наиболее развитая сеть озер — в центральной части острова, где изрезанный рельеф, холмисто-возвышенный ландшафт. Окраины острова (южная половина, западная часть и северо-восточный угол) почти лишены озер.

Кстати, а сколько озер на Соловках? Вопрос, который задают все и на который, как это ни странно, никто не может ответить с

абсолютной точностью. Просто все озера на острове, включая небольшие впадины, заполненные водой, никто никогда не пересчитывал. Да и не такая это простая задача.

Знаменитый русский путешественник XVIII века П. И. Челищев, посетив Соловки, записал, что на острове «по объявлению тамошних жителей до 170 небольших озер...» Вскоре, в 1793 году, А. И. Фомин, автор интереснейшего «Описания Белого моря», касаясь этого вопроса, замечал осторожно, что на карте острова, которую составил «прилежнейший ключарь Кузнецов», указано 177 озер, — но составитель карты некоторых озер еще не знает. Позднее это число 177 указывалось неоднократно, в частности, оно попало и в изданное через 60 лет после книги Фомина официальное «Военно-статистическое обозрение Российской империи».

Соловецкий историк архимандрит Досифей в своем труде, изданном в 1834 году, говорит, что на острове более 300 озер разной величины, причем «большая половина... по неизвестности названий и по самой трудности исчисления оных остаются неизвестными». В труде Досифея приведены названия 96 соловецких озер.

Есть источники, в которых говорится, что на острове 360 озер, есть и такие, где число их дается округленно — «до 400». А. А. Захваткин, специально изучавший этот вопрос в 1926 году, указывает, что на острове 492 озера, общая площадь которых составляет 2720 гектаров, то есть равна 12—13% всей площади острова. Впрочем, и относительно общей площади озер на острове существует разнобой: 2720, 2593, 2600, 2763, 2753 гектара. Правда, здесь расхождения не так велики, как с числом озер, — можно принять, что общая площадь озер действительно составляет 12—15% всей площади острова.

Названия соловецких озер неоднократно менялись; не совсем просто, например, установить все озера, которые упоминает в своем списке Досифей. А уж пытаться разгадать происхождение некоторых названий — совсем бесполезно: если даже название понятно само по себе, невозможно догадаться, как оно «привязано» к данному озеру. В самом деле, откуда взялись, например, названия озер Перт или Остречье, или Ломинога? Но есть у некоторых соловецких озер названия звучные, поэтические, идущие от тонко подмеченных особенностей этих озер: Светлое Орлово, Благодатное, Красная Зорька, Красулька и многие другие.

Очень различны соловецкие озера не только по своему виду, по названиям, но и по площади, которую они занимают. Колебания весьма значительны: Красное озеро превышает 2,5 квадратных километра, Остречье — 0,6, Большое Ягодное — 0,73, Березо-

вое — 0,63, Комсомольское — 0,6, Щучье и Ср. Перт — по 0,57 квадратных километра, но есть множество озер, площадь которых 0,1—0,2 и даже 0,02—0,03 квадратных километра.

Разнообразна и форма озер. Одни — почти круглые, другие — эллипсовидные, третьи — вытянутые; у одних края закруглены, у других изрезаны, у третьих загибаются в виде подковы.

Есть озера с множеством заливов и озера, посреди которых стоят живописные островки (даже Семиостровное). Есть озера, в которые врезаются узкие и длинные мысы, с берегами, причудливо изрезанными мелями, сужениями, губами, бухточками (это отразилось и в названиях: Трегубье, Кривое, Горбатое, Трехлопастное, Крестоватое и др.). И нет двух озер, похожих по форме, по очертанию своих берегов.

Берега большинства озер крутые и заросшие лесом; озеро расположено как бы в глубокой чаше. Часто на берегах встречается моренный материал — песок и камень, иногда группы или целые гряды валунов различных размеров. У зарастающих озер участки берега подболочены. Берега некоторых озер буквально усеяны стволами и пнями поваленных деревьев, обращенных комлями к берегу, — эти деревья подмыты водой или подбиты льдом. На Красном озере множество торчащих из-под воды белых пней — результат изменения уровня озера после включения его в систему.

Чрезвычайно разнообразны уровни, на которых расположены соловецкие озера, разница здесь достигает 32 метров! Это тем более примечательно, что рельеф острова, как уже сказано выше, лишен резких перепадов и что озера расположены весьма кучно, на небольших расстояниях одно от другого. И несмотря на это... Расстояние между Красным и Гремячьим озерами всего 85 метров, а разница их уровней достигает 12,8 метра. Между соседними Б. Зеленым и Лапушечным озерами разница превышает 20 метров. При этом высота большинства соловецких озер над уровнем моря очень постоянна. Озер ниже уровня моря на Соловках нет. Наиболее низко (1,5—2 метра) расположены озера, находящиеся неподалеку от моря и имеющие сток в него, хотя высота Святого озера приближается к восьми метрам над уровнем моря!

Небезынтересно указать высоты уровней некоторых озер. Самые высокие — Благодатное (36 метров), Светлое Орлово (33,5), Красная Зорька (15), Большое Зеленое (31,3), Большое Тарасово (27), Малое Охочье (23,7), Исаковское (22,1), Большое Торфяное (17,7), Средний Перт, Красное Орлово, Щучье и Валдай — озера, расположенные на судоходной системе, находятся на высоте 16,2 метра.

Не менее разнообразны и глубины соловецких озер. Они колеблются от 24 до 25 метров (Красное озеро в его юго-западной части) до нескольких десятков сантиметров в ряде озер. Вообще озера, расположенные в северной части острова, глубже. Вот данные о глубинах некоторых из них: Б. Зеленое — 19 метров, Елисеево — 15, Б. Каменное — 14, Долгонькое — 11, Святое — 10,5, Б. Торфяное — 8—10, Биосадовское — 7, Лопское — 3—4 метра.

Дно большинства озер песчаное и песчано-каменистое, кое-где оно заторфовывается. Рельеф дна как бы повторяет рельеф окружающих участков суши: песчаные холмы создают на дне многих озер пересеченный рельеф, продолжающий линии береговых холмов.

Соловецкие озера питаются за счет грунтовых вод и в меньшей степени за счет атмосферных. В большинстве озер (кроме тех немногих, что имеют сток в море) вода расходуется лишь путем испарений, но испарения не очень интенсивны из-за невысокой температуры и значительной влажности воздуха. Весна на Соловках растянута по времени, поэтому снег тает медленно, и поступление в озера воды от тающего снега продолжается до полутора месяцев. Все эти причины обусловливают постоянство как уровней соловецких озер, так и состава их воды. Она бедна минеральными солями — наибольшее количество их, содержащееся в воде, перехватывается нуждающейся в минеральных веществах почвой. Зато в воде соловецких озер содержится очень много хлора (12—21 миллиграмм на литр) и столь большое количество солей кремния и окиси железа, что оно превосходит количество этих солей в воде самых богатых ими среднеевропейских озер.

Окись железа и заторфованные участки берега придают воде некоторых соловецких озер черно-рыжеватый или шоколадный цвет. Цвет воды большинства озер голубой или зеленоватый, прозрачность ее очень значительна: в Б. Зеленом озере — 7,5 метра, в Красном и Комсомольском — 4,5, в Б. Каменном и Валдае — 3, в Биосадском — 2, в Святом озере — 1,5 метра. Зимой прозрачность воды во многих озерах (под прорубью) достигает 7 метров.

Растительный мир соловецких озер довольно богат: специальными исследованиями установлено 19 видов водной и 22 вида береговой флоры.

Большой интерес представляет исследование озер Соловецкого острова с гидробиологической и ихтиологической точек зрения. Эти проблемы имеют не только научное, но и народнохозяйственное значение: соловецкие озера могут быть использованы для организации здесь масштабных работ по рыборазведению.

В 1925—1926 гг. А. А. Захваткин обследовал по поручению Соловецкого общества краеведения 69 озер. Он обнаружил в них 127 разновидностей планктона и установил, что в соловецких озерах встречаются 13 видов рыб, относящихся к пяти семействам. Среди этих видов искусственно разведенные форель и ряпушка (водились в каналах питьевой системы и в трех-четырех озерах), редко встречающиеся корюшка и карась, очень распространенные окунь, ерш, плотва, щука и налим. Несколько лет назад был сделан удачный опыт разведения карпа в Карасевом озере, отгороженном для этой цели от Исаковского.

...Когда с берега или лодки смотришь на гладь соловецкого озера, трудно представить себе, что под этим кажущимся неподвижным водным покровом идет многообразная жизнь. Она не прекращается ни на минуту — ни в белые ночи, ни долгой зимою, запирающей озера льдом на шесть с лишним месяцев в году. Соловецкие озера замерзают на протяжении довольно продолжительного периода: с середины октября до середины ноября. Освобождаются они ото льда обычно в последней декаде мая — сначала небольшие и лишь в самом конце мая крупные. Под весенним солнцем оживают эти прекрасные и чистые глаза земли, одна из самых драгоценных соловецких достопримечательностей.

* * *

Еще в 1856 году в книге «Год на Севере» С. В. Максимов писал: «Местность Соловецкого острова составляет решительный контраст со всеми соседними ей: словно природа огорчилась, истощенная в береговых тундрах и болотах и, собравши последние оставшиеся силы, произвела на острову новый, особенный мир, в котором так всем привольно и так все сродни и знакомо дальнему, заезжему человеку...» Трудно не разделить восхищение путешественника, более ста лет назад посетившего Соловки. Каждый из нас переживает то же самое, впервые попав на чудесный остров.

Когда приближаешься к Соловкам с моря, непременно обращаешь внимание на сплошную зеленую стену, вытянувшуюся вдоль всего побережья. Но мы еще не можем представить себе масштабов и очарования того сюрприза, который готовится нам: встречи с своеобразной красотой соловецкой природы.

На Соловках почти нет пустых, не занятых растительностью участков. Леса покрывают большую часть поверхности островов. Площадь, занятая лесом (включая мелколесье), на Большом Соловецком острове составляет 145 квадратных километров (59% об-

щей площади острова), на Анзере — 1375 гектаров (40%); на Большой Муксалме — 65%; больше половины общей площади занимают леса и на обоих Заяцких островах (65% и 55%).

Соловецкий лес защищает остров от ветров и влияет на климат, он служит приютом для животиых и птиц, он благоприятствует развитию сельскохозяйственных культур. Поэтому соловецкий лес заслуживает внимательной и любовиой охраны. Эта задача ложится не только на местных жителей, но и на всех приезжающих на острова туристов.

В 1880 году на Соловках работала «Беломорская экспедиция», организованная столичным Обществом естествоиспытателей. Один из участников этой экспедиции, Л. Цеиковский, в своем отчете писал: «Мы так привыкли с детства представлять себе Белое море покрытым и среди лета громадными льдинами с качающимися на них медведями, что, очутившись на Соловецких островах, среди березовых и еловых лесов, среди цветущих лугов, в виду синего моря, залитого светом, мы недоумевали, действительно ли находимся в ближайшем соседстве Полярного круга...» И здесь же отмечал, что наземная флора Соловецких островов представляет иичуть не меиьший естественионаучный интерес, чем море.

Богатство соловецкой флоры тем более удивительно, что, как уже отмечалось, почва островов весьма скудна и недостаточно иасыщена минеральными солями, климат отличается высокой влажностью, да и необычиый световой год (незаходящее солнце летом и темные зимние месяцы) является неприемлемым для ряда видов растений.

И все же количественный видовой состав растительиости Соловецких островов достигает 550! При этом есть немало мест, где на небольшой площади представлены десятки разнообразных видов флоры, типичных для разных природиых зои. Соловецкие лесные ландшафты в сочетании с озерами и луговыми пейзажами не только очаровательны по красоте, ие только очень разиообразны, но и как-то очень привычны жителю средией полосы.

Живописные дороги тянутся золотистой лентой среди леса, обступившего их с обеих сторон. «Часто налево перед вами, — описывал такую дорогу В. И. Немирович-Данченко, — возносится крутая, заросшая гигантским лесом стена, а направо обрывается вниз такая же щетинистая стремнина. Сосны, одна величавее другой, вырастают на каждом повороте дороги...» Дорога пересекает луговины, огибает озера, идет через каменистые гряды и снова углубляется в лес, который только что был прозрачно-светел и радостен, а вот уже стал гуще и темнее — какой-то угрюмый и

таинственный. Высоко поднялись могучие вековые деревья; их переплетенные корни часто бывают обнажены, нижние ярусы их ветвей давно оголились от хвои и обросли длинными бородами почернелого мха. Таких лесных патриархов много здесь, и огромные валуны у подножья как бы охраняют их покой. Возраст основной части соловецкого леса приближается к полутора столетиям. Возраст бора, расположенного западнее Савватиева, специалисты определили в 250 лет, а отдельные экземпляры деревьев на островах пережили даже 300-летний юбилей!..

В лесу много бурелома — иные стволы лежат уже многие годы, вросли в землю, почти совсем скрылись в сплошных зарослях черники, брусники, голубики и воронихи. В конце лета низ леса расцвечивается ягодами, а на обочинах дорог, на небольших лужках, на живописных лесных полянках, у берегов озер еще цветут цветы — и пунцовая нарядность иван-чая соперничает с изысканной нежностью медуницы. Кстати, и грибов, причем первоклассных, в соловецких лесах бывает изобильно.

В местной флоре преобладает хвойный лес (до 88% всей площади леса, в том числе сосново-еловый — 65, сосновый — 15, еловый — 8%), кустарники, полукустарники и вересковые. Вблизи озер заметен переход от лесной флоры к луговой и от нее — к болотно-водной.

Лес опоясывает остров, тянется по всему периметру берега. Характер его неодинаков. На северо-западном, северном и восточном (южнее Реболды) берегах острова на протяжении более 15 километров протянулась полоса великолепных боров, открытых господствующим ветрам и своей мощью прикрывающих от них середину острова; ширина этого бора местами (например, на северо-западном берегу, между Белужьей и Трещанкой) достигает 800 метров, а общая его площадь приближается к 700 гектарам.

В южной части острова боровых участков почти нет. Лес здесь со значительной примесью лиственных пород, мельче и реже. Вдоль побережья вытянулись приземистые, корявые деревья с мелкой листвой, с искривленными стволами, на которых десятки наростов и утолщений напоминают распухшие суставы. Ритм стволов этих деревьев бывает иной раз чрезвычайно живописен, и можно в каком-нибудь пустынном участке побережья подолгу наблюдать фантастический «танец» мелкорослых березок.

Чем дальше от берега, тем слабее сказывается влияние ветров — и тем выше, стройнее, гуще и массивнее становится лес. В центральной и северной частях острова встречаются участки великолепного строевого леса (например, у озер Вениаминова,

Волчьего, Светлого Орлова, у подножья Гремячьих гор и т. д.). Даже в южной части острова, недалеко от мыса Печак, на некотором удалении от берега, разрослась на обширном песчаном плато сосновая роща.

На долю смешанного и лиственного леса приходится всего 9—10% общей площади леса. Это чисто березовый лес, встречающийся на различных участках берега, особенно в южной части острова, участки смешанного леса вдоль береговой полосы (например, от мыса Толстик на юг, до Кремля) и на местах вырубки в центральной части острова. Лиственный характер носит и подлесок сосново-елового леса, где встречаются также небольшие участки смешанного леса или — среди хвойного леса — отдельные мощные экземпляры лиственных пород. Из лиственных на Соловках встречаются береза (имеются отдельные экземпляры карельской березы — об этом писал еще архимандрит Досифей в своем «Описании» монастыря), осина, ольха, рябина, ива. В различных участках острова встречаются посаженные руками человека кедр (на хуторе Горка, в Савватиево, у Биосада), пихта, лиственница, тополь, клен, черемуха, сирень. Хотя численность этих видов невелика и считать их типичными представителями соловецкой флоры нельзя, необходимо отметить, что они отлично приспособились к местным условиям.

Брусника, черника, голубика, морошка растут в лесах, у озер и на болотах острова в огромных количествах. В зените лета, когда ночи начинают темнеть и идет общий очень дружный и интенсивный рост всех растений, в соловецких лесах расстилается сплошной ковер цветущего вереска. Скромное с виду непритязательное растение это покрывается мельчайшими цветочками нежно-фиолетового тона, и трудно найти что-нибудь прекраснее и благороднее той цветовой гармонии, которая господствует в зеленом лесу в период этого цветения.

Цветов на Соловках очень много. Иван-чай и медуница, ромашка и поповник, росянка, колокольчик, кошачья лапка, одуванчик, лютик, звездчатый горошек, незабудка, фиалка, львиный зев, золотарник, полевая рябинка, кипрей, таволга... Некоторые места на островах покрыты сплошным цветочным ковром.

Луга на Соловках занимают площадь свыше двух тысяч гектаров. Это в большинстве искусственные луга, созданные в результате обширных осушительных работ, дренирования значительных площадей. Здесь растут клевер и вика, мятлик, овсяница, лисохвост и другие виды трав и множество цветов. Качество трав на соловецких лугах первоклассное. Хотите убедиться в этом —

походите по обширным лугам в районе Исаковского озера — там, где сочная трава, распространяя густой и терпкий аромат, достигает человеческого роста.

Помимо лесной и луговой растительных зон есть на островах и зона болот. На заболоченных участках представлено около десятка различных видов флоры, самые распространенные среди которых мох-сфагнум, вереск, пушица, багульник, клюква, морошка.

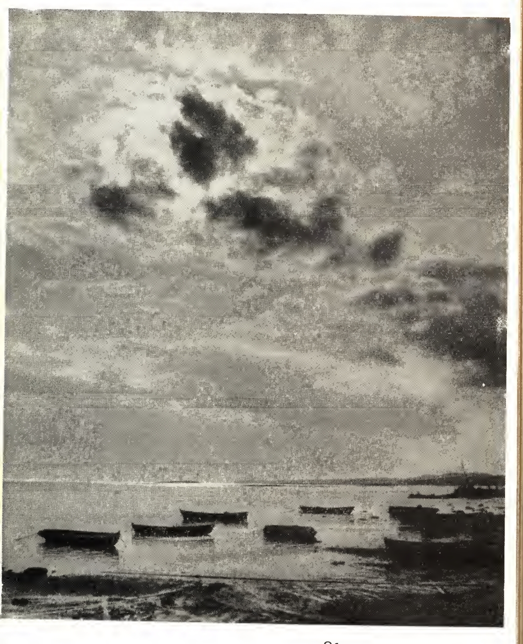
Хотя флора Соловецких островов и не отличается какими-либо экзотическими, редкими видами или необычайными достопримечательностями, ее главная особенность, ее прелесть заключается именно в этой обыкновенности — в том, что у самого Полярного круга житель Москвы и Минска, Ленинграда и Саратова с удивлением и восторгом обнаруживает природу разнообразную, богатую и очень привычную, очень-очень родиую...

Животный мир Соловецких островов ие отличается ни многочислеииостью, ни разиообразием. Хищных зверей иет, пресмыкающиеся представлены лишь мелкой породой ящериц, земноводные — остромордой лягушкой; ядовитых змей иикто никогда на островах не встречал. К Соловкам вполне применима распространенная на севере шутка о том, что единственный хищиый зверь здесь — комар. Комаров, действительно, множество, особенно в лесной и озерной центральной и северной частях острова, свободна от них только береговая полоса (включая район Кремля), откуда они прогоняются ветром.

В течение многих десятилетий на островах была запрещена охота, и здесь свободно жили и плодились водоплавающие птицы, тетерева и куропатки, знаменитые соловецкие чайки; в лесах во множестве водились белки, встречались лисицы, зайцы. Еще с середины XVI века монахи разводили на островах (в диком виде) лапландских оленей, стадо которых в 1917 году насчитывало около 300 голов, их отстреливали по 50—100 в год, употребляя кожу на изготовление обуви.

В одной из газетных корреспонденций, напечатанных в 1903 году, можно прочитать: «при проезде по лесным дорогам острова встречаешь массу дичи. Иногда спокойно перейдет вам дорогу дикий олень, посмотрит на человека и пойдет себе дальше... Мы видели дикую лисицу, прибежавшую из леса. Преспокойно взяла она из рук человека кусок сахара и на наших глазах опять, не спеша, ушла в лес...»

Позднее, в 20—50-е годы, сохранению соловецкой фауны не уделялось достаточного внимания, и ей был иаиесеи значительный

Облака плывут над морем.

Соловецкий Кремль со стороны Святого озера.

Дорога к горе Секирной.

Гора Секирная.

Вид с горы Секирной

Июльский вечер.

Палаточный лагерь у озера.

Эпизод туристского быта.

Кремль
Никольские ворота.

Перед экскурсией.

Древний колокол.

ущерб. В последние годы здесь ведется работа по восстановлению животного мира. Возглавляют ее местные организации, в частности Соловецкое отделение охотничьего общества. Сроки и правила охоты на Соловках неукоснительно соблюдаются. На остров завезено и выпущено на волю стадо оленей, значительно больше стало за последние годы и птицы.

Орнитофауна Соловецкого архипелага богата. Не следует забывать, что через Онежский залив и через Соловки проходит один из главных путей миграции перелетных птиц. Большие губы Соловецкого острова — Глубокая, Сосновая с их островами являются в период перелетов участками массового гнездования.

Еще в 1834 году в труде архимандрита Досифея о Соловецком монастыре перечислялись виды птиц, которые встречались на островах: орлы и ястребы, глухари, тетерева и куропатки, лебеди, журавли, гуси, гагары, утки, зяблики, малиновки, воробьи. Особое внимание уделялось крупным соловецким чайкам, которые тысячами жили в районе монастыря. Они «не перестают кричать ни днем, ни ночью. При появлении орла вдруг поднимаются на воздух с сильным криком и не страшатся сего царя птиц даже преследовать...» Без подробных описаний этих чаек не обходилось ни одно сочинение о Соловках. К сожалению, в сравнительно недавнее время птицы эти, считавшиеся одной из достопримечательностей местной природы, были полностью истреблены.

Количество видов птиц, встречающихся на Соловках, значительно. Г. Ф. Гебель, исследовавший этот вопрос еще в 1879 году, обнаружил здесь 83 вида, из которых 7 были встречены им только на Соловецких островах.

В первые годы Советской власти на Соловецкой биостанции велось систематическое изучение местной орнитофауны. Сотрудник музея П. А. Кремеиер составил в 1927 году список, насчитывавший 64 вида птиц, встреченных на Соловецких островах; но список этот был вскоре значительно дополнен Г. И. Поляковым, в 1929 году указавшим уже 105 видов, которые он разделил на шесть групп: оседлые (живущие весь год) — 25 видов; летующие (живущие лишь летом, а на зиму улетающие) — 55 видов; зимующие (прилетающие лишь на зиму — их представляет лишь один вид, оляпка); кочующие (появляющиеся нерегулярно) — 10 видов, в том числе клест-сосновик, синица, свиристель, неясыть; пролетные — 5 видов и залетные (появляющиеся от случая к случаю) — 8 видов и среди них грач, галка, сорока, скворец, чибис, перепел, жаворонок.

Г. Поляков перечисляет также основные факторы, под влиянием которых сложилась соловецкая фауна. Это, во-первых, островное положение Соловков, во-вторых, близость материка, в-третьих, влияние моря на весь физико-географический облик Соловков и в связи с этим на их фауну и, наконец, особенность географического положения островов на границе тундровой и таежной полос, благодаря чему в соловецкой природе сочетаются виды, свойственные обеим этим зонам.

Все признаки соловецкой природы убеждают в исключительном и многогранном своеобразии этого уголка. Море у соловецких берегов с кипучей жизнью, идущей в его водах, и сами эти берега, соловецкие озера, соловецкий лес с его млекопитающим и пернатым населением — все это непременно должно было давно уже привлечь внимание ученых.

Так оно в действительности и было. История изучения Соловецких островов и прилегающего к ним района Белого моря представляет собою яркую страницу истории отечественной науки; к изучению Соловков в большей степени восходят дальнейшие блестящие успехи русских и советских ученых в научном освоении арктического и приполярного районов.

* * *

Один из первых случаев, когда Соловецкие острова оказываются отмеченными на географической карте и входят в географическую номенклатуру, — это морская карта, изображающая весь северный берег России до Новой Земли. Одна из первых печатных карт, изображающих и наш Север, она была выполнена в конце XVI — начале XVII века в Амстердаме и включена в изданный голландским ученым Ван-Кейленом атлас. Это было время, когда Соловецкий монастырь уже стал крупнейшим центром русского Поморья. Реки Онеги на карте нет, Онежский залив изображен в виде широкой заводи; вблизи реки Золотицы на карте отмечены три островка, названные Соловками.

В знаменитом русском географическом описании, составленном в XVII веке, так называемой «Книге большого чертежа», Соловки упоминаются лишь однажды. «А против Ковды от моря Соловецкого монастыря 100 верст гора. А от Сумского острога морем до соловецких чудотворцев 110 верст...»

В XVIII веке предпринимается несколько попыток осуществить гидрографическую съемку Соловков и прилегающего к ним райоиа Белого моря. Есть предположение, что одна из ранних

карт была сделана для Петра I перед его морским походом по Белому морю и к Соловкам в 1702 году *.

В 1777 году лейтенант Пусторжевцев на транспорте «Бар» описал западную часть Белого моря с островами Сосновец, Жижгин и Соловки. Это неполное и во многом несовершенное описание было, однако, первым русским описанием Терского и Поморского берегов Белого моря.

Подробная географическая съемка самих Соловецких островов была, по-видимому, впервые предпринята в 1789 году «советником Олонецкого правления Арсеньевым». Результатом этой съемки, связанной, вероятнее всего, с задачами обороны Соловецких островов во время происходившей тогда русско-шведской войны, были «План Соловецкого монастыря с окружными выстройками и частями озер и гавани» ** и «Ландкарта Соловецких островов», дошедшая до нас в нескольких рукописных копиях, хранящихся в архивах ***, и в несколько упрощенном гравированном воспроизведении, сделанном Л. Зубковым в 1802 году.

В конце XVIII и начале XIX века съемки Соловецких островов и прилегающего района Белого моря делались неоднократно (острова описывались в 1797 и в 1801 году; в 1800 году лейтенант Бабаев и штурман Спиридонов проводили здесь гидрографическую съемку и описание; в 1806 году под руководством Л. И. Голенищева-Кутузова было осуществлено издание первой полной карты Белого моря). В ходе крупнейшего научного гидрографического описания Белого моря под руководством М. Ф. Рейнеке, было предпринято обследование и описание Анзерского острова (Нелидовым в 1829 году) и Соловецкого острова (Пахтусовым в 1831 году).

Таковы некоторые страницы географического изучения Соловецкого архипелага. Еще более значительные и яркие страницы связаны с изучением природы Соловков и прилегающего к ним района Белого моря.

А. А. Захваткин, известный биолог, немало сделавший для изучения Соловецких островов в 1920-е годы, писал: «Остров Соловки... занимая почти центральное положение на Белом море,

* Копия этой давно утраченной карты, выполненная в красках в 1729 году геодезистами Красильниковым, Ханыковым и Герасимовым, хранилась в б. архиве Гидрографического департамента, но, к сожалению, до нас не дошла.

** План этот воспроизведен в книге А. И. Фомина «Описание Белого моря с его берегами и островками (СПБ, 1797 г.) и в ряде рукописных источников (например, в рукописи «Об острове Соловецком с чертежами. 1790 г.» — ГБЛ, отдел рукописей, ф. 178, д. № 4302, план № 3).

*** См., например, ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 23266.

дает неограниченные возможности изучения как тепловодной области Белого моря — Онежской губы, так и холодноводной — центральной котловины и Кандалакшской губы. Громадная по протяжению береговая линия острова с рядом мысков, заливчиков и полуостровков дает крайне разнообразную как по грунту, так и по рельефу литораль. Наконец, на Соловецком острове имеется единственный в своем роде морской залив — Глубокая губа с его холодноводной зоной и арктической фауной на глубинах 12—14 метров».

Эти особенности Соловецких островов как объекта гидрологических и биологических исследований были оценены учеными давно. Исследования Белого моря начинаются с экспедиции К. М. Бэра (1837 год), не затронувшей, однако, Соловки. В 1869 году здесь работала направленная Петербургским обществом естествоиспытателей экспедиция А. Иностранцева, А. Иверсена и Ф. Яжинского; хотя эта экспедиция также не затронула Соловков, но ее работы стали исходной точкой всех дальнейших зоологических исследований на Белом море. В 1870 году важные исследования провела экспедиция морского министерства на корвете «Варяг» и клипере «Жемчуг», возглавленная В. Н. Ульяниным.

Первой научной экспедицией, работавшей непосредственно в районе Соловецких островов, была так называемая Беломорская экспедиция 1876 года, организованная Обществом естествоиспытателей Петербургского университета и возглавленная проф. Н. П. Вагнером. В ее состав входили А. В. Григорьев, К. С. Мережковский и студент Андреев. Опыт этой экспедиции, повторенной в 1877 году, убедил в чрезвычайной научной ценности материалов, которые можно получить в данном районе. С этого времени Н. Вагнер и начал вести подготовку к созданию научной биологической станции на Соловках, которые «как бы самой природой предназначены для размещения здесь такой станции».

В 1879 году широкие исследования орнитофауны Соловецких островов проводил Г. Ф. Гебель, а в 1880 году VI съезд русских естествоиспытателей и врачей поставил вопрос об организации комплексной Беломорской экспедиции.

1880-й — год, когда решился вопрос об организации на Соловецких островах первой биологической станции на Белом море. Первоначально монастырский настоятель предложил для этой цели домик в Реболде, но Н. П. Вагнер продолжал добиваться своего, говоря, что станция эта будет не только вести научные исследования, но и заниматься искусственным рыборазведением.

Наконец было получено разрешение синода на размещение биостанции в верхнем этаже так называемой «сельдяной избы» — деревянного здания с мезонином, поныне сохранившегося у монастырской пристани, издавна именовавшейся Сельдяной.

Станция получила восемь комнат второго этажа и мезонин, лодку, двух гребцов от монастыря и 1000 рублей от министерства просвещения на приобретение лабораторного оборудования и научной литературы. С 1882 года на Соловецкой биостанции началась систематическая научная работа, проводившаяся ежегодно с весны до осени. Помимо видных ученых, руководивших исследованиями, здесь работало по 5—6 студентов Петербургского университета, а иногда и из других городов.

Первоначально станция испытывала значительные трудности, связанные, главным образом, с недостатком средств, с отсутствием лаборатории и т. д. (лишь с 1890 года она стала получать от Петербургского университета по 500 рублей в год, а с 1895 года — по 1500 рублей). Несмотря на эти затруднения и малочисленность научного штата, на Соловецкой биостанции была выполнена серия замечательных исследований по флоре и фауне Белого моря — исследований, доныне не утративших своего значения. Здесь трудилась целая плеяда ученых, имена которых впоследствии стали украшением русской науки: Н. М. Книпович, А. А. Бируля, В. М. Шимкевич, К. К. Сент-Илер, А. Шидловский, А. К. Линко, К. М. Дерюгин, П. Ю. Шмидт.

Тематика исследований, выполненных на биостанции за 17 лет ее существования, очень обширна и разнообразна. Н. Вагнер изучал морских беспозвоночных, этим же занимался и А. Бируля, который исследовал 15 арктических видов медуз, обитающих в соловецких водах. Д. Педашенко обобщил материал о беломорской фауне в районе Соловецких островов — он насчитал здесь 685 видов. А. Линко изучал пресноводную фауну в 23 внутренних соловецких озерах. Были собраны богатые научные коллекции, часть которых доныне сохранилась, например, в Зоологическом музее Академии наук СССР в Ленинграде.

Особое значение имели выполненные на Соловецкой биостанции работы Н. М. Книповича, в которых дана общая характеристика беломорской флоры и фауны и условий ее обитания. Им получены целостные данные о вертикальном (по глубинам) распределении животных в Белом море и сформулированы положения о зоогеографических зонах Белого моря. Н. Книпович работал на Соловецкой биостанции в 1887 и с 1890 по 1892 год, исследуя состав и распределение морской фауны в этом районе. Он писал, что

фауна Белого моря и особенно Соловецких островов «заслуживает самого тщательного изучения как по своему богатству сравнительно с фауной Балтийского и Черного морей, так и по обилию весьма интересных форм». Исследуя морскую фауну в разных частях соловецких вод, Книпович установил, что район северного и северо-западного берегов острова отличается чрезвычайной бедностью, зато восточный берег, в частности Анзерский пролив (может быть, из-за быстрого течения), — район, где сосредоточена богатая фауна, в составе которой есть очень редкие виды. Особый интерес представляют проведенные Н. Книповичем в 1892 году тщательные исследования фауны Глубокой губы, в водах которой при резко выраженной общей арктической окраске фауны встречаются виды, типичные для более южных морей. Книпович утверждал, что Глубокая губа «представляет один из зоогеографических курьезов, и ближайшее изучение характера и распределения ее фауны в связи с физико-географическими условиями составляет... весьма интересную задачу».

Соловецкая биостанция внесла значительный вклад в развитие отечественной науки о море: выполненные здесь исследования до сих пор лежат в основе наших знаний о жизни Белого моря, которое ныне является одним из наиболее изученных морей земного шара.

Следует также отметить, что еще в 1885 году по ходатайству Главной физической обсерватории на Соловках была открыта метеостанция.

В конце прошлого столетия, когда на станции развернулись научные исследования широкого масштаба, новый монастырский настоятель Иоанникий, которому не по душе было близкое соседство научного учреждения, обратился в синод с просьбой ликвидировать биостанцию, так как ее сотрудники не посещают церковь и «вообще все изучили и никаких новых разновидностей больше не открывают...»(!) Прихоть невежественного архимандрита была удовлетворена. Биостанцию в 1899 году перевели в поселок Александровск на Кольском полуострове (ныне город Полярный). В 1932 году она была переведена в Мурманск и преобразована в Полярный институт.

В широком плане научные исследования на Соловках были возобновлены после Октябрьской революции, в 20-е годы.

* * *

И еще одного вопроса необходимо коснуться, прежде чем завершить общий очерк Соловецких островов.

Близлежащие к Соловкам районы Поморья были населены еще в древние времена, в период каменного века. Об этом неоспоримо свидетельствуют результаты начавшихся еще в 1870-х годах (сначала несистематических, единичных) археологических исследований Беломорского побережья. Сандберг и Зенгер обнаружили в районе с. Золотицы неолитическую стоянку, где сохранились каменные стрелы, тщательно обработанные примитивные кремневые фигурки зверя, рыбы, человека и т. д. Несколько подобных стоянок с каменными стрелами, наконечниками копий и орнаментированными гончарными изделиями обнаружил на Летнем берегу К. Рево (в Неноксе, Яреньге, Лопшеньге). Интересные археологические данные были получены А. Марковым и А. Масловым, коллекции которых хранятся в Историческом музее в Москве.

Итоги археологического изучения этого района к началу XX века были подведены замечательным русским археологом В. А. Городцовым в изданной им в 1901 году работе «О доисторических стоянках побережья Белого моря». Анализируя имеющиеся данные, Городцов приходит к выводу, что эти стоянки, бывшие самыми отдаленными очагами древней культуры на севере нашей страны, обнаруживают немало сходных черт с неолитической культурой средней России и Вятско-Камского края.

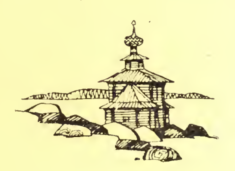
Соловецкие острова находились в непосредственной близости к этому району, в частности к Летнему берегу, и нет никаких оснований сомневаться в том, что они примыкают к тому же культурному пласту. Но с другой стороны, с запада, в столь же непосредственной близости от Соловков были территории, где в древности обитали различные племена (в основном финны карело-вепского типа и древние пермяки). Соловецкие острова находились в сфере частых и сложных передвижений этих племен, происходивших вплоть до русского заселения этого края.

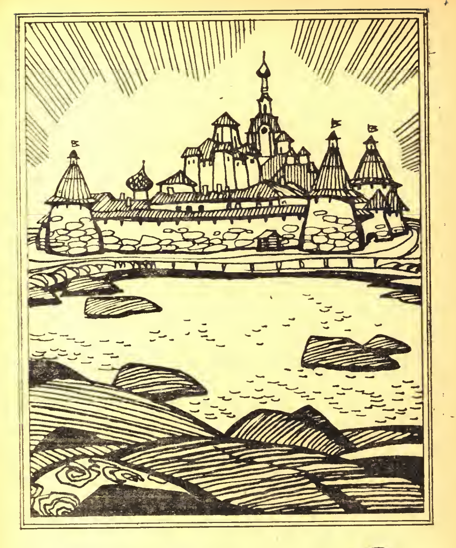
На Соловках научных археологических исследований не проводилось. Однако на островах (на Большом Соловецком, в районе Кислой губы, на Анзерском — у его восточной оконечности, вблизи мыса Колгуев и на Большом Заяцком) сохранились своеобразные сооружения — лабиринты, выложенные на земле из небольших камней округлой формы и имеющие иногда очень сложную конфигурацию. Подобные памятники древней культуры обнаружены в разных пунктах Поморья: у с. Умбы, в устьях рек Варзуги, Кеми, Поноя, у поселка Кереть.

В течение столетия археологами, изучавшими северные лабиринты, было высказано немало догадок. Большинство ученых склоняется к мысли, что лабиринты связаны с религиозными верова-

ниями древнего человека (может быть, с астральным культом), другие видят в них ритуальное, обрядовое назначение (например, для испытания человека) или могильные знаки над погребениями. Сравнительно недавно советский археолог Н. Гурина предложила считать лабиринты планами сложных орудий рыбной ловли, которые древний обитатель этих краев сперва «проектировал» на земле, для наглядности (попутно наделяя эти изображения магической силой), а потом переносил «на натуру» — в море.

Вопрос о лабиринтах доныне не получил окончательного научного разрешения. Однако наличие этих загадочных древних сооружений на Соловецких островах указывает на тесную связь еще в древности этих островов с окружающими районами побережья и на единство их древних исторических судеб.

2
Северное чудо

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СОЛОВЕЦКОГО КРЕМЛЯ

«Уже на западе восточными лучами
Открылся, освещен, с высокими верхами
Пречудных стен округ из диких камней град...»

Так описывал М. В. Ломоносов в поэме «Петр Великий» впечатление, которое производит с моря Соловецкий Кремль. И нельзя не признать, что стиль торжественной оды вполне подходит для изображения этой картины. Даже люди, много слышавшие о величии Соловецкого Кремля, подготовленные к встрече с ним, и те не могут удержаться от восхищенного удивления в момент этой встречи. «Великолепие Соловецкого монастыря, — писал еще в 1828 году один из русских путешественников, — достаточно, чтобы поразить глаза видевшего много хорошего на свете. Далеко в море выказываются его грозные башни, сделанные из огромных гранитных камней...»

Немало на русской земле могучих древних крепостей, которые мы называем кремлями. У каждой свой, неповторимый облик, свои индивидуальные особенности, свое природное окружение. Но и среди них Соловецкий Кремль занимает особое место: своим расположением на самом морском берегу, всем своим видом — видом неприступной крепости, сложенной из громадных блоков дикого камня, лишенного облицовки. Даже нам, людям второй половины XX века, искушенным в технике и видевшим немало чудес современного строительного искусства, трудно поверить, что стены эти выложены человеческими руками — такой стихийной мощью и в то же время таким величавым спокойствием веет от них.

Никто не может остаться равнодушным перед этим циклопическим сооружением, возраст которого приближается к четырем столетиям.

Соловецкий Кремль расположен на узком перешейке между Заливом Благополучия и Святым озером, подступающим к самой его восточной стене. Это большое озеро (его площадь 20,6 гектара, глубина до 10,5 метра), необычайно красивое, с чистой, необыкновенно прозрачной водой. Оно замыкает «питьевую систему» соловецких озер.

Существует мнение, что Святое озеро — искусственного происхождения, что это — котлован, образовавшийся в результате

выборки грунта, который использовался для сооружения земляных насыпей при строительстве соборов и стен Кремля. Значительная доля вероятности в подобной версии есть. Хотя и нет по этому поводу никаких точных данных, не подлежит сомнению, что кладка кремлевских соборов (и тем более стен) не могла производиться с обычных деревянных лесов: слишком большим был вес каменных блоков. По-видимому, при строительстве использовался известный издревле способ устройства пологих земляных насыпей, по которым камень для строительства накатывался при помощи воротов вверх и потом с вершины этой насыпи укладывался на предназначенное ему место.

Но видеть в Святом озере лишь котлован, образовавшийся в результате подсобных работ по строительству Кремля, вряд ли правильно. В составленной в 1766 году описи дел монастырского архива значится грамота 1568 года (позднее утраченная), с которой Филипп Колычев, уже будучи московским митрополитом, обращался к соловецкому игумену, в ней говорилось о продолжении «копания пруда у стен монастыря». Речь, несомненно, шла о Святом озере.

Нам думается, что его происхождение связано, главным образом, с осуществлением грандиозного гидротехнического строительства, предпринятого Филиппом: соединением 52 соловецких озер в единую систему. Святое озеро создавалось как конечный пункт этой системы, как неисчерпаемый резервуар пресной воды, находящийся у самых стен монастыря, — ведь проблема снабжения монастыря пресной водой, учитывая его расположение на морском берегу, приобретала первостепенное значение. Впоследствии озеро могло быть расширено за счет выборки грунта для устройства земляных насыпей при строительстве кремлевских стен.

Но, решив проблему снабжения Святого озера водой из объединенных «питьевой системой» внутренних озер острова, необходимо было решить и другую задачу: обеспечить систематический сток воды из озера в море. Самым простым и надежным способом было устройство сточных каналов, тем более, что уровень Святого озера превышает уровень моря почти на 8 метров. И вот появились два сточных канала: один из них, выложенный камнем, проходит под кремлевской стеной немного южнее ныне заложенных Архангельских ворот, поворачивает отсюда к зданию мельницы и потом выводится за стену почти рядом с зданием сушила (до сих пор у мельницы отлично слышен шум текущей воды, несущийся из глубины этого здания). Другой канал проходит вблизи южной стены монастыря, вне его территории; раньше на этом канале

стоял монастырский лесопильный завод (построенный в 1813 году). Из подземного канала вода раньше поступала в открытый канал, проложенный от моря вдоль юго-западной стены монастыря; позднее, после засыпки этого канала (в XIX веке), была устроена лежащая на поверхности железная труба квадратного сечения, по которой озерная вода, стекая, поступала на электростанцию (ее старое здание сохранилось) и, отработав на вращении турбины, сливалась в море в районе дока...

В жизни Соловецкого Кремля Святое озеро играло всегда очень большую роль. Оно связано с ним неразрывно — и не только как пейзажный фон, на котором ансамбль Кремля с восточной стороны воспринимается как сказочная постройка, вырастающая из всей окружающей природы.

Удивительно многолик Соловецкий Кремль. Всего несколько шагов — и он предстает перед вами совсем по-новому. Великолепное умение древнерусских зодчих (к сожалению, в большой степени утраченное в современной архитектуре) — умение неразрывно слить архитектуру с окружающим пейзажем, превратить сооружение в его органическую часть — воплотилось в этой постройке с огромной силой. Среди суши, на берегу реки такое сооружение не могло бы стоять; оно неизбежно производило бы впечатление чего-то искусственного, чужеродного. Его место — у морского простора. Большинство древних русских кремлей сооружалось на естественных возвышениях, на холмах; Соловецкий Кремль стоит на ровном месте — но с каким совершенством решена в нем проблема силуэта, как пропорционален он и по вертикали, и по горизонтали! Уроки пластики, архитектурного ритма, которые он дает, настолько многообразны и многозначительны, что вряд ли будут когда-нибудь исчерпаны до конца. К тому же Кремль на Соловках потрясающе декоративен — искусство зодчих и вековое влияние природы слились в его облике воедино. «Каменные блоки покрыты лишайниками, поэтому издали стены и башни кажутся расцвеченными. Подходя ближе, замечаешь богатую градацию тонов. Поверхность стен переливает подобно уральским самоцветам. Буро-серые лишайники перемежаются с желто-лимонными и огненно-рыжими. Кирпичные вставки между валунами горят как рубины. Всюду между камнями пробивается свежая зелень травы».

Около пяти гектаров составляет площадь Соловецкого Кремля. Она ограждена стенами, имеющими вид пятиугольника, вытянутого с севера на юг. К западной стене подступает море, к восточной — озеро; лишь северная и южные стены оказываются открытыми с суши.

...Первая ограда вокруг монастыря была сооружена в 1489 году — через полстолетия после возникновения самого монастыря. Судя по сохранившимся описаниям древних острогов, что сооружались вокруг монастырских «городков» на морском берегу, можно предположить, что это были бревенчатые стены с ходом по верху и с высокими башнями по углам.

Мы не знаем, до какого времени просуществовали эти первые стены, какова была их судьба во время крупных пожаров, бушевавших в монастыре. Известно лишь, что такие стены ограждали Соловецкий монастырь на протяжении почти целого столетия.

С наступлением последней трети XVI века Соловецкий монастырь, сильно разбогатевший, распространивший свое влияние на весь обширный район русского Поморья, украсившийся замечательными соборными постройками, естественно становится не только экономическим и культурным, но и стратегическим центром всего этого района. В связи с участившимися в это время набегами на Поморье иноземных отрядов вопросы обороны выдвигались на первый план. Деревянные оборонительные сооружения монастыря для этой цели не годились — вопрос о строительстве крепости на Соловках приобретал с каждым годом все большую остроту.

Но дело было не простым, и приступить к нему сразу не удалось. Поэтому начать пришлось с сооружения нового деревянного острога.

Задача эта московским правительством была возложена на воеводу Михаила Озерова, прибывшего на Соловки с небольшим отрядом в августе 1578 года; в данном Озерову наказе говорилось: «а велели Михаилу, приехав на Соловки, зделати острог около Соловецкого монастыря, каков пригоден, а уделав острог и башни, велели ему по острогу и по башням наряд (орудия. — **Г. Б.**) ставити и людей по острогу и по башням и по воротам расписать».

Неизвестно, успел ли Озеров начать в том же году строительство острога. В следующем 1579 году новая грамота «об острожном деле» на Соловках была послана из Москвы уже на имя нового воеводы Семена Юренева (грамота эта, до нас не дошедшая, упоминается в описи монастырского архива, составленной в июне 1676 года).

Воевода Юренев в 1579 году «поставил» на Соловках деревянный острог и вооружил его девятью пушками. Одновременно был сооружен такой же острог в Суме — одном из центров поморских владений монастыря.

Представление о характере этих укреплений дает сохранившееся в писцовой книге 1583 года описание Сумского острога: «а в остроге стоят шесть башен рубленых, под четырьмя башнями подклеты теплые, а под пятой башней поварня. А в остроге храм да двор монастырский, а на дворе пять житниц... да у башенных ворот изба с клетью и тремя сенями, а живут в ней острожные стражи...» Особенно интересна последняя фраза этой записи: «а поставил острог игумен (Соловецкого монастыря. — **Г. Б.**) своими одними крестьяны для осадного времени немецких людей приходу».

Итак, строительство оборонительных сооружений монастырь вел своими силами. Центральное правительство помогало ему лишь небольшими воинскими отрядами и оружием. Вряд ли это положение изменилось через несколько лет, когда началась постройка каменного Кремля.

Сооруженный в 1579 году деревянный острог простоял лишь пять лет. Его ненадежность в военном отношении не замедлила выявиться, а нападения из-за моря учащались. Слишком велики были богатства, накопленные монастырем, и слишком большие надежды возлагала на него центральная власть как на проводника своего влияния, как на свой главный форпост в далеком и обширном северном крае, чтобы ставить монастырь под угрозу нападения и захвата.

И вот в 1584 году по указу царя Федора Ивановича, только что вступившего на престол, начинается строительство вокруг Соловецкого монастыря «каменной крепости для защищения от нападения немецких и всяких воинских людей». Началось грандиозное строительное предприятие, составившее блестящую страницу в истории русского военно-инженерного искусства и отечественной архитектуры...

XVI век — время расцвета военно-оборонного зодчества на Руси. Во многих городах страны сооружаются кремли, полоса строительства которых открывается постройкой в конце предыдущего столетия стен и башен Московского Кремля.

Строительство Соловецкого Кремля осуществляется в период, когда уже был накоплен архитектурный и конструктивный опыт создания подобных сооружений; в облике Соловецкого Кремля, во всем его характере опыт этот получил разностороннее воплощение и дальнейшее развитие. Иначе не могло бы быть создано это редкое по красоте и совершенное в инженерном отношении сооружение, которое по праву считается чудом строительного искусства.

В облике Соловецкого Кремля заметны некоторые черты, приближающие его к типу северных крепостей, распространенных, в частности, в Скандинавии. Высшие достижения русского военнооборонительного зодчества объединились здесь с традициями зарубежной крепостной архитектуры. Проникновение сюда, на беломорский остров, этого влияния нетрудно объяснить, учитывая местоположение Соловков.

К сожалению, история не сберегла документов, и даже народная память не сохранила легенд, которые раскрывали бы историю строительства здешних стен. Мы знаем лишь, что они сооружались на монастырские средства, и что главную рабочую силу составляли принадлежавшие монастырю поморские крестьяне. Стены строились «по начертанию» монаха Трифона, выходца из поморского селения Нёнокса (он «все то огромное строение располагал и зодчим при оном был»).

Ломоносов в 1-й песне поэмы «Петр Великий» приводит разговор между Петром и архимандритом монастыря. Царь спрашивает: «Кто сими вас горами (так он называет стены — отличный образ!— **Г. Б.**) толь крепко оградил, приставя их руками?» На это архимандрит отвечает, что это сделал Иван IV (это ошибка: стены начали сооружаться вскоре после его смерти) и добавляет, что царь «пять сот изменников, пойманных татар, им в казнь, обители прислал до смерти в дар; работою их рук сии воздвиглись стены...» Откуда взял Ломоносов эту легенду — неизвестно. Но никакой исторической почвы она под собой не имеет. Монастырские крестьяне-поморы — вот чьими, привыкшими к тяжелому труду руками воздвигнут Соловецкий Кремль!

Пока сооружалась крепость, неприятель не дремал. Почти ежегодно вражеские отряды вторгались в Поморье и разоряли целые волости. Московское правительство всерьез обеспокоено военной обстановкой в этом районе. Царские грамоты торопят с завершением строительства. В 1590 году из Москвы «к поспешному построению крепости» специально присылаются воевода Иван Яхонтов «с другими начальными людьми». На Соловки прибывает большое количество оружия и боеприпасов. Царским указом от 15 апреля 1591 года монастырь освобождается от уплаты части пошлин с продажи соли, «а теми бы деньгами, продав соль,.. в монастыре город каменной доделати и Сумской острог починить и укрепить, и новой острог в их волостке в Кеми зделать, и дворы поставить, и ратных людей в острог прибрати...»

В 1594 году сооружение Соловецкого Кремля было окончено. 11 лет заняло это строительство. В том же году «для обозрения

крепости и для собрания к оной в помощь людей из монастырских волостей» на Соловки вновь прибыл царский воевода Яхонтов. Соловецкий Кремль вступил в строй действующих русских крепостей — самая могучая и надежная крепость на всем русском Севере.

Он был не просто великолепным сооружением, выполнявшим чисто декоративную функцию,— ему не раз пришлось выполнять и свою прямую, боевую роль. Зимой 1611 года и в 1613—1615 гг. в стенах Соловецкого Кремля укрывалось поморское население от проникших даже в эти далекие края и свирепствовавших здесь «литовских людей» — польских интервентов. В 1658 году Кремль защитил жителей Поморья от нападения шведов. В 1668—1676 гг. во время знаменитого «соловецкого сидения» эти стены выдержали многолетнюю осаду, которую правительственные войска вели по всем правилам. Наконец, в июле 1854 года, во время Крымской войны, Соловецкий Кремль с честью выдержал ожесточенную бомбардировку с английских военных кораблей...

У Никольских ворот, через которые мы входим на территорию Кремля, стена делает под прямым углом изгиб. Это угол так называемого «пристенка» — особой прямоугольной пристройки к восточной стене; «пристенок» этот с двумя башнями (Поваренной и Квасоваренной) на углах подступает совсем близко к Святому озеру. Его длина — 62,3 метра, ширина — около 16 метров. Он, как и основная стена, сложен из дикого камня, но несколько ниже по высоте.

«Пристенок» сооружен через 27 лет после окончания строительства Кремля, в 1621 году, и являлся вторым, дополнительным укреплением в той части монастыря, где помещались особо ответственные (кухонные) службы. Его сооружение связано, вероятно, с тревожным военным положением, которое сложилось в тот период на Севере; еще в апреле 1619 года в монастырь была отправлена из Москвы специальная царская грамота, предупреждавшая о вероятности «прихода к нашим землям, к морским местам» войск «датцкого Крестьянуса короля» (Христиана IV.— Г. Б.). В грамоте говорилось: «и вы б тотчас велели около Соловецкого монастыря и Сумского острогу всякие крепости поделати...»

Правительство Михаила Федоровича давало монастырю новые льготы, непрестанно требуя при этом, чтобы все крепостные строения на самом острове и на берегу были приведены «в совершенное оборонительное состояние».

5 августа 1621 года на Соловки была отправлена новая царская грамота, в которой подчеркивалось, что «город Соловецкой место

украинное (окраинное.— Г. Б.) и от наших городов удалело, и без служилых людей в Соловецком монастыре быти нельзя» и высказывалась озабоченность по поводу того, что на территории монастыря нет каменных келий, в которых «для осадного времени» можно было бы разместить «мирских людей».

По этому же указу, помимо завершения постройки «пристенка» и сооружения каменных жилых зданий, надлежало «ров около Соловецкого города, который почат выкладывати каменем... докопати и каменем выстлати и чеснок побити». Речь идет о рвах, которыми окружались открытые с суши северный и южный фасы крепости. Южный ров был позднее превращен в канал, идущий из гавани, а потом засыпан, а северный ров сохранился. Он находится в 8—10 метрах от крепостной стены, широк и глубок (4—5 метров), обе стенки его, почти вертикальные, выложены крупным камнем. Раньше по верху рва с наружной стороны шел плотный тын (бревенчатый частокол — «чеснок»).

Так совершенствовались укрепления Соловецкого Кремля.

Его обороне на протяжении всего XVII века придавалось большое значение. По стенам и на башнях располагалось до 90 орудий, не только монастырская военная команда, «но и вся монашеская братия» были расписаны по боевым постам на стенах и башнях на случай военных действий. Роспись 1654 года включает 425 человек, поставленных под ружье. И весь ход осады монастыря в период соловецкого восстания 1668—1676 гг. убеждает, что монахи-крестьяне неплохо овладели искусством обороны своей крепости.

Пушки на стенах и башнях Соловецкого Кремля стояли еще в середине XVIII века. Я. Я. Мордвинов в 1752 году писал, что «в башнях множество пушек наподобие старинного строения каменных городов».

Во время войны со Швецией 1788—1790 гг. Соловки вновь были приведены в боевую готовность. Крепость находилась в это время в предельно запущенном состоянии: стены были с внутренней стороны завалены огромными кучами мусора, всходы на башни и многие бойницы оказались замурованными, часть опорных балок в башнях обрушилась, орудия (их в башнях и по стенам было 65) стояли кое-как (некоторые даже без лафетов), стенки рва с северной стороны Кремля осыпались. В мае 1790 года на остров прибыла воинская команда и инженер-поручик Васильев, который составил план срочных работ по приведению крепости в порядок. Были исправлены платформы в башнях и ходы по стене, вокруг крепости построены три земляных батареи. Но принять участие в боевых действиях Соловецкой крепости не пришлось. Война ско-

ре окоичилась, и солдаты покииули остров. В 1799 году укрепления были исправлены (потом оии возобиовлялись еще раз, в период Крымской войны). Через два года, в мае 1801 года, когда Россия иаходилась иа грани разрыва и войны с Англией, на Соловки вновь прибыл военный отряд (42 офицера и 1595 солдат) во главе с генерал-лейтенантом Д. С. Дохтуровым, впоследствии прославлеииым героем Отечествеииой войны 1812 года. У моиастырского иачальства были взяты ключи от ворот Кремля, в башнях и по стенам установлеиы караулы, иа территории Кремля ежедневио происходили воинские учеиия. Но вскоре был заключеи мир с Англией, и 18 июля того же года отряд ушел.

А в 1814 году артиллерия, иаходящаяся в Соловецком Кремле (включая древиие орудия), была вывезена отсюда в Новодвиискую крепость. На Соловках оставалось лишь 40 иегодных к действию старииных чугуиных и «затинных» пищалей, которые в 1829 году были подияты иа западную стеиу Кремля и иа башни и расставлены там. Считалось, что Соловецкому Кремлю уже иикогда больше не придется сыграть роль крепости. Но в июле 1854 года, в дии Крымской войны, иа его долю выпало еще одно боевое испытаиие...

Несколько слов о соловецкой Оружейиой палате, которая была одним из крупных русских арсеналов.

Начало ее истории отиосится к 1578 году, когда в моиастырь были присланы первые орудия. Первое время они стояли в башнях и по стенам, а огиестрельное и холодиое ручиое оружие храиилось в первом этаже здаиия, пристроенного в 1602 году к галерее возле Никольской церкви. Позднее Оружейная палата неоднократио перемещалась: в 1752 году она находилась рядом с ризницей (Я. Мордвинов видел здесь «весьма миого всякого старинного оружия и тут же старииные кольчуги и паицири»), а А. Фомин, посещавший Соловки в 1789 году, отметил, что оружие хранится «под церквами и в переходах». В XIX веке Оружейиая палата размещалась в Успенской башне, верх которой был иадстроен в 1800 году. Часть оружия, теперь превратившегося в историческую коллекцию, находилась в Белой башне.

О богатстве соловецкой Оружейной палаты сохранились довольно подробные сведеиия. «Переписная книга моиастырской оружейной казны» 1667 года указывает 790 пистолей и карабинов, 265 пороховииц, 4300 различиых ядер к пищалям, 25 пудов пороха, 643 бердыша, знамена, большое количество кольчуг, иаручей, самопалов, луков, стрел, копий, рогатин, палашей, сабель, киижалов, седел, ковшей для смолы и других видов вооружеиия и

снаряжения. Столь богатых арсеналов в России того времени были единицы.

Знаменитый русский путешественник И. И. Лепехин, побывавший на Соловках в 1772 году, записал: «Оружейная монастырская палата наполнена множеством оружия, предками нашими употребляемого, каковы суть бердыши, разных видов палаши, сабли, метательные дротики, копья и стрелы. Немалое количество есть и огнестрельного мелкого оружия, между ними большое число составляют ружья с фитилями разного вида, величины и сложения, так что знающий хорошо древние оружия, нашел бы в них и самые редкие». Сохранился рассказ П. И. Челищева о том, что в 1790 году, когда крепость приготовляли к обороне, из Оружейной палаты «возами брали старинное оружие для вооружения... военной команды». В это время здесь хранилось 5 знамен, 10 кольчуг, 700 карабинов и мушкетов, 23 пистолета, 433 бердыша и боевых топора, 292 копья, 49 чеканов, 69 луков, сотни сабель, палашей, ножей и другого оружия.

После вывоза артиллерии с Соловков в Новодвинскую крепость в 1814 году и передачи (во второй половине века) некоторых наиболее интересных из остававшихся еще здесь образцов оружия в Артиллерийский музей, в соловецкой Оружейной палате сохранялось только ручное оружие и снаряжение. Во время пожара 26 мая 1923 года Успенская башня (находившаяся рядом с очагом пожара) обвалилась, и хранившиеся здесь вещи были засыпаны. Через несколько лет музей СЛОН * предпринял разборку этих завалов. Было обнаружено много бердышей, копий, стрел, ядер и пр. Все эти вещи поступили в музей. Тогда же на ярусы Прядильной башни были подняты хранившиеся в Кремле чугунные пушки XVII—XVIII вв., которые и в настоящее время находятся в нишах этой башни. Несколько старинных пушек стоят на специальном помосте на территории Кремля.

Таковы некоторые сведения из истории Соловецкого Кремля — крепости, сыгравшей очень заметную роль в обороне Поморья.

***

Соловецкий Кремль вытянулся между морем и Святым озером с севера на юг. Юго-восточная и юго-западная стены сходятся к Белой башне под прямым углом. Западная стена имеет небольшой (до 3°) излом в районе Успенской башни. Общая длина стен

* Так сокращенно именовались Соловецкие лагеря, находившиеся здесь в 1923—1940 гг.

(с башнями) составляет 1084 метра. Наибольшее прясло стены — восточное (272,6 метра — на 6,4 метра больше длины западной стены), а наименьшее — юго-западное (123,5 метра); длина юго-восточного прясла — 127,8 метра, а северного — 106,5 метра.

Массив стен покоится на сплошном фундаменте, выложенном из валунов и имеющем глубину до 2,5 метра. Высота наземной части стен колеблется на разных участках от 8 до 11 метров. Толщина кладки у подошвы достигает 6 метров, а в верхней части(по крепостному ходу) — 3—4 метра. Стена целиком из громадных валунных блоков, залитых известковым раствором. Величина этих камней поистине фантастична: сплошь и рядом в кладке стены можно встретить валуны, имеющие в поперечнике полтора метра. Вес таких камней достигает 6—7 тонн (есть даже указания, что отдельные камни весят до 700 пудов — около 11 тонн). Наибольшие камни — тот, что перекрывает сверху арку Святых ворот (его длина превышает 5 метров) и тот, что очень изящным карнизом нависает над входом на второй ярус Архангельской башни (длина около 4 метров).

Совершенство каменной кладки стен и башен — изумительное. Валунные блоки плотно прилегают один к другому, делая поверхность стен чрезвычайно живописной. Оставшиеся при кладке пустые пространства между блоками закладывались небольшими камнями или кирпичом. «Подошвенного боя» (боевых амбразур немного выше уровня земли) стена Соловецкого Кремля лишена. Арочные ниши, сделанные на ряде участков стены изнутри Кремля, почти все глухие; они имели не боевое, а хозяйственное назначение.

По верху стены на всем ее протяжении идет крепостной ход, его наружная брустверная стенка (высотой до двух метров) до середины выложена из валунов, а выше — из старинного большемерного кирпича. Это понятно: выкладывать довольно тонкий профиль боевых амбразур, которыми прорезан верх этой стенки, из валунов — почти невозможно. Толщина кирпичной кладки приближается к метру, а совершенством ее исполнения нельзя не любоваться.

С другой стороны, обращенной внутрь Кремля, крепостной ход ограничен невысокой кирпичной стенкой, на которой на равном расстоянии друг от друга стоят кирпичные же столбы, поддерживающие двускатную деревянную кровлю стен; она и ныне имеет тот же вид, что и в период, когда строился Кремль.

Но архитектурную законченность и удивительную силуэтную выразительность всему облику Соловецкого Кремля придают его

башни. В период его сооружения их было шесть — пять круглых на углах и одна квадратная (Успенская, помещенная в середине западного прясла стены, обращенного к морю, почему именно этот фас крепости был усилен сооружением дополнительной башни). В 1621 году при строительстве «пристенка» были добавлены на его углах еще две башни, прямоугольные в плане — у северо-восточного угла «пристенка» Квасоваренная и у юго-восточного угла — Поваренная.

Каждая башня имеет свое название (иногда не одно), но происхождение некоторых из них установить сейчас невозможно. Понятно, откуда идет название Квасоваренной и Поваренной башен (от монастырских служб, находившихся вблизи башен). Ясно, что наименование Архангельской, Никольской (иначе Северной) и Успенской (иначе Арсенальной, или Оружейной, так как в ней размещалась монастырская Оружейная палата) религиозного происхождения: названия в честь святых или крупнейших православных праздников давались крепостным башням часто — вспомним хотя бы Спасскую, Никольскую и Троицкую башни Московского Кремля. Башни, называемые Прядильными, встречаются в некоторых монастырях, стоящих на берегу моря или озера. В этой башне или в расположенном возле нее помещении «прялись» (вязались) сети.

Сложнее обстоит с выяснением происхождения названий Корожной (северо-западной) и Белой (южной) башен. Вариаций названия первой из них очень много (Корюжня, Корожанская, Коржанская, даже Керженская), но все они восходят к одному старинному термину, значения которого мы точно не знаем; в старых словарях есть лишь близкое по звучанию слово «корюжить», означавшее (по В. И. Далю) коряжить, ежить, делать заскорузлым. Но установить связь этого значения с крепостной башней невозможно. (В XIX веке башня эта иногда именовалась также Флагштоковой или Сторожевой, так как на ней находился флагшток).

У Белой башни лишь одно из дополнительных названий объяснимо: она иногда именовалась Сушильной, так как рядом, вплотную к ней примыкая, находится выступающее снаружи Кремля за линию стены прямоугольное здание (с глухими стенами, выложенными из дикого камня) сушила, в котором, вероятно, вначале сушились сети, а потом хранились монастырские хлебные запасы.

Что касается основного названия, то башня эта в белый цвет никогда не красилась. Не исключено, однако, что цвет этот придавала ей годами оседавшая на ее стенах мука — ведь рядом находилась мельница, а хлебные запасы хранились не только в здании сушила, но и в самой этой башне.

Есть у этой башни и еще одно название — Головлёнкова. В свое время оно имело зловещий смысл, так как связывалось с ужасной тюрьмой, расположенной здесь. В документах по истории монастырской тюрьмы башня эта и темницы при ней чаще всего именуются Головлёнковыми... Откуда это название? В старинной (1676 г.) описи Соловецкого монастырского архива упоминается под номером 2470 «государева грамота 7114 (1606) года к игумену соловецкому Антонию о Иване Головлёнкове...» Документ этот до нас не дошел, но можно предположить, что это был один из первых узников (ведь Кремль был построен всего 12 лет назад), томившихся в каземате этой башни, и что имя его дало название самой башне.

Башни Соловецкого Кремля выступают далеко за линию стен (круглые угловые башни соприкасаются со стеной лишь 1/7—1/6 частью своего периметра). Это создавало возможность фланкирования обоих прилегающих участков крепостной стены: огнем из амбразур башен полностью перекрывались подступы к стенам на всем их протяжении. Даже Успенская башня — прямоугольная в плане и расположенная не на углу, а посреди стены — и та значительно выступает вперед и имеет 7 амбразур, открытых на три стороны: прямо, направо и налево вдоль стены.

Толща башен сложена по тому же принципу, что и стены: крупные валунные блоки, залитые известковым раствором. Толщина кладки огромна: в основании Белой башни, например, она составляет 4,95—6,16 метра. Но, как и крепостные стены, башни по мере повышения становятся тоньше (толщина стен на уровне второго яруса в среднем 5 метров, на уровне третьего яруса — 3—3,5, на уровне верхнего яруса — 1,5 метра). Это — вынужденный конструктивный прием, связанный с трудностью идеально ровной по толщине выкладки стен из круглого камня и с необходимостью обеспечения всему сооружению надежного запаса прочности. Но прием этот придал башням и стенам Соловецкого Кремля и всему его ансамблю поразительную выразительность и архитектурную цельность.

Все пять угловых башен, круглые в плане, имеют коническую форму. По размерам своим они почти одинаковы: диаметр Корожной на уровне верхнего яруса составляет 13,65 метра, а Никольской — 14,15 метра. Что касается их высоты, то необходимо учесть, что первоначально башни не имели шатрового покрытия, они завершались на уровне зубцов и, конечно, имели тогда значительно более грозный и суровый вид (вспомним, что и башни Московского Кремля до середины XVII века не имели шатров).

Считая высотой башен их основную высоту, до шатра, мы получаем для Прядильной— 13,54, для Белой — 14,93 метра и т. д. Внутри все башни были разделены по горизонтали на четыре яруса: первый — на уровне земли, а следующие — на уровне оснований ниш. Верхний ярус, окруженный зубцами, профили которых были выложены из кирпича, был открытым. Площадки второго, третьего и четвертого ярусов были деревянными, положенными на мощные балки из цельных древесных стволов, упиравшиеся в пазы, проделанные в кладке стен (такие балки можно и сейчас видеть в Прядильной башне).

Высота первого яруса Прядильной башни составляла 4,14 метра, второго — 3,5, третьего — 3,3, четвертого (от площадки до верха зубцов) — 2,6 метра. Высота ярусов Головлёнковой башни соответственно 3,5; 3,5; 4,9 и 3 метра.

В первом, втором и третьем ярусах башен по всему их внутреннему периметру идут ряды ниш, профиль которых выложен из кирпича. Таких ниш в каждой башне 6—7 на ярус (не считая еще одной, которая сообщает башню со стеной). Ниши эти (их ширина у основания колеблется между 2,7 метра в Архангельской башне, 3,3 в Корожной и 3 метра в Белой), постепенно сужаясь, прорезают насквозь всю толщу башенной стены и заканчиваются небольшой амбразурой, предназначенной для ведения через нее огня. Глубина этих ниш соответствует толщине стены на уровне данного яруса, но нигде не меньше 3,5 метра.

Раньше в башнях находились подъемные станки, которыми на ярусы поднимались различные военные припасы. В 1925—1926 гг. музей СЛОН восстановил два таких станка в Прядильной башне и с их помощью были подняты на второй и третий ярусы и помещены здесь в боевых камерах-нишах несколько старинных орудий.

Современный архитектурный облик башен Соловецкого Кремля сложился в XVII веке, когда над всеми башнями были построены круглые деревянные шатры (на гравюрах, изображающих монастырь в начале XVIII века мы видим все башни, уже увенчанные высокими шатрами). При постройке шатров на некоторых башнях были немного срезаны зубцы и в верхних уровнях производилась дополнительная кирпичная кладка, это наиболее заметно в Поваренной и Успенской башнях. В последней кирпичный верх был выложен во время ремонта после пожара 1800 года, сильно повредившего эту башню. Пострадала от пожара зимой 1848 года Белая башня, где в это время хранился монастырский запас зерна. В 1818 году горели внутри Корожная и Никольская башни. Через два года они были восстановлены.

Шатры башен Соловецкого Кремля подвергались частым ремонтам, во время которых менялась их форма. До сих пор на флюгерах, венчающих некоторые башни, заметны цифры, обозначающие год одного из таких ремонтов. В настоящее время ведутся работы по реставрации башен.

В Соловецком Кремле нет ни одной проездной башни. Первоначально на его территорию вели 6 ворот в стенах: Никольские (у Никольской башни, через них сейчас вход в Кремль), Святоозерские и Архангельские (те и другие заложены в XVIII веке, но следы их сохранились) по восточной стене, Святые и Сельдяные по западной стене. Главными воротами были Святые, над которыми в 1596—1601 гг. была сооружена Благовещенская надвратная церковь, они вели с берега моря на площадь перед Преображенским собором (в 1744 году ворота эти снаружи были оформлены пристройкой грубого, аляповатого и тяжеловесного крыльца, расписанного к тому же совершенно безвкусным орнаментом). Следы заложенных Сельдяных ворот (они назывались также Рыбными — рядом с ними на берегу раньше находился «сельдяной погреб») заметны изнутри Кремля возле старого здания пороховых погребов (у корпуса, в котором помещается турбаза).

В 1621 году при сооружении «пристенка» в его северной и южной стенах, возле Квасоваренной и Поваренной башен были сделаны еще двое ворот под невысокими арками, которые вели внутрь «пристенка», отделенного главной стеной от основной территории Кремля.

Раньше существовал еще один проход в Кремль — секретный. Он вел через здание сушила (возле Белой башни) на мельничный двор. Именно через этот ход, указанный монахом-перебежчиком, в ночь на 22 января 1677 года солдаты воеводы Ивана Мещеринова, осаждавшие восставший монастырь, проникли на территорию Кремля и овладели им. Позднее, в XVIII веке, ход этот был замурован, но следы его до сих пор видны как снаружи Кремля, в боковой стене здания сушила, так и внутри этого здания, в помещении одного из бывших тюремных казематов...

Но Соловецкий Кремль — это не только стены и башни. На его территории находится ряд архитектурных памятников первостепенного историко-художественного значения. Вместе со стенами и башнями они составляют замечательный ансамбль, который складывался на протяжении нескольких столетий. Исторические документы и многочисленные изображения на старинных иконах и гравюрах позволяют довольно последовательно проследить процесс формирования этого ансамбля.

На территории Соловецкого Кремля мы явственно различаем четыре планировочных комплекса: центральный соборный, окружающий его прямоугольник жилых и хозяйственных построек, южный двор с мельницей и расположенный в северной части Кремля бывший монастырский тюремный острог. Комплексы эти — не просто планировочные элементы, они различны по своему внешнему облику и назначению, по времени своего создания и по своей историко-архитектурной ценности.

* * *

Соборный комплекс Соловецкого Кремля наряду с крепостными стенами, бесспорно, принадлежит к числу значительнейших памятников отечественного зодчества. Он является главным ядром застройки Кремля, он вместе с башнями определяет его силуэт, в его состав входят такие великолепные сооружения, как Преображенский собор и Успенская церковь с трапезной.

Соборный комплекс складывался на протяжении почти трех столетий, но основные, наиболее ценные его постройки относятся к XVI веку; в начале XVII столетия окончательно определился его план, которому подчинились позднейшие сооружения. В результате перед нами единый архитектурный ансамбль, в котором наиболее древние части продолжают доминировать; позднейшие достройки и наслоения существенно не отразились на первоначальном облике памятника.

Начало церковного строительства на территории Соловецкого Кремля относится к 30-м годам XV века, когда Зосима и Герман, высадившись на берегу залива Благополучия, в месте «зело изрядном и красном», поставили на месте нынешнего Преображенского собора первую деревянную церковь в ограде, назвав ее Преображенской. Скорее всего, это была небольшая часовня, просуществовавшая недолго, так как известно, что, став в 50-е годы игуменом быстро растущего монастыря, Зосима предпринял обширное строительство. Вместо прежней была сооружена деревянная Преображенская церковь и построена вторая, Успенская церковь с примыкающей к ней с запада трапезной, а вокруг них были поставлены деревянные кельи, поварня и пекарня.

Таким образом, основные элементы соборного комплекса определились еще в середине XV века. Однако надо учитывать, что из-за отсутствия стен, точно фиксировавших границы монастырской территории, здания эти находились еще, так сказать, «вне пространства».

В 1485 году, в великий пост, приходившийся в том году на конец февраля — середину апреля, от молнии в монастыре возник пожар — одни из тех страшных, опустошительных пожаров, каких за свою историю Соловецкий монастырь пережил немало. Позднее старец Савватий, со слов которого это сообщение внесено в текст «Жития», рассказывал: «погоре у иас трапеза со всем монастырским запасом... также и от церковных что вещей, иконы и сосуды церковные, и ризы, и книги... то все огнь потребн».

Братия растерялась, оставшись иа пепелище («в недоумеиие впадохом в своем неустроении»), возникли даже сомнения: «терпети ли нам на месте сем или разытися, где кому любо...» В Москву к великому князю и в Новгород к архиепископу были посланы гонцы с просьбой о помощи. В конце концов монахи, погоревав, взяли топоры и ушли в лес заготовлять материалы к новому строительству.

Помощь, вероятно, была получена. Документы ие рассказывают о новом этапе монастырского строительства, но на основании записи в одной из книг соловецкой библиотеки, относящейся к 1494 году, можио судить, что в монастыре были Преображенский собор с Никольским приделом и Успенская церковь с трапезной. В это время территория монастыря уже была обнесена деревянной оградой.

1 мая 1538 года монастырь вторично сгорел от молнии почти до основания. Сведения об этом бедствии глухи, но вряд ли можно предположить, что деревянные церкви избегли общей участи. Правда, немного смущает следующий факт: деревянная Никольская церковь (вернее, придел старого Преображенского собора) была в 1583 году перенесена на Анзер; о строительстве этой церкви в XVI веке ничего не известно, но до пожара 1538 года такая церковь в монастыре, как известно, существовала. Если она сохранилась во время пожара, то не спаслись ли и другие? Но что в таком случае означает указание, что монастырь выгорел «почти до основания»?..

Как бы то ни было, но к середине XVI века иа территории Соловецкого монастыря были лишь деревянные церкви — старые или восстановленные после пожара — безразлично. Они уже не соответствовали ни значению, которое монастырь приобрел в Поморье, ни его богатству.

И новый соловецкий игумен Филипп Колычев, едва заняв свой пост, начинает готовиться к осуществлению грандиозного строительного замысла — к сооружению Успенской церкви и Преображенского собора. Строительство это заняло более пятнадцати лет.

В 1550 году Колычев был вызван в Москву для участия в знаменитом церковном соборе, известном под названием «стоглавого». Вероятно, Филипп не ограничился в столице пассивной ролью — здесь зародилась слава безвестного дотоле соловецкого настоятеля, приведшая его через 16 лет на престол российского митрополита. Не исключено, что свое пребывание в Москве Колычев использовал и для того, чтобы выпросить у молодого царя Ивана IV различные льготы для монастыря в связи с намеченным здесь обширным строительством. Во всяком случае, в том же 1550 году соловецкие монахи обратились к царю со следующей челобитной: «ставят они церковь каменну, а от монастыря у них с острову лес вышел и у них на церковное строение лесу нет, и царь пожаловал, дал бы им... из своих... из четырех деревень на Выгозерском погосте две деревнн: деревню на Усть-Колежме, да деревню Колежму ж, да тех деревень восемь варниц, да в Сумской волости в Суме реке островок, а на нем три дворы без пашни...»

20 июня 1550 года Иван IV пожаловал Соловецкому монастырю то, чего просили монахи. Но не иссякли на этом царские щедроты: через год монастырь получил речку Сороку с оброками и деревню у р. Сороки.

Возвратясь из Москвы в Соловки, игумен Филипп почти сразу приступил к строительству.

Огромный блок каменных зданий, включающий Успенскую церковь с примыкающими к ней с севера келарской и с запада трапезной палатами был сооружен за пять с небольшим лет (1552—1557 гг.). Об именах строителей и организации строительных работ нам ничего не известно, но нет сомнений, что возглавляли строительство не неопытные в этих делах соловецкие монахи, а приглашенные, причем первоклассные, мастера (в «Соловецком патерике» говорится, что Филипп призвал искусных зодчих из Новгорода). В рабочей силе монастырь недостатка не ощущал: он владел на поморском берегу большим количеством деревень, откуда и были согнаны крестьяне.

Успенская церковь с трапезной и келарской производят поразительное, неизгладимое впечатление. Чувствуется ясный замысел зодчих, восхищают смелые пропорции и качество строительных работ. Все три элемента воспринимаются вместе, в неразрывном архитектурном единстве. Здания Успенской церкви и келарской, соприкасаясь между собою и с трапезной, имели открытыми лишь по две стены.

Позднейшие переделки исказили первоначальный облик этой постройки (в 60-х годах XIX века к келарской с севера было при-

строено здание иконописной палаты; западная стена трапезной искажена крытой папертью, соединенной с галереей). Но достаточно пройти под арку и со двора взглянуть на южную, наименее искаженную (хотя и тут изменена форма окон) стену трапезной и Успенской церкви, чтобы ощутить внушительность, эпическую грандиозность этой постройки.

Объединение храмов с трапезными в едином блоке сложилось в монастырском строительстве довольно давно; вначале храм не выделялся как самостоятельная часть в плане и объеме здания, а представлял собой одно из небольших помещений при трапезной. Позднее, однако, храмы стали отдельными объемами, примыкающими к трапезной с восточной стороны.

Любопытно, что до конца XVI века храмы при монастырских трапезных строились без апсид (наружных алтарных выступов) и имели преимущественно шатровое покрытие. Успенская церковь Соловецкого Кремля представляет редкое исключение как наличием апсид, так и своим оригинальным трехглавием.

С северной стороны к Успенской церкви примыкает келарская палата. Келарь заведовал монастырским хозяйством, и палата эта предназначалась для хранения различных вещей и принадлежностей, бывших в его ведении. Помещение келарской несколько выступает к северу за линию стены трапезной палаты — таким образом весь блок зданий имел с самого начала не строго прямоугольную форму.

Здания выстроены на высоком подклете («на сухих погребах»), где с середины XVI века располагались хлебопекарня и мукосейня (под келарской), просфорная пекарня (под церковью) и хлебная и квасная службы (под трапезной). Такое использование этих помещений сохранялось без изменений еще и в середине XVIII века.

Успенская церковь невелика. Это не парадный храм для торжественных богослужений, а скромная «вседневная» церковь; она была «теплой», приспособленной для богослужений в зимнее время. Алтарь отделен от основного помещения церкви каменной алтарной преградой с арочными проемами. Стоявший раньше здесь золоченый «гладкий столярный иконостас» был сооружен в 1795 году.

Сейчас Успенская церковь покрыта четырехскатной кровлей. Первоначальное покрытие было иным: по линии север—юг в один ряд шли три восьмискатных покрытия, над каждым из них возвышалась на глухом барабане чешуйчатая главка, увенчанная крестом. Две меньшие, боковые главки близко подступают к средней,

как бы подкрепляя, усиливая ее. В XVI веке церкви строились в основном одноглавыми или пятиглавыми (одна центральная глава и четыре меньших по углам), трехглавые встречаются значительно реже, притом главы, обычно сдвинутые к востоку, располагались в два ряда: две и отдельно третья. Такое расположение глав, как в Успенской церкви, встречается в русском зодчестве редко, оно не характерно ни для одной из архитектурных школ.

Над основным помещением Успенской церкви в третьем ярусе помещались два придела (под боковыми главками): Усекновения главы Иоанна Предтечи, созданный одновременно с постройкой церкви, и Дмитрия Солунского, открытый в 1605 году.

Интерьер келарской, которая соединена с Успенской церковью проемом в мощной кирпичной стене, представляет небольшое квадратное помещение со сводом высотой 4,85 метра. Четыре крестовых свода опираются на массивный восьмигранный центральный столб. Раньше келарская освещалась окнами на северной и восточной стенах, но после пристройки к ней с севера здания иконописной палаты, а с востока — переходов по аркам к кухонному корпусу, интерьер, разумеется, сильно изменился.

В северо-западном углу келарской палаты имеется углубление в кладке стены — камера, куда, быть может, складывались на хранение предметы, требовавшие особого попечения келаря, своего рода сейф.

И наконец, жемчужина Соловецкого Кремля — трапезная палата. Нет ничего удивительного, что она затмевает примыкающие к ней помещения — не размерами своими, а своей удивительной пластичностью, художественной законченностью, торжествующей ясностью. Трапезная — архитектурный шедевр высшего ранга.

В главных, наиболее характерных своих элементах соловецкая трапезная повторяет то, что к середине XVI века прочно установилось в качестве архитектурной традиции, воплощенной во многих образцах подобных сооружений.

Еще в Киевской Руси сложился тип «гридницы» — княжеской трапезной, придворного торжественного зала, где собиралась на совет и пировала дружина князя. Чаще всего такая гридница представляла собой единый пространственный объем, перекрытие которого поддерживали один или несколько столбов. К этим княжеским гридницам и восходят монастырские трапезные, нередко бывшие грандиозными по размерам и замечательными по своему внешнему и внутреннему убранству. Трапезная Киево-Печерского монастыря (о ней под 1110 годом рассказывает «Печерский патерик») и Новгородского Антониева монастыря (описана под

1123 годом в Первой Новгородской летописи) — первые каменные монастырские трапезные, о которых мы знаем. Повторяя тип древней княжеской гридницы, они сами являлись образцом для позднейших построек этого характера.

Строительство каменных трапезных в монастырях центральной и северной Руси начинается в XV веке и особенно широкий размах приобретает в XVI столетии. К этому времени относится и объединение в одном блоке с трапезной поварни и хозяйственных помещений, в связи с этим трапезные становятся двухэтажными. «При широком развитии строительства в Московском государстве... и при возросшем богатстве монастырей здание большой каменной трапезной заняло после собора важнейшее место в монастырском ансамбле», — говорит советский искусствовед М. А. Ильин.

В 30-е годы XV века новгородский архиепископ Евфимий сооружает на Владычном дворе огромную трапезную палату, квадратную в плане, с одним круглым столпом посредине, на который опираются своды, перекинутые на все четыре стены. Знаменитый зодчий В. Д. Ермолин строит в 1469 году двухэтажное здание трапезной (с обширным одностолпным залом во втором этаже) в Троице-Сергиевом монастыре. М. А. Ильин, специально изучавший историю этой постройки, утверждает, что троицкая трапезная Ермолина «оказала несомненное влияние на постройку Грановитой палаты в Московском Кремле.

Нет сомнений в том, что итальянские зодчие Пьетро Руффо и Марко Антонио Солари, воздвигнувшие в 1487—1491 гг. кремлевскую Грановитую палату, исходили, главным образом, из русской архитектурной традиции, установившейся к этому времени. С другой стороны, сооружение Грановитой палаты упрочило эту традицию, придав общегосударственное значение данному типу зданий. Не случайно поэтому, что наиболее широкий размах строительство монастырских трапезных этого типа приобретает в XVI веке, в течение которого в разных русских монастырях было сооружено более тридцати каменных трапезных. И хотя каждая из этих построек отличается рядом индивидуальных особенностей конструкции, внешнего и внутреннего архитектурного убранства, — общий тип здания трапезной приобретает каноническую устойчивость. Через сто лет, в середине XVII века, сирийский путешественник Павел Алеппский запишет в своих путевых заметках: «столовые в этой стране, которые называют палатами, бывают четырехугольные, с одним только столбом посредине, будет ли строение из камня или строганого дерева...»

Размещаясь во втором этаже, над хозяйственными помещениями, одностолпные трапезные, как правило, были перекрыты крестовыми сводами с железными связями и освещались через большие окна, расположенные обычно на противоположных сторонах зала; иногда соседние окна сдвигались попарно.

Внешнее архитектурное убранство монастырских трапезных было обычно простым: иногда обрабатывались оконные проемы, плоскости стен расчленялись по вертикали «лопатками»-пилястрами, а по горизонтали — декоративными карнизами (чаще это был геометрический орнамент, выложенный из кирпича или из керамических элементов) по линии, где один этаж отделялся от другого, или по венцу здания. Кровли зданий трапезных чаще всего были четырехскатными и напоминали низкий шатер («колпаком»).

Соловецкая трапезная по внешнему своему облику заметно отличается от других трапезных палат. Плоскости ее стен совершенно гладки, лишены каких-либо горизонтальных и вертикальных членений и производят поэтому впечатление убедительной монументальности. Окна (позднее, в XVIII веке, расширенные и утратившие первоначальную форму) не сближены попарно, а равномерно, в строгом ритме распределены вдоль северной и южной стен здания.

Нельзя обойти молчанием совершенно необычную форму кровли трапезной палаты. Здание имеет криволинейное, близкое к полуциркульному завершение и строго полукруглый фронтон западной стены. Не следует искать аналогий в русской архитектуре XVI века — их нет и быть не могло. Подобная конструкция кровли для того времени совершенно не типична. Раньше кровля соловецкой трапезной палаты была обычной двухскатной (именно такой она изображена на многих гравированных и рисованных изображениях монастыря XVIII и начала XIX в.), ее переделка осуществлена между 1837 и 1850 годом (в этом году мы впервые встречаем в гравированном изображении монастыря современную форму кровли). Тогда же на углах западной стены поставлены сохранившиеся доныне тонкие глухие барабаны, имевшие чисто декоративное назначение (куполов на них не было).

Широкий западный фронтон трапезной расчленяется двумя вертикальными лопатками. В центре фронтона, на коньке кровли раньше (до пожара 1923 года) стояла высокая четырехугольная башенка, увенчанная шпилем, — это была колокольня Филипповской церкви, до конца XVIII века находившейся поблизости, несколько севернее здания трапезной. После сноса в 1798 году старой церкви на башне были установлены часы (в кладке западной

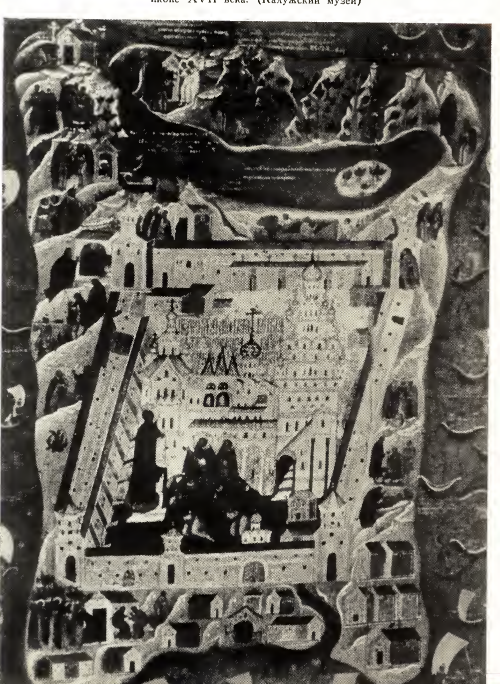

Стена Кремля с Никольской башней и остатки рва

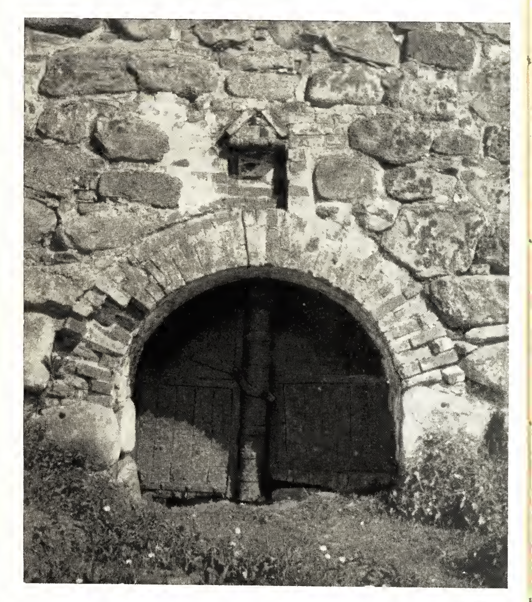

Изображение Соловецкого Кремля на титульном листе «Жития Зосимы и Савватия» (лицевая рукопись начала XVII века. Гос. исторический музей в Москве).

Соловецкий остров и Кремль по изображению на иконе XVII века. (Калужский музей)

Кремль. Сельдяные (Рыбные) ворота

Соловецкий остров (миниатюра из лицевого «Жития Зосимы и Савватия» начала XVII века. Гос. исторический музей)

Ладьи, подплывающие к Соловецкому острову

«Времен былых свидетели немые...»

Соловецкий Кремль в начале XVIII века (с гравюры С. Никифорова, 1710 год)

Изображение Соловецкого Кремля на гравюре Л. Зубкова (1772 г.)

Никольская башня.

Гигантские валуны — часть древней кладки стен.

Прядильная башня. Амбразура.

Части соборного ансамбля—галерея и колокольня.

Галерея и Преображенский собор.

Вид на Благовещенскую церковь из окна верхней галереи Преображенского собора

Западная стена Преображенского собора

Интерьер Трапезной палаты

Мельница

Белая башня и здание сушила

Фрагмент стены здания мельницы

Построенное на века

стены трапезной имеется вертикальный канал, который, вероятно, служил для движения часовых гирь). Шпиль часовой башни раньше был чешуйчатым, а в 1846 году его заменили железным, окрашенным «под золото».

Еще монастырская опись 1676 года упоминает «часы боевые с перечасьем... а у них четыре колокола перечасных небольших». Любопытно, что по той же описи в Соловецком монастыре было 17 разных часов. В конце XIX века на часовой башне трапезной находилось семь колоколов.

Величественной простотой отличается интерьер трапезной палаты — громадной высокой двухсветной залы, опирающейся на один могучий центральный столб.

Вместительность этой палаты фантастична. С. Максимов в 1856 году отмечал, что в ней рассаживаются за длинными столами одновременно более 400 человек — монахов и приезжих богомольцев-мужчин (женщины, приезжавшие на богомолье, обедали в соседней келарской). Ничего удивительного в этом нет. Ведь площадь трапезной палаты (без учета глубоких оконных ниш) составляет 481,8 квадратных метра — всего на 13 квадратных метров меньше московской Грановитой палаты! В плане интерьер трапезной представляет собой почти точный квадрат: его длина по линии восток—запад — 22,05 метра, а ширина — 21,85 метра *.

Освещается палата двумя рядами окон — по четыре на северной и южной стенах. Окна помещены в глубоких (до 2,8 метра — такова толщина кладки стен!) нишах, которые, имея со стороны палаты ширину 2,6 метра, постепенно сужаются. Первоначально окна трапезной, помещавшиеся в тех же нишах, были узкими и высокими, заделанными слюдой. В 1745 году они (одновременно с окнами келарской) были растесаны; этого показалось недостаточно, и в 1800 году их еще расширили — «для света».

Поразительно совершенство, с каким осуществлено перекрытие огромной палаты. Так же, как и стены, свод высотой 6,75 метра целиком выложен из крупного кирпича. Конструкция состоит из четырех крестовых сводов, замки которых строго ритмично чередуются вдоль северной и южной стен. Перекрытия каждой половины зала, идущего по линии восток—запад, опираются одной стороной на угловые замки и в пролете стены — на три

* Содержащиеся в ряде старых изданий сведения о том, что трапезная имеет в длину 12 сажен (25,5 м), а в ширину — 10 сажен (21,3 м)—неверны. Последние точные обмеры, данные которых мы приводим, этого не подтверждают.

замка сводов между окон, а другой стороной сведены к центральному столпу. Никаких обнаженных железных связей, которые, как уже указывалось выше, были типичны для конструкции одностолпных трапезных, здесь нет.

Геометрическим центром и организующим элементом всего сооружения является центральный столп. В отличие от большинства подобных палат здесь он не квадратный или многогранный, а круглый. Периметр столпа в основании равен 11,85 метра, его диаметр составляет 3,9 метра. Нижняя круглая часть его сложена из 15 рядов больших каменных плит, соединенных известковым раствором, выше столп, легко расширяясь, почти незаметно утрачивает свою круглую форму и переходит в кирпичную четырехугольную опору сводов. В кирпичной кладке столпа видны вентиляционные отдушины.

Интересную деталь замечаем мы в северо-восточном углу палаты, рядом с дверью, ведущей в келарскую. Здесь сохранились остатки изящного килевидного портала, типичного для русской архитектуры XVI века. Есть предположение, что этот портал обрамлял дверь, ведущую на лестницу, которая была выложена в кладке стены и сообщала помещение трапезной палаты с находившимися в нижнем этаже поварней и хлебопекарней.

Широкая арка, соединяющая помещение трапезной с Успенской церковью, сделана в 1800 году вместо небольшой двери, бывшей здесь ранее. Пол трапезной первоначально был кирпичным, потом покрыт деревом, а в 1843 году выстлан каменными плитами (нынешний деревянный настил положен поверх этих плит).

Узнав, что раньше стены и своды трапезной палаты были покрыты росписью, посетители нередко сетуют, что от этой росписи не осталось следа, что обнаженная кирпичная кладка окрашена известью в белый цвет. Смеем заверить, что это пошло на пользу интерьеру палаты, возвращая ему первоначальный вид. С момента постройки и в течение почти трех столетий стены трапезной были просто побелены и лишены какой-либо росписи. Они были расписаны лишь в 1825—1826 гг. молодым монахом Николаем. Живопись изображала евангельские сцены, «страсти господни», сюжеты из истории церкви, в частности «подвиги и чудеса» соловецких святых Зосимы и Савватия. И хотя в целом роспись эта, отличаясь «чисто восточным великолепием», была не только анатомически правильной, но в чем-то даже изящной (возможно, монах Николай не был лишен подлинного таланта), никакой художественной ценности она не представляла, и жалеть об ее утрате не приходится.

Мы ценим древнюю фресковую роспись русских церквей — высокое достижение национального искусства, вошедшее в его золотой фонд. Фресковая роспись отличалась не только особой техникой (роспись темперными красками по сырой штукатурке, в результате чего краска, «схватываясь» вместе со слоем штукатурки — «левкаса», составляла с ним единое целое), но и особой, неповторимой художественной манерой.

Ни в одной из соловецких церквей ценной фресковой росписи не было. Роспись соборов, галереи, трапезной, предпринятая в XIX веке, во-первых, исказила первоначальный облик интерьеров этих памятников, а во-вторых, была лишена серьезных художественных достоинств. Выполненная масляными красками, она соответствовала представлению монахов о «благолепии» храмов, но в корне расходилась с теми принципами, на которых основаны лучшие образцы древнерусского «стенного письма», с подлинно народными истоками русского искусства.

Тем, кто в этом сомневается, небезынтересно познакомиться с мнением художника В. В. Верещагина, который, посетив Соловки, записал: «Все церкви монастыря до-нельзя перепорчены позднейшими переделками и украшениями безвкусиого характера; живопись, покрывающая стены, ниже всякой критики. Еще галерея, покрытая картинами мучений грешников в аду — картинами в полном смысле ужасными, составляющими неистощимый предмет любопытства, удивления и восхищения паломников, — представляет нечто более или менее оригинальное по замыслу, хотя и лубочное по исполнению; но большие картины на стенах главной церкви (Преображенского собора. — **Г. Б.**) суть не что иное, как плохие копии с гравюр Рубенса, Штейбена и других — все пестро, кричаще, лубочно...»

Старые фотографии интерьера трапезной палаты и остатки живописи на стенах Преображенского собора убеждают нас в справедливости такого отзыва.

Грандиозная постройка Успенской церкви с келарской и трапезной палатами — первенец каменного строительства в Соловецком монастыре — была закончена летом 1557 года. 15 августа этого года Успенская церковь была освящена. В феврале 1717 года в Успенской церкви возник пожар. Сгорели верхние приделы, одна из трех церковных глав и крыша иад трапезной. Но в том же году повреждения были восстановлены. В 1753 году деревянные перекрытия паперти, примыкающей к трапезной с запада и соединенной с галереей, были заменены сводчатыми кирпичными. В течение XIX века неоднократно производились различные

внешние и внутренние переделки этого комплекса; некоторые из них исказили, испортили его внешний облик (пристройка к келарской с севера трехэтажного здания, изменение формы крыши и т. д.).

Но и в несколько измененном виде этот памятник русской архитектуры XVI века не перестает удивлять и восхищать нас своей монументальностью, своим величием, достигнутыми весьма простыми средствами, бесхитростной мудростью древних зодчих.

* * *

Сооружение Успенской церкви и трапезной палаты еще только подходило к окончанию, а игумен Филипп был уже захвачен новым замыслом. Ведь главный храм монастыря — Преображенский — был деревянным и небольшим. Он стоял южнее новой постройки, на том месте, где более сотни лет назад Зосима и Герман заложили первую церквушку того же названия.

Необходимо было предпринять строительство нового собора, который бы по грандиозности и великолепию отвечал значению монастыря и его далеко распространившейся по Руси славе.

Был уже приобретен немалый строительный опыт; создан свой кирпичный завод, в достатке снабжавший строительство первоклассным кирпичом (правда, на острове не было извести — ее приходилось закупать на Двине и доставлять на Соловки морем). Нужны были средства — и немалые, но Филипп надеялся, что царь не оставит монастырь своими милостями.

Он не ошибся. Царские пожалования полились в монастырь как из рога изобилия. Еще 28 июня 1555 года специальной грамотой Иван IV разрешил Соловецкому монастырю ежегодно продавать 10 тысяч пудов соли, не уплачивая пошлин в казну и экономя на этом большие суммы (раньше, по грамоте царя Василия III, право на беспошлинную продажу соли касалось 5 тысяч пудов в год). В том же году Соловецкому монастырю была пожалована Сумская волость в Поморье со всеми угодьями и оброками и с 33 соляными варницами, находившимися на этой территории. 12 февраля 1556 года царь утверждает сделанный боярином Иваном Полевым в Соловецкий монастырь вклад: село Пузырёво в Бежецком уезде Тверской губернии; это новое владение также сулило монастырю немалые доходы. Тогда же монастырю «для монастырского церковного строения и городового дела» была пожалована земля по берегу Северной Двины, на Орлеце, чтобы здесь «камень белый известный ломати и лес на дрова сечи и известь жечь».

В 1557 году Иван IV делает личный вклад в монастырь: 1000 рублей (огромная по тому времени сумма) специально на строительство Преображенского собора; этот факт подтверждает, что подготовка к строительству велась еще до завершения предыдущей стройки в монастыре, попутно с ней. Наконец, 29 января 1559 года издается царский указ, разрешающий Соловецкому монастырю беспошлинную покупку хлебных запасов — еще одна статья экономии в монастырском бюджете. А драгоценных церковных сосудов, богатых облачений и пр., пожалованных царем в Соловки в годы строительства Преображенского собора, просто и не перечислить.

Итак, надежная материальная база для успешного строительства была подведена.

И вот 27 мая 1558 года, на следующий год после завершения строительства Успенского собора и трапезной, в Соловецком монастыре «обложена строить на погребах соборная Преображенская церковь...»

Филипп Колычев намеревался построить собор, который своими размерами, архитектурным совершенством и богатством мог бы сравняться с самыми знаменитыми храмами Руси, не исключая и соборов Московского Кремля. И, скажем прямо, этот замысел удался. Преображенский собор Соловецкого монастыря принадлежит к числу самых выдающихся шедевров русской архитектуры XVI века, является сооружением уникальным, не имеющим аналогии в отечественном искусстве.

Строительные работы шли, по-видимому, весьма интенсивно: только при этом условии сооружение собора могло быть осуществлено за восемь лет. Организация строительных работ была, вероятно, обычной для того времени. Заготовлялось огромное количество строительного материала, его подача на рабочие площадки осуществлялась при помощи воротов, приводимых в движение лошадьми. В июле 1561 года 15 монастырских лодей, на которых с Двины везли известь к строительству собора, были «разбиты погодою» на море, все погибли. Это обстоятельство несколько задержало ход строительных работ.

Летом 1566 года Преображенский собор был завершен. Его освятили 6 августа, уже после отъезда Филиппа в Москву, куда он был весною вызван, чтобы занять пост митрополита «всея Руси». Тогда же, в августе 1566 года, в новый собор были торжественно перенесены извлеченные из земли «мощи» основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия.

Далекий северный монастырь обогатился главным храмом, который был в то время самым высоким зданием в России — выше Успенского собора в Московском Кремле.

Преображенский собор сооружен на пяти обширных подклетах, занимающих весь первый ярус здания и предназначенных для хозяйственного использования. Прочные своды перекрывают эти помещения. (Есть сведения, что в XVIII веке некоторые из помещений подклета использовались как темницы для узников). Раньше отсюда шли подземные ходы: один из них был обнаружен в 1924 году и тогда же замурован. Сведений об остальных ходах сейчас не имеется.

Над подклетом находится основное помещение собора, перекрытое весьма сложным по конструкции сводом, а над ним третий ярус, чердак, где расположены четыре церковных придела.

Весь громадный, устремленный ввысь объем собора выложен из кирпича. Толщина стен в первом ярусе достигает почти шести метров, во втором приближается к четырем, (так, толщина кладки южной стены равна 3,95 метра). Такое значительное уменьшение толщины стен, да и сама фантастическая толщина стены в нижнем ярусе, бесспорно, связаны с одной интереснейшей особенностью Преображенского собора: его стены не вертикальные, а имеют по мере повышения заметный уклон внутрь: здание решено по вертикали в своеобразной конической проекции. Ни один из памятников древнерусской архитектуры не имеет такой скошенности опорных частей.

Удовлетворительного объяснения этому пока что не найдено. Но с мнением В. В. Суслова, который еще в 1883 году писал, что «это дает повод думать, что строители его (собора.— **Г. Б.**) были не совсем опытные мастера», — никак нельзя согласиться: весь облик здания, безусловно, опровергает такое мнение. Некоторые авторы усматривают в уклоне стен собора своеобразно претворенное влияние готики; во всяком случае нет сомнений, что уклон стен был задуман строителями собора, и осуществление этого замысла придает всему сооружению уникальное своеобразие.

Преображенский собор своим внешним обликом заметно отличается от прочно установившегося в этому времени архитектурного канона; здесь мы не находим многих черт, типичных для русской средневековой церковной архитектуры, но зато видим элементы, воспринимаемые как своеобразное претворение черт крепостного зодчества. Собор-замок, собор-цитадель — такое определение больше всего подходит к нему. Четыре угловые башни, которые выглядят как дозорные вышки, еще более подчеркивают

сходство Преображенского собора с крепостными сооружениями.

Трудно указать среди русских архитектурных памятников XVI века другой, в котором столь явственно была бы выражена высотная идея, высотный строй композиции. Она подчеркивается всем вертикальным ритмом сооружения, расположением угловых башен и купольной главы, первоначальным декоративным решением верха собора, наклоном стен, отсутствием на них горизонтальных членений, расположением по фасадам на разных уровнях окон, размещением по стенам вертикальных выступов-лопаток.

Чрезвычайно интересно решили древние зодчие верх Преображенского собора. И здесь традиционные архитектурные мотивы сливаются с нетипичными для русского зодчества, получают новую трактовку, подчиняются очень своеобразной художественной концепции. Правда, современный вид верхней части собора далек от первоначального: многочисленные перестройки, упрощения и наконец майский пожар 1923 года сильно изменили его. Кропотливые исследования советских архитекторов раскрыли первоначальный вид верха Преображенского собора.

Стены собора завершались рядом «комар» (чаще употребляется термин «закомары») — полуциркульных с заострением наверху (от сходства с перевернутой вверх килем лодкой такая форма получила название «килевидной») выступов. Это — один из самых древних мотивов русского церковного зодчества; он имел не только декоративное, но и прямое конструктивное значение: чаще всего расположение закомар соответствовало членению внутреннего пространства здания на нефы, расположению внутри здания столбов и системе опоры сводов. В Преображенском соборе Соловецкого монастыря конструкция сводов не соответствует расположению закомар — здесь они играли только декоративную роль.

Четыре угловые башни собора, которые были увенчаны глухими барабанами с луковичными главками на них, к началу XVIII века получили нынешнее плоское завершение (главы сгорели в пожар 1923 года); раньше они заканчивались с каждой стороны трехлопастными кривыми, над которыми возвышались небольшие шатры.

Само расположение пяти глав собора было совершенно необычным. Четыре меньшие главы над башенками отодвинуты на самые углы здания, далеко от центральной главы. Сложную задачу заполнения разделявшего главы пространства древние зодчие решили с замечательным тактом и вкусом. Над закомарами, венчавшими стены, поднимались, постепенно сходясь к центральной гла-

ве, четыре ряда декоративных «кокошников» той же, что и закомары, килевидной формы. В первом, нижнем, ряду было по четыре «кокошника», в следующих — по три, два и, наконец, в верхнем ряду, у самой центральной главы — по одному с южной, западной и восточной стороны собора. Единый ритм пронизывал все здание по вертикали, подчеркивая его устремленность вверх — наклоненные внутрь стены, ряд закомар, завершение угловых башенок, ряды «кокошников» и, как венец всего, центральная глава собора — могучий восьмигранник, имеющий, так же, как и стены, заметный наклон внутрь.

Некоторые старинные иконы изображают Преображенский собор, увенчанный шатром над центральной главой. Отдельные исследователи склонны принимать эти изображения за достоверные и считают даже, что наклон стен барабана центральной главы свидетельствует, что раньше барабан этот являлся нижней частью шатра. Оснований для однозначных суждений по этому поводу нет; возможно, что прорезающие барабан центральной главы узкие и высокие (более двух метров) окна в каждой грани и декоративный поясок по венцу главы (от него сейчас остались еле заметные следы) относятся к более позднему времени, когда шатер уже был уничтожен.

Гораздо более примечательна другая особенность архитектуры Преображенского собора: сочетание симметричного расположения четырех малых глав (на башенках по углам зданий) с асимметричным расположением большой главы.

В старинных русских храмах (одноглавых, трехглавых, пятиглавых) центральная глава была в полном смысле слова центральной, размещаясь над геометрическим центром здания, на его вертикальной оси. Это определялось не только эстетическими, но и конструктивными соображениями: опорой главы являлись «паруса» сводов и арочные перемычки, сходившиеся к столбам.

Преображенский собор (с алтарем) в плане приближается к квадрату и поделен (двумя столбами в главном помещении и алтарной преградой) на три почти равные части, причем алтарь составляет одну из этих частей. Такая планировка традиционна для русской церковной архитектуры того периода (И. Э. Грабарь в «Истории русского искусства» употребляет в применении к Преображенскому собору выражение «старозаветный план»). Но план основного объема здания (без алтарной пристройки) прямоугольный, вытянут по линии север—юг. Алтарь пристроен к основному объему здания, примкнут к нему и может рассматриваться как самостоятельный объем (поглядите на восточную стену собора, и вы

увидите выше современной, бесформенной крыши алтарной пристройки следы ее прежней кровли; выше этого уровня стена собора имеет такую же декоративную обработку, как и остальные стены).

Такое сочетание основного объема собора и алтарной пристройки имеет очень интересную особенность. В общем плане Преображенского собора (с алтарной пристройкой) большая глава находится в центре, но по отношению к основному кубическому объему (без алтарной пристройки), на углах которого стоят башенки, она утрачивает свое центральное положение и оказывается сдвинутой почти к самой восточной стене. Это хорошо заметно не только снаружи, но и изнутри собора. Строгая симметрия верха нарушается, взаимное размещение малых, угловых и центральной главы становится необычным, и это обострение ритма придает Преображенскому собору не только исключительную индивидуальность, но и большую пластическую выразительность.

Позднее, в середине XVII века, ряды «кокошников» вокруг центральной главы и на угловых башнях были сняты, пространства между закомарами (так называемые «пазухи») заложены кирпичом, а все здание собора подведено под четырехскатную кровлю, скрывшую к тому же нижнюю часть центральной главы. Возможно, это было сделано с целью уменьшения нагрузки на своды. Такая перестройка значительно изменила весь внешний облик здания. Но на северной и западной стенах собора и сейчас видны остатки закомар, прорезанных небольшими окошками. На плоскостях закомар западной стены заметны следы росписей, изображавших (справа налево) праздники преображения и благовещения и две пары соловецких «святых»: Филиппа и Германа, Зосиму и Савватия.

Грандиозные плоскости стен собора обработаны выступающими вертикальными лопатками-пилястрами. Этот древнейший мотив русской архитектуры употреблен в данном случае с замечательным тактом: на южной и северной стенах, кроме угловых лопаток, имеется лишь по одной, идущей по средней линии здания (на этой же линии внутри собора расположены столбы); такое симметричное расположение лопаток как бы уравновешивает асимметричное расположение большой главы и южной двери собора. Западная и восточная стены здания, помимо угловых лопаток, обработаны еще двумя, тоже симметрично расположенными (напомним, что плоскости этих стен больше, чем северной и южной, т. к. основная масса собора в плане прямоугольная). Помимо этих лопаток, вертикально членящих стены, небольшие лопатки, доходя-

щие лишь до уровня сводов второго яруса собора, оформляют внутренние углы всех четырех башенок.

Важным элементом внешнего облика Преображенского собора являются окна. Существует упоминание о том, что при постройке собора в окна были вставлены «цветные окончины»... Верхний ярус здания снабжен рядом небольших окон (в том числе по три окна в каждой из угловых башен), имеющих полуциркульное завершение (проемы в форме бойниц на западной стене — более позднего происхождения). Окна второго яруса — большие, вытянутые вверх, выходящие внутрь собора мощными расширяющимися нишами. Снаружи они обработаны легкими килевидными наличниками. На восточной стене, к которой примыкает алтарная пристройка, таких окон нет. На западной стене три окна расположены высоко, в один ряд. На северной стене — два окна.

Наибольший интерес представляет расположение окон на южной стене собора. Их три, причем одно расположено значительно ниже двух других. Но снаружи южная стена имеет четыре окна: одно из них, фальшивое, находится справа, являясь парным тому окну, уровень которого ниже двух других. Этим способом создавалась симметрия, уравновешивавшая асимметричное расположение двери.

В Преображенский собор ведут три двери: северная и южная находятся одна против другой, очень близко от алтарной преграды — таким образом по отношению к плану главного объема собора они сдвинуты к востоку, а на общем плане собора (с алтарем) оказываются на средней линии. Еще В. Суслов отметил на основании изображения собора на старинной гравюре, что двери эти имели снаружи крытые крыльца, увенчанные небольшими главками, на эти крыльца вели лестницы с двумя всходами. Позднее эти крыльца-балкончики и лестницы были убраны (во второй половине XIX века их уже не было) и дверьми перестали пользоваться.

Основным входом в Преображенский собор являлся западный, с соборной паперти, примыкающей к галерее. Еще в 1920-е годы здесь была замечательная по исполнению створчатая дверь из кованого железа, выполненная в XVI или XVII вв. Высота ее достигала трех метров, полотно было накрест обито широкими коваными полосами, украшенными металлическими кружками с растительным узором. Двери были снабжены круглыми ручками-билами и фигурными петлями с изображением орлиных голов...

Войдем через западную дверь внутрь собора. Лишенный пышного, сверкающего позолотой убранства, он предстает во всем

своем величии, как образец замечательного искусства русских зодчих. Поражает высота помещения — около 17 метров от пола до сводов. И совершенно удивительна организация интерьера.

Мы уже говорили, что основное помещение собора не квадратное, а прямоугольное. Его длина (по линии север — юг) составляет 23,17—23,89 метра. Не удивляйтесь двойному размеру, это не ошибка: помещение несколько расширяется к востоку, его длина у алтарной преграды на 72 сантиметра (ровно 1 аршин) больше, чем у западной стены. Ширина помещения равна 17,7 метра.

Площадь внутреннего помещения Преображенского собора составляет, таким образом, около 415 квадратных метров *.

Интерьер собора по линии запад—восток делится на три части двумя мощными квадратными столбами, помещенными точно по средней линии главного объема здания. Столбы эти, несколько сужающиеся кверху, поддерживают крестовые своды и являются главными элементами, организующими все помещение. Периметр каждого столба в основании превышает 12 метров, а площадь основания — 9 квадратных метров.

Древнерусские храмы бывали чаще всего четырехстолпными или шестистолпными; в обоих случаях одна пара столбов выносилась за пределы основного помещения собора и служила вертикальной опорой для примыкавшей к ней алтарной преграды. В соловецком Преображенском соборе мы сталкиваемся с редчайшим решением: он в полном смысле слова двухстолпный. Вторая пара столбов не понадобилась, т. к. алтарная преграда представляет собою основную восточную стену здания, к которой снаружи примыкает алтарная пристройка... В этой кирпичной кладке проделаны три арочных проема, ведущих в алтарь; в настоящее время они замурованы. Очень любопытно, что центральная арка неровная: ее правый край заметно скошен. Это явилось, по-видимому, результатом каких-то смещений стены во время постройки собора, заставивших пойти на искажение формы проема, предназначенного для «царских врат», ради увеличения запаса прочности.

В кладке северной и южной стен собора, вблизи алтаря, заметны небольшие ниши; они были сделаны в 1797 году для помещения в одной плащаницы, а в другой — пустой раки, в которой до их перевезения в 1652 году в Успенский собор Московского Кремля находились «святые мощи» Филиппа Колычева, строителя Преображенского собора. Есть сведения, что ниша в северной стене

* В надписи на стене собора указано, что площадь его — 170 кв. сажен (727,3 кв. м); это ошибка. Наши данные взяты из последних точных обмеров.

имела отдельный вход снаружи, а со стороны собора была забрана железной решеткой: сюда приводили заключенных в монастырской тюрьме арестантов на богослужения.

Алтарная преграда, теперь обнаженная, раньше была целиком закрыта огромным резным иконостасом. Во время своего первого приезда на Соловки, в июне 1694 года, Петр I указал взамен обветшавшего иконостаса, современного зданию собора, сделать в Преображенский собор новый пятиярусный резной иконостас и позолотить его. Монастырю было отпущено на это из казны 745 руб. 25 коп. (в том числе 400 руб. из архангельских таможенных доходов).

В литературе существуют разногласия по поводу того, где был изготовлен иконостас. Знаменитый русский просветитель Н. И. Новиков в работе «О высочайших пришествиях... Петра Великого на Двину», изданной в 1783 году, говорит, что иконостас был изготовлен в самом монастыре местными мастерами во главе с монахом Антонием. Другие авторы считают, что работы производились в Москве, а готовый иконостас был доставлен на Соловки. Единственным местом в Москве, где в конце XVII века могла быть выполнена такая работа, была кремлевская Оружейная палата, однако в обширном архиве этого учреждения нет никаких документов, связанных с изготовлением иконостаса для соловецкого собора. Скорее всего, он действительно был сделан в самом монастыре. 11 мая 1697 года новый иконостас был установлен в Преображенском соборе.

В его нижнем («местном») ярусе помещались 11 икон, среди которых было несколько замечательных произведений иконописного искусства XVI века, находившихся еще в старом иконостасе (например, икона «Вседержитель с преклоненными Зосимой и Савватием» и икона «Преображение», в композицию которой были включены эпизоды постройки Соловецкого собора). В некоторых иконах воспроизводились элементы быта и другие особенности поморского края. Во втором ярусе находилось 25 икон, в третьем — 19, в четвертом — изображения церковных «пророков», начиная с Давида, а в верхнем, пятом — праотцы от Адама *.

Иконостас украшали резные золоченые колонны, увитые виноградными листьями и гроздьями и увенчанные пышными капителями. Но лучшей его частью были резные «царские врата» (высота 4 метра, ширина 1,5 метра), покрытые сплошным растительным

* Некоторые иконы из этого иконостаса сохранились и ныне находятся в музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева в Москве, в собрании Гос. Исторического музея и других.

ковром: это был один из замечательных образцов искусства русских резчиков. В надписи на царских вратах излагалась история сооружения иконостаса.

В 1860—1861 гг. иконостас был местами подновлен и заново позолочен. Во время гражданской войны английские интервенты, находясь на Соловках, сняли с икон серебряные ризы и венцы с драгоценными камнями и, покидая острова, захватили это награбленное богатство с собой. В 1920-е годы иконостас и его иконы бережно сохранялись как ценнейшие экспонаты историко-краеведческого музея СЛОН, размещавшегося в Преображенском соборе. Но в последующие годы это замечательное произведение искусства русских мастеров, к сожалению, погибло.

Нижняя часть обоих столбов раньше также была с трех сторон закрыта большими резными золочеными иконостасами: витые колонны, пышные балдахины, фронтоны. Они были построены в 1829—1830 гг. и, несмотря на искусство исполнения, совершенно не гармонировали со строгим архитектурным обликом собора.

Поднимемся в верхний ярус собора. Туда ведут узкие каменные лестницы в кладке стен в юго-западном и северо-восточном углах здания. Лестница освещается через небольшие окошки; поднимаясь по ней, можно заметить в стенах «продухи» — отверстия горизонтальных вентиляционных каналов, проложенных древними строителями в стенах здания.

Значительную часть помещения верхнего яруса («чердака») занимает сдвинутая к его восточному краю масса главного барабана, только здесь ясно видишь грандиозные его размеры. Во всех четырех угловых башнях раньше были размещены небольшие церковные приделы: 70-ти апостолов (в северо-восточном углу), 12-ти апостолов (в юго-восточном), Федора Стратилата (в юго-западном) и Иоанна Лествичника (в северо-западном). Между последними двумя приделами вдоль западной стены собора идет галерея, отделенная от остальной части чердака дополнительной стенкой с изящными арочками.

Великолепный вид открывается отсюда на море, на Кремль, на Святое озеро и лесные дали острова...

И еще несколько сведений из истории Преображенского собора. В 1602 году, одновременно с сооружением галереи, в паперти собора была устроена каменная палата, предназначенная для размещения монастырской библиотеки. Не раз на Преображенский собор обрушивалась стихия: в 1635 году вода в Белом море поднялась и подошла к самым стенам монастырских зданий; 6 сентября 1701 года в 4 часа дня молния ударила в большую главу собора,

сорвала с одной стороны чешуйчатое покрытие и, «проломив главу», проникла в помещение собора; было выбито окно, опален иконостас, разворочены несколько плит в полу. Почти то же самое произошло днем 16 июня 1797 года, когда молния, пробив главу собора, вышибла из пола под главным куполом несколько кирпичей...

На протяжении почти четырех столетий существования Преображенского собора в нем неоднократно производились частичные переделки и перестройки, некоторых из них мы уже касались выше. В 1745 году было построено новое каменное крыльцо к западному входу. В 1783—1794 гг. прежняя дощатая кровля собора, его алтаря и паперти была переделана на железную. Тогда же, в 1797 году пол в главном помещении собора был выстлан белым и красным кирпичом «в шахмат», а в 1810 году вместо этого кирпичного пола были наложены каменные плиты, сохранившиеся до сих пор.

В 1861—1863 гг. старая побеленная штукатурка была до самой кладки сбита со стен и столбов собора, после чего и была предпринята та неудачная масляная роспись, следы которой сохранились доныне. Помимо невысокого живописного качества, роспись эта была совершенно чужда самому архитектурному замыслу интерьера, сильно исказила его...

В дни гражданской войны контрреволюционные монахи хранили в Преображенском соборе, «под сенью святых икон», оружие, английские интервенты завладели им. Сильно пострадал собор снаружи и внутри во время страшного пожара 26 мая 1923 года. В период СЛОН в помещении собора был развернут богатейший историко-краеведческий музей Соловецких островов.

Такова история одного из самых замечательных памятников Соловецкого Кремля. Его историко-архитектурное значение выходит далеко за пределы столь богатого выдающимися памятниками зодчества северного края, приобретает общенациональные масштабы. Являясь уникальным произведением отечественного зодчества, Преображенский собор стал образцом для многих построек следующего, XVII века.

* * *

После сооружения Преображенского собора в монастыре образовались два крупных архитектурных комплекса, которые в течение 36 лет были разобщены: Успенская церковь с трапезной и келарской палатами и Преображенский собор. Мысль об их объ-

единении в один ансамбль непременно должна была возникнуть. И вот в 1602 году, сразу после постройки Благовещенской церкви над Святыми воротами, монастырь приступил к сооружению галереи, связавшей оба комплекса воедино.

Она состоит из трех частей: собственио галереи в середине и примыкающих к ней с обеих сторон крытых папертей трапезиой и Преображенского собора, которые выступают несколько вперед, придавая всему ансамблю ритмичную завершенность. Средняя часть галереи представляет собой чрезвычайно живописную кладку из крупных блоков дикого камня, прорезанную тремя широкими открытыми арками очень изящных пропорций. Профили арок, ведущих во внутренний двор, выложены из кирпича. Верх галереи был открытым: двухскатная деревянная кровля над ним покоилась на кирпичных столбиках.

В облике галереи обращает на себя внимание сходство с монастырскими стенами: кладка из валуна, кирпичные профили арок. Галерея органически связывала «лицевой фасад» соборного комплекса с крепостными стенами монастыря. Вероятно, в ее строительстве принимали участие многие из тех, кто лишь за несколько лет до того сооружал стены Кремля: во всяком случае опыт этот был использован.

К средней части галереи тогда же была пристроена со стороны двора двухэтажная каменная палата со сводами, предназначенная для хранения ручного оружия и церковной утвари.

Обращает на себя внимание, что обширные паперти трапезиой и Преображенского собора, примыкающие к галерее, отличаются от нее как общими пропорциями, так и характером кладки: большая часть их объемов выложена из кирпича. Кроме того кажется удивительным, что древние зодчие пошли на то, чтобы закрыть обширной кирпичной папертью большую часть плоскости западных стен собора и трапезной — основных фасадов, наиболее изящно обработанных. Дело в том, что это — позднейшие сооружения. Первоначально галерея доходила только до северо-западного угла Преображенского собора и кончалась за ныне замурованной аркой (всего арок в галерее было, таким образом, четыре, расположенных попарно ближе к ее краям), здесь к галерее примыкало западное крыльцо собора. Вся западная стена собора была открыта. Позднее к ней пристроили деревянную паперть (это очень ясно видно на гравюре, исполненной в 1710 году Саввой Никифоровым), и лишь на изображениях монастыря, относящихся к середине XVIII века, появляется кирпичная паперть Преображенского собора, имеющая современный вид.

Что касается паперти трапезной палаты, то и она вплоть до самого конца XVIII века имела совершенно иной вид, чем сейчас; ее переделка относится вероятнее всего к 1795—1796 гг., когда вся галерея стала двухэтажной. Паперть эта была узкой, к небольшому помещению примыкало уступом изящное крыльцо с крытой лестницей, которая шла с южной стороны, от галереи. Наклонная линия этой лестницы и край крыльца до сих пор отлично видны на стене, там, где неровная валунная кладка соединяется с кирпичной. Сейчас это сопряжение производит впечатление какой-то неряшливости; на самом деле это граница старого, современного галерее крыльца и позднейшей переделки, которая расширила паперть трапезной, лишив ее прежнего изысканного изящества.

В 1753 году пол галереи, которая еще оставалась открытой, был выстлан белыми плитами. В 1795—1796 гг. была предпринята реконструкция галереи: открытые пространства между столбами были забраны кирпичом — получилась сплошная стена, в которой прорезаны 13 полуциркульных окон; бывшие кирпичные столбы, поддерживавшие кровлю, превратились в пилястры, выступающие за линию стены. Галерея стала закрытой; она вмещала более тысячи человек.

В 1826—1827 гг. стены галереи изнутри были сплошь расписаны маслом: огромные картины с пространными подписями были призваны не столько настраивать на «божественный» лад, сколько ужасать, запугивать: адские мучения, наказания за грехи изображались с невероятными подробностями... В 1846 году живопись эта была «поновлена», но качество ее нисколько не улучшилось: мы уже приводили отзыв В. Верещагина о «художественных достоинствах» этой росписи...

Несколько слов о надгробиях, лежащих на земле у стены паперти Преображенского собора. Это каменные плиты с полустершимися надписями, ранее находившиеся на могилах соловецких монахов. Большинство надгробий относится к XVIII веку; они были свезены сюда музеем СЛОН из разных мест на территории монастыря. Среди них обращает на себя внимание надгробная плита с могилы последнего атамана Запорожской сечи Петра Кальнишевского: просидев в заключении в одиночном каземате Соловецкого монастыря с 1776 по 1801 год (25 лет!) он, ослепший, после освобождения остался в монастыре, где через два года умер в возрасте 112 лет и был похоронен возле собора *.

* Г. Г. Фруменков («Узники Соловецкого монастыря», 1970, стр. 47) сообщает, что у стены Преображенского собора был похоронен и П. А. Толстой.

У стены Преображенского собора стоит и надгробие Авраамия Палицына — саркофаг из полированного черного гранита. Палицын, постриженный в монахи в Соловках, был в 1594 году переведен в Троице-Сергиев монастырь под Москвой и позднее стал здесь келарем. Он являлся одним из руководителей героической обороны монастыря в сентябре 1608 — январе 1610 гг. от осаждавших лавру интервентов, возглавляемых Яном Сапегой. Пробыв троицким келарем более двадцати лет, Палицын в 1621 году удалился «на покой» в Соловецкий монастырь, где и умер 13 сентября 1626 года. Раньше предполагалось, что этот замечательный русский патриот был похоронен где-то на монастырском кладбище, но осенью 1872 года под смытым дождем слоем земли у южной стены Преображенского собора обнажилась древняя каменная надгробная плита с именем Палицына и указанием года его смерти; под плитой была могила. Нынешнее надгробие поставлено в начале XX века.

В начале XVII столетия, когда строилась галерея, она объединяла лишь трапезную и Преображенский собор. Позднее галерея стала архитектурным и планировочным элементом, объединившим в общий ансамбль и все другие части соборного комплекса: колокольню, Никольскую церковь с помещениями ризницы и монастырской библиотеки и Троицкий собор.

* * *

Нет сомнения, что первая звонница появилась в Соловецком монастыре тогда же, когда были построены первые деревянные церкви. Она, по-видимому, была невысокой, или примыкавшей к зданию церкви, или стоявшей отдельно.

В XVI веке звонницы при церквах и монастырях, помимо своего прямого назначения, начинают играть роль самостоятельной архитектурной единицы: они представляют собою в общем ансамбле вертикаль, организующую весь силуэт; строятся высокие, многоярусные (позднее шатровые), богато декорированные колокольни.

О времени сооружения первой каменной колокольни в Соловецком монастыре документы ничего не говорят. Скорее всего, она была построена в XVII веке; на всех гравюрах, начиная с 1710 года, колокольня эта изображается совершенно одинаково. Есть глухие упоминания о том, что архитектура ее была не свободна от некоторого влияния готики. Это была трехъярусная колокольня, построенная, как и соборы, «на погребах», по углам каждого из ярусов, поднимавшихся вверх небольшими уступами, стояли пар-

ные колонны, проем первого яруса имел килевидный рисунок, проемы остальных — полуциркульные. Над третьим ярусом находились часы (об этом упоминает в своих путевых заметках, относящихся к 1752 году, Я. Я. Мордвинов). Колокольня была увенчана круглой беседкой, над которой поднимался фигурный шпиль.

В 1776 году эта колокольня, пришедшая в ветхость, была разобрана, и вместо нее на том же месте и, в основном, по тому же образцу было начато строительство новой — той, что дошла до нас. В сентябре следующего года она была закончена и на нее подняли колокола.

Колокольня покоится на мощном цоколе, сложенном из семи ровных слоев дикого камня, — огромные булыжные блоки, скрепленные известковым раствором. Верхний слой цоколя находится на уровне второго этажа галереи. Над этим цоколем поднимаются три выложенных из кирпича яруса самой колокольни, квадратных в плане. Первый ярус занят обширной сводчатой палатой. Над ним уступом идет второй ярус, имеющий на каждую сторону по одному полуциркульному проему; высота этого яруса 7,2 метра, снаружи он обработан пилястрами на углах и по краям каждого из проемов. Третий ярус (его высота до основания главы 12,3 метра) по площади значительно меньше второго; сильный уступ скрадывается двенадцатью колоннами квадратного сечения, стоящими (по три) на каждом из углов и вверху смыкающимися с кладкой стены. По краю этого яруса снаружи идет открытый ход, причем пространство между стеной яруса и колоннами оформлено в виде арочек. Над четырьмя широкими проемами этого яруса размещены круглые проемы, над которыми выступают архитектурно обработанные слуховые окна. Крутая четырехскатная кровля подходит к тонкому четырехгранному (со срезанными ребрами) глухому барабану главы; шейка главы обрамлена декоративным пояском, а над ней — чешуйчатый купол со шпилем. Общая высота колокольни (со шпилем) — 27 сажен (57,5 метра).

Декоративные элементы колокольни, вся ее пластика близки приемам архитектуры классицизма.

В 1846 году (одновременно с такими же переделками в соседней часовой башне) обветшавшая деревянная кровля колокольни была заменена железной и выкрашена в зеленый цвет; тогда же был сделан из железа и покрыт золоченой медью новый шпиль с яблоком н крестом.

На втором и третьем ярусах колокольни было размещено 35 колоколов разных размеров.

Древнейший колокол Соловецкого монастыря, о котором мы имеем сведения, был отлит в 1545 году и получил имя «Благовестный плакун».

В 1560 году, по-видимому, в связи со строительством Преображенского собора Иван IV пожаловал монастырю два малых «зазвонных» колокола (весом по 25 пудов) и 720 рублей денег специально на «строение» новых колоколов. На эту сумму монастырь вскоре приобрел три колокола, отлитых во Пскове «старанием» князя А. И. Воротынского. Один из них («Преподобнический») весом 173½ пуда был отлит в июле 1557 года «мастерами псковскими запсковского конца Матвеем Григорьевым сыном да Кузьмой Михайловым сыном», они же изготовили в 1559 году в том же «пременитом граде Пскове» второй колокол весом 30 пудов; третий колокол, весом 80 пудов 14 фунтов, отлил 8 сентября 1547 года «мастер Трофим Оскарев Псковитин».

Отлитый во Пскове в 1587 году «Иваном Матвеевым сыном Псковитином» 150-пудовый колокол был подарен монастырю боярином Д. И. Годуновым. Вскоре к нему прибавился также поступивший в дар колокол, изготовленный новгородскими литейщиками в 1597 году, и большой (995 пудов) колокол, отлитый «старцем Сергием» в 1600 году в самом Соловецком монастыре и названный «Борисовичем», так как на него пошли 500 пудов меди и 100 пудов олова, специально присланные от царя Бориса Годунова.

В декабре 1719 года мастер Василий Осипов отлил в монастыре 80-пудовый колокол, названный, как гласила надпись на нем, «Заес» (заяц).

В 1762 году старый «Борисович» был перелит в новый колокол, весом 1000 пудов, названный «Преображенским». Но ему не повезло: в 1774 году он раскололся и был вновь перелит мастером Евдокимовым, причем была добавлена медь, и новый колокол стал весить уже 1100 пудов (17,6 тонны); в последний раз этот же колокол, наибольший из всех соловецких колоколов, был перелит в 1888 году, после чего вес его составлял уже 1147 пудов.

Знаменитый петербургский колокольный мастер Петр Евдокимов, работавший в 1770-х годах в Соловецком монастыре, отлил здесь, кроме «Преображенского», еще три колокола: в 1771 году «Литийный» (527 пудов) и «Полиелейный» (284 пуда) и в 1775 году «Вседневный» весом 283 пуда. Все эти колокола были подняты на новую монастырскую колокольню.

В настоящее время в Соловецком Кремле сохраняется два колокола. Один из них, «Благовестник» (вес 72 пуда), был отлит в

1856 году на литейном заводе Чарышникова в Ярославле в память обороны Соловецкого монастыря от англичан в 1854 году, на колоколе изображен монастырь во время неприятельского обстрела. Любопытно, что материалом для этого колокола послужили украшения, которые были в Петропавловском соборе Петербурга во время похорон Николая I. Доставленный в Соловки в 1860 году, колокол этот на колокольню не поднимался, а висел в специально устроенной в 1863 году беседке, которая находилась посреди монастырской территории, между Святыми воротами и галереей.

Другой из сохраняемых ныне колоколов — очень древний. Он украшен восемью расположенными попарно великолепными по мастерству исполнения рельефными изображениями коронованных особ, священника, простолюдинов и тонким орнаментом с геральдическими элементами; по венцу колокола идет круговая готическая надпись. Возможно, именно он упоминается в монастырской описи 1676 года как «старый колокол немецкого литья».

* * *

К колокольне с юго-восточной стороны примыкает высокое здание пятиглавой Никольской церкви. Оно не соединено непосредственно ни с колокольней, ни с галереей, но все же связано с ними: на первый ярус колокольни отсюда ведет узкий коридор, а с галереей Никольская церковь объединяется через обширную залу бывшей монастырской ризницы, над восточной частью которой церковь, собственно, и размещена.

Никольская церковь — один из древнейших храмов Соловецкого монастыря. Еще в XV веке здесь существовала деревянная церковь того же названия. Каменная Никольская церковь «на погребах» (т. е. на высоком подклете) явилась третьим (после Успенской церкви и Преображенского собора) каменным церковным сооружением Соловецкого монастыря. Ее постройка была начата 9 мая 1577 года, а окончена в сентябре 1584 года. Семь с половиной лет ушло на строительство этого небольшого храма — почти столько же, сколько заняла постройка Успенской церкви с трапезной и сооружение огромного Преображенского собора.

В связи с окончанием новой каменной церкви старая деревянная Никольская церковь была в том же году разобрана и перенесена на остров Анзер. Можно заключить, что эта деревянная церковь находилась не там, где сооружалась новая, — иначе как бы могла она сохраниться во время строительства.

Каменная Никольская церковь просуществовала 250 лет. Судя по старинным изображениям, она была весьма обширной, имела двухскатную кровлю и одну главу, смещенную к восточной стене. Фасад западной стены был оформлен рядом высоких арок, в которых (дополнительно к основной колокольне) помещались колокола. Интересно, что на одном из самых ранних изображений монастыря (в лицевом «Житии Зосимы и Савватия», принадлежащем Государственному Историческому музею) на том же месте в связи с Никольской церковью обозначена единственная в то время звонница.

В XVIII веке к зданию Никольской церкви с запада примыкало помещение ризницы, а в юго-западном углу стояла часовая башня, увенчанная куполом.

В 1831 году старая Никольская церковь и часовая башня были разобраны по ветхости до самого фундамента, и тогда же началось сооружение новой церкви. Ее фундамент был укреплен булыжным камнем, вновь выложили сводчатые кладовые («сухие погреба») в первом этаже. Помещение монастырской ризницы во втором ярусе расширили, а над восточной частью этой новой ризницы в 1832 году выложили стены Никольской церкви. Она занимает, таким образом, лишь третий ярус этого здания; с западной стороны к ней примыкала небольшая паперть, помещавшаяся также над залом ризницы. В результате такого размещения по вертикали Никольская церковь получилась высокой: ее высота от земли составляет 39,4 метра. В 1833 году строительство было закончено, здание покрыто железной кровлей и оштукатурено, главы покрыты чешуей, внутри настлан пол из каменных плит.

Архитектурной ценности современная Никольская церковь не представляет; она лишена художественного своеобразия, эклектична. В плане церковь несколько вытянута с запада на восток. Плоскости стен прорезаны овальными окнами, расположенными в один ряд. Все пять глав круглые, центральная имеет окна; остальные четыре главы отодвинуты на самые углы здания — мотив взят из архитектуры Преображенского собора, но применен формально и поэтому производит неоправданное впечатление. На кладке западной стены заметны следы полукруглой кровли паперти, которая раньше здесь примыкала к зданию церкви, а теперь отсутствует.

Не представляет архитектурного интереса и последняя часть соборного комплекса — Троицкий собор, примыкающий с севера к Преображенскому.

Преображенский собор, как и большинство крупных русских храмов того времени, был задуман имеющим три придела (помимо

четырех, иаходящихся под сводами, — это было необычно). Это были приделы Михаила архангела, Зосимы и Савватия и Троицкий, причем последний был пристроен к северо-восточному углу собора, представляя собой, таким образом, самостоятельный придельный храм. Его каменное здание, помещенное, как и все прочие, «на высоких погребах», было окончено в 1566 году, одновременно с Преображеиским собором.

В 1795 году Троицкая церковь была несколько увеличена, и к ней пристроили алтарь, а в 1816 году осуществлена еще одна перестройка: алтарь был вновь значительно увеличен. Теперь он далеко выступал за линию алтаря Преображенского собора. Первый ярус под новым алтарем Троицкой церкви был разделен на две части: одна представляет собою сводчатое помещение, в котором до сих пор находятся каменные иадгробия похороненных здесь соловецких архимандритов, другая часть этого подклета насквозь прорезана мощной проездной аркой, ведущей с внутреннего двора к алтарю Преображенского собора.

Троицкая церковь продолжала быть приделом Преображенского собора, пока в 1859 году не была выделена из него и капитально перестроена в самостоятельный собор. У Преображенского собора остались два придела вместо трех — целостность первоначального архитектурного замысла его строителей была нарушена.

Интерьер Троицкого собора был довольно просторным, но очень безвкусно, кричаще оформленным. Четыре квадратных столба, окруженные резными иконостасами, поддерживали своды, над центром собора находился большой световой купол. В 1873—1876 гг. собор был расписан грубой масляной живописью, тогда же был сооружен и трехъярусный резной иконостас, покрытый позолотой. Весь интерьер собора был выдержан в дурном стиле церковного «благолепия», столь распространенном в XIX веке.

В настоящее время помещение Троицкого собора неузнаваемо изменилось (здесь в период СЛОН была оборудована столовая). Через это помещение можно пройти в алтарь Преображенского собора.

Под Троицким собором находилась небольшая часовня, называвшаяся Германовой, так как здесь хранились «мощи» одного из основателей монастыря монаха Германа. Помещение этой часовни сохранилось, проход к ней через правую арку галереи из небольшого внутреннего дворика.

А в алтаре Троицкого собора у южной стены в богатых серебряных раках сохранялись «святые мощи» Зосимы и Савватия. «Мощи» эти еще в середине XVI века были помещены в деревян-

ные резные раки, являющиеся великолепными образцами древнерусской резьбы. В резной надписи на раке Зосимы, которая ныне находится в Государственной Третьяковской галерее, указан год изготовления — 1566. По характеру исполнения рака эта близка к знаменитому «царскому месту» Ивана IV (1551 г.) в Успенском соборе Московского Кремля. Крышка ее украшена фигурой Зосимы в полный рост, вырезанной высоким рельефом, на боковой стенке размещены 16 резных клейм (четыре группы по четыре клейма в каждой), обрамленных тисненым орнаментом и воспроизводящих различные эпизоды «жития» Зосимы, связанные с созданием Соловецкого монастыря.

Кстати о соловецких «святых мощах»: в сентябре 1925 года они были вскрыты специальной комиссией. Оказалось, что «нетленные мощи» представляли собой беспорядочное нагромождение полуистлевших костей, труху, деревянный чурбак в форме черепа — то же, что и «мощи» других «святых», которым церковники призывали поклоняться. Любопытно, что соловецкие монахи после ликвидации монастыря распространяли слух, что «мощи» Зосимы и Савватия увезены за границу, однако они были обнаружены в небольшой, замурованной снаружи нише южной стены Преображенского собора в двух заколоченных ящиках, на одном из которых была надпись «Зосима», а на другом — «Савватий».

Так разоблачались легенды, созданные церковниками.

* * *

В течение более чем четырех веков накапливал Соловецкий монастырь свои несметные богатства. Доходы от рыбной ловли, зверобойного промысла, солеварения, от обширной торговли и от нещадной эксплуатации поморского крестьянства непрерывным потоком текли в монастырскую казну. Щедрые пожалования делали монастырю цари и патриархи — одни «на помин души», другие, как Иван Грозный, чтобы замолить перед богом свои жестокие преступления.

В 1582—1583 гг. Иван IV буквально засыпал монастырь богатейшими дарами «в поминовение опальных», привлеченных к суду и расправе по делу бывшего митрополита Филиппа: на Соловки было прислано, помимо 1000 рублей деньгами (еще 1 100 рублей царь прислал в 1584 году «в поминовение» замученных по его приказу во время карательного похода на Новгород в 1570 году новгородцев), немало серебряной утвари, часы, кресты, меха, драгоценные ткани; один из серебряных золоченых кубков весил более 8 килограммов.

От царей и патриархов не отставали виднейшие вельможи, которые щедрыми вкладами в монастыри надеялись завоевать благосклонность небес и заслужить блаженство на том свете.

На протяжении веков в крупнейших, наиболее знаменитых русских монастырях (Троице-Сергиевом, Кириллово-Белозерском, некоторых московских и, конечно, Соловецком) сосредоточивались колоссальные богатства; хранилища этих богатств — ризницы — непрерывно росли.

Но не только блеском золота и драгоценных камней, не только матовым сиянием жемчуга и роскошной красотой тканей были ценны эти коллекции. Как ни фантастически грандиозна их материальная ценность, она незначительна по сравнению с тем, что представляют собою эти вещи как произведения национального искусства, созданные руками изумительных мастеров, вышедших из самых недр народа: ювелиров, чеканщиков, златошвей, печатников, иконописцев, ткачей, кузнецов и т. д. И нет ничего удивительного, что их необыкновенные творения, давно уже утратив свое утилитарное культовое назначение, не перестают восхищать нас, наполняя наши сердца чувством законной гордости за замечательное древнерусское искусство.

Соловецкая ризница была одной из богатейших, она стояла в первом ряду среди самых значительных коллекций древнерусского искусства.

Размещаясь первоначально, вероятнее всего, в самом Преображенском соборе, ризница, разрастаясь, потребовала отдельного помещения. В 1602 году, одновременно с постройкой галереи, западнее Никольской церкви было сооружено специальное двухэтажное каменное здание, примыкавшее к галерее; в нижнем этаже хранилось ручное оружие, а в сводчатой палате второго этажа — драгоценности, церковная утварь и облачения. В 1797 году это обветшавшее здание было перестроено. Оно осталось двухэтажным («на погребах»), причем помещение второго этажа было значительно расширено за счет объединения с находившимся рядом помещением монастырской библиотеки. В большой ризничной палате находились драгоценности, древние книги и документы.

Но это помещение просуществовало недолго. В 1831 году, когда была разобрана старая Никольская церковь, к ризнице пристроили новую палату. Получилась огромная зала (площадь 445 квадратных метров) с высокими сводчатыми потолками, освещенная через большие окна на северной стене. Над помещением ризницы располагалась Никольская церковь с папертью. (Сейчас помещение ризницы сохранилось лишь частично: большая часть

его сводов обрушилась). По стенам этой залы стояли застекленные деревянные шкафы, в которых и хранились драгоценные коллекции.

Разумеется, перечислять все, что находилось в ризнице Соловецкого монастыря, не только невозможно, но и не нужно. Но о некоторых, наиболее достопримечательных, вещах стоит кратко рассказать.

К числу древнейших предметов, собранных здесь, относились резной крест из моржового клыка, деревянный потир (церковная чаша) Зосимы, небольшой каменный колокол и железное клепало к нему — все эти вещи означены уже в первой дошедшей до нас монастырской описи, датированной 1514 годом. Литые золотые кресты, серебряные позолоченные чаши, кадила, блюда, кубки, богато украшенные чеканкой, гравировкой, эмалью, драгоценными камнями: некоторые из них были подарены монастырю царями Иваном IV, Михаилом Федоровичем, Алексеем Михайловичем, патриархами Филаретом и его преемником Иоасафом. Серебряные жалованные ковши эпохи Петра I. Церковные облачения, шитые из изумительных по красоте дорогих тканей: аксамита, бархата, парчи, атласа...

Выдающуюся историко-культурную ценность представляло собрание древних рукописных и старопечатных книг: евангелие XIV века, написанное на пергамене, рукописные евангелия XVI века (одно из них в 1613 году вложил в монастырь князь Д. М. Пожарский), рукописные «Апостол» XVI века, «Правила апостольские» (с автографом Ивана IV), «История иудейской войны» Иосифа Флавия, подаренная Иваном IV. Здесь же находились и старопечатные евангелия начала XVII века в драгоценных окладах (одно из них весило 40 кг).

Некоторые предметы, сохранявшиеся в соловецкой ризнице, не имели религиозного назначения, но представляли колоссальную историческую и художественную ценность. Таковы, например, палаш в серебряной оправе с драгоценными камнями, принадлежавший прославленному русскому военачальнику начала XVII века князю М. В. Скопину-Шуйскому (ныне хранится в Государственном Историческом музее), сабля князя Дмитрия Пожарского, также имеющая серебряную оправу, украшенную драгоценными камнями (она в 1850 году была передана в Московскую Оружейную палату, где и хранится до настоящего времени), шуба митрополита Филиппа из грубой шерсти темного цвета (ныне также в Государственной Оружейной палате Московского Кремля), изумительная по совершенству вкуса и мастерству исполнения резная ажурная

костяная кружка, выполненная в 1774 году знаменитым резчиком по кости Осипом Дудиным, уроженцем Холмогор (ныне она также экспонируется в Оружейной палате).

«Монастырская ризница, — писал В. В. Верещагин, — очень богата; много дорогих, хорошей работы, вещей... Жаль, что сохраняются только вещи из драгоценных металлов с жемчугом и дорогими камнями, и вовсе нет поделок из дерева, которыми Север так богат...»

Кроме вещевых коллекций в соловецкой ризнице сохранялось и множество (более 500) ценных документов, связанных с историей монастыря. Среди них, помимо упоминавшейся выше новгородской грамоты XV века, скрепленной восемью «вислыми» печатями, были еще 58 документов, написанных на пергамене, жалованные грамоты Ивана III, 7 грамот Ивана IV, 13 — царя Федора, 4 — Бориса Годунова и 9 — Василия Шуйского. Грамот царей Михаила и Алексея было 151, Петра I — 61, грамот митрополитов и патриархов — 186...

Какова же судьба соловецкой ризницы? Часть вещей в период гражданской войны была разграблена белогвардейскими приспешниками Чайковского и английскими интервентами. В августе 1922 года на Соловки прибыла специальная комиссия Главмузея из Петрограда, которая осмотрела ценности и некоторые из них вывезла для передачи центральным музеям — Эрмитажу, Русскому музею, Публичной библиотеке. Уже весной 1923 года в Русском музее была развернута выставка художественных изделий, привезенных с Соловков.

Судьба оставшихся в монастыре коллекций внушала опасения за их сохранность. Майский пожар 1923 года ускорил решение вопроса. На Соловки с чрезвычайными полномочиями направляется комиссия специалистов музейного дела (П. Барановский, Н. Померанцев, Е. Силин), которой поручались не только осмотр и «определение повреждений, причиненных пожаром Соловецкому монастырю — исключительному памятнику старины, имеющему мировое значение, и принятие предохранительных мер от дальнейшего разрушения памятников», но и вывоз в Москву всех первоклассных художественных и исторических памятников соловецкой ризницы (кроме предметов монастырского быта) для их сосредоточения в Оружейной палате. Комиссия вывезла все оставшиеся на Соловках художественные ценности, одна краткая опись которых занимает 72 страницы; в вывезенных изделиях было в общей сложности 3 килограмма 740 граммов золота, 1360 килограммов серебра, 1988 драгоценных камней и т. д. — эти данные дают

приблизительное представление о том, какие ценности были сосредоточены в соловецкой ризнице.

Ныне вещи эти занимают почетное место среди первоклассных сокровищ русского искусства в Оружейной палате, Государственном Историческом музее и других крупнейших музеях страны. Созданные народом, они теперь всецело ему принадлежат.

* * *

Не меньшую историческую и художественную ценность, чем ризница, представляла и библиотека Соловецкого монастыря — одна из древнейших, больших по объему и значительных по полноте коллекций старинных русских книг.

Начало монастырской библиотеке было положено еще в конце XV века соловецким игуменом Досифеем. Он «не мало лет» находился в Новгороде и, очевидно, организовал там широкую переписку книг (вероятнее всего, с текстов обширной книжной сокровищницы Софийского собора) для Соловецкого монастыря. Среди этих книг (помеченных, кстати, особым именным знаком Досифея) — не только образцы переводной патриотической и церковно-полемической литературы, но и древнейшие памятники русской литературы.

В монастырских описях XVI века упоминаются «книгохранительные палатки», в которых помещалась библиотека, находившаяся под присмотром специального «книгохранителя». Библиотека постоянно пополнялась — книги покупались, поступали из других монастырей, переписывались на месте, приносились в дар. Среди лиц, которые дарили Соловецкому монастырю книги, мы встречаем Ивана IV (от него поступило 12 книг), Филиппа Колычева, Д. М. Пожарского, Авраамия Палицына, патриарха Никона. Здесь были пять древнейших рукописных книг на пергамене (из них две датируются XIII—XIV вв.), книги XV века, написанные на бумаге, и прочие выдающиеся книжные ценности. Они широко использовались в монастыре: на некоторых сохранились пометки рядовых монахов, «Никифора кузнеца», «Петра Павлова сына кожевника», сторожа «Ивашки Иларионова» и т. д.

К началу XVII века монастырская библиотека настолько разрослась, что потребовала специального помещения. И вот в 1602 году одновременно с постройкой галереи и ризничных палат в паперти Преображенского собора сооружается каменная палата для библиотеки.

Позднее книгохранилище переносится в помещение, примыкавшее к ризнице. В 1797 году библиотека переносится в сводчатую квадратную палату, которая находилась в первом ярусе новой колокольни. Последнее перемещение библиотеки относится к 1846 году, когда для нее построили над самой галереей специальное каменное помещение, примыкавшее к западной стене первого яруса колокольни (эта пристройка сохранилась до сих пор).

Книжные богатства соловецкой библиотеки поистине грандиозны. Еще монастырская опись, произведенная в июне 1676 года, указывает 948 рукописных и 530 старопечатных книг, среди которых не только богословские сочинения, но и грамматики, космографии, хронографы. К 1835 году библиотека насчитывала уже 4606 томов.

В 1854 году в связи с угрозой неприятельского нападения на Соловки наиболее ценные книги соловецкой библиотеки вместе с другими монастырскими ценностями были эвакуированы в Антониев-Сийский монастырь на Северной Двине. В это время вновь открытое в Казанской духовной академии специальное «миссионерское отделение против раскола» обратилось в синод с просьбой о передаче 406 книг соловецкой библиотеки, наиболее важных для изучения раскола; с разрешения синода в Казань была переправлена вся эвакуированная часть соловецкой библиотеки (1513 томов рукописных и 83 тома старопечатных книг). А в сентябре 1858 года было принято решение об оставлении этих книг в Казани навсегда. Соловецкий монастырь лишился одного из величайших своих историко-культурных сокровищ.

После Великой Октябрьской революции бывшее соловецкое книжное собрание перешло из упраздненной духовной академии в ведение государственных архивов, куда поступили и остававшиеся на Соловках книги. 29 июня 1928 года собрание это было передано в Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где и хранится поныне, составляя отдельный фонд, насчитывающий 1482 книги.

Фонд этот очень богат и разнообразен. Не случайно ведь по спискам соловецкого книжного собрания были напечатаны и введены в научный оборот многие сочинения русских писателей-публицистов XV—XVI вв., — таких как Вассиан Патрикеев, Иосиф Волоцкий, Максим Грек и другие.

Здесь хранятся также Евангелия, богатые по составу церковные сборники, «Жития» (одних «житий Зосимы и Савватия» — 20 списков, в том числе два «лицевых», богато иллюстрированных миниатюрами), различные нравоучительные сборники и духовные

«повести», «поучения», «послания» и «похвальные слова». Значительную часть собрания составляют рукописи светского содержания: хронографы (исторические хроники) и «степенные» книги, знаменитые «Хроника» Георгия Амартола и «Космография» Козьмы Индикоплова, азбуковники, арифметики, «лечебники» и «травники», интереснейшие певческие рукописи. В составе соловецкой книжной коллекции немало рукописей, содержащих списки выдающихся исторических документов (например «Русскую правду»), и крупнейших произведений древнерусской литературы («Слово» Даниила Заточника, «Сказание о Мамаевом побоище» и др.).

Большую ценность представляет и соловецкое собрание старопечатных книг (одно время оно насчитывало 2000 томов), среди которых были такие ценнейшие памятники русского книгопечатания, как «Апостол» 1564 года и «Острожская библия» 1581 года, напечатанные Иваном Федоровым, «Триодь» 1592 года и др.

И хотя теперь этого богатства нет на Соловках, мы не должны забывать, что именно здесь, на далеком беломорском острове была в XV — XVII вв. создана грандиозная книжная коллекция, являвшаяся одной из крупнейших сокровищниц отечественной культуры.

* * *

Естественно, что за столетия существования и разнообразной деятельности Соловецкого монастыря здесь должен был отложиться большой массив документов исторического, административного, хозяйственного характера.

Опись 1676 года указывает, что монастырский архив в это время насчитывал 3174 документа различного характера: описи монастыря и переписные книги монастырских владений, приходо-расходные, «отводные», оброчные и «дозорные» книги по обширным монастырским вотчинам на поморском берегу, документы по строительству, ценнейшие юридические памятники — закладные, купчие крепости, крестьянские «заемные кабалы», «судные дела» — челобитья, допросы, приговоры, многочисленные документы по организации солеварения и рыболовства в монастырских владениях и т. п.

Впервые документы Соловецкого архива привлекли внимание ученых лишь в XIX веке: в 1834 году сюда приехал член Археографической комиссии Бередников, который, осмотрев монастырский архив, взял некоторые документы в Петербург: впоследствии они были опубликованы в фундаментальном издании «Актов

Археографической комиссии». После этого архив в Соловках снова на несколько десятилетий выпал из поля зрения историков.

В 1916 году Археографическая комиссия командировала в Соловки молодого ученого Б. Д. Грекова, впоследствии академика, выдающегося советского историка. Он нашел архив помещенным в небольшой сырой комнате в здании, пристроенном к келарской, в хаотическом состоянии: огромное количество документов XVI—XIX вв., включая чертежи и планы, было в беспорядке разбросано на деревянных стеллажах. Тогда Б. Д. Греков смог ознакомиться с архивом лишь в общих чертах.

В мае 1917 года он вторично приехал на Соловки. Предварительно был решен вопрос о вывозе монастырского архива, ввиду его огромной исторической ценности, в Петроград. Проведя предварительную разборку документов, Греков наиболее ценные из них вывез в Архангельск, чтобы оттуда переправить в Петроград. Но осуществить это не удалось: когда добрались до Котласа, оказалось, что линия на Петроград перегружена, и ящики с архивными документами были посланы в противоположном направлении — в Пермь и размещены в помещении бывшей семинарии.

В 1918 году Б. Д. Греков уехал из Перми, и соловецкий архив, лишенный надзора, неоднократно перебрасывался с места на место. Некоторая часть документов оказалась расхищенной и растерянной во время колчаковщины. Лишь после окончания гражданской войны архив был собран работниками пермского Губархива и помещен в местный музей; здесь в 1924—1926 гг. документы соловецкого архива изучал советский историк А. А. Савич, издавший в 1927 году в Перми фундаментальное исследование «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.».

Те документы, которые оставались на Соловках, осенью 1922 года были вывезены в Петроград и поступили в распоряжение Академии наук — Археографическая комиссия считала необходимым сосредоточить их в одном месте для хранения и изучения.

Таким образом важнейшая часть архива оказалась спасенной от пожара 1923 года. С конца 1920-х гг. бывший соловецкий архив хранится в Москве в Центральном государственном архиве древних актов и в научном архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.

* * *

Соборный комплекс, занимающий центральную часть территории Соловецкого Кремля, окружен прямоугольником жилых и бытовых построек. Этот прямоугольник почти замкнут — лишь в юж-

ной его части (в районе Филипповской церкви) и у ныне замурованных Сельдяных, Святоозерских и Архангельских ворот есть проходы.

Такая планировка сложилась давно и не представляет собой чего-нибудь исключительного в системе застройки старых монастырских территорий. Уже на самых ранних изображениях Соловков мы видим группу соборов, окруженную сплошным каре построек, которые составляли как бы вторую, внутреннюю стену Кремля.

Большинство этих зданий относится к концу XVIII и XIX вв. и не имеет архитектурной ценности. Их внешний облик обычен, они почти лишены какого-либо декоративного убранства. Некоторые из них сооружались на месте старых построек, которые или сносились, или включались в новую застройку, другие связывали между собой прежде разобщенные строения.

Все здания вдоль западной стены Кремля отстоят от нее на некоторое расстояние и соединяются со стеной поперечными кирпичными арками, сооруженными в 1811 году. Арки эти иногда служа для перехода (по второму ярусу) от здания на стену, одновременно играют и роль контрфорсов, подпирающих тыльные стороны зданий. Нельзя отказать строителям в том, что весь ритм этих арок и их пропорции решены с бесспорным вкусом и изяществом.

Здания же, обращенные к восточной стене Кремля, или примыкают к ней вплотную (как, например, поваренный и квасоваренный корпуса) или немного отступают от нее. И здесь строители использовали тот же мотив арок, но более широких и мощных, чем те, что идут вдоль западной стены.

Особенно интересна своим оригинальным архитектурным и конструктивным решением проездная арка, соединяющая здания келарской и поваренной палат, сооруженная в 1799 году. Здание келарской имеет довольно крутой уступ, который великолепно оформлен аркой: она тройная, с изломом внутри, ее проемы различны по габаритам. Нередко туристы, осматривая эту арку, вспомииают знаменитую тройную арку здания Главного штаба в Ленинграде, сооруженную К. И. Росси, — там, действительно, применен тот же мотив. Вряд ли следует специально подчеркивать, какие трудности выдвигала подобная конструкция перед соловецкими строителями — они великолепно преодолели их.

Ритм поперечных арок на этом участке сливается с ритмом арочной галереи, идущей вдоль первого этажа здания поваренной палаты.

Не давая подробной характеристики всех построек, составляющих «внутреннюю стену» Соловецкого Кремля, мы остановимся лишь на тех, которые представляют интерес с исторической или архитектурной точек зрения.

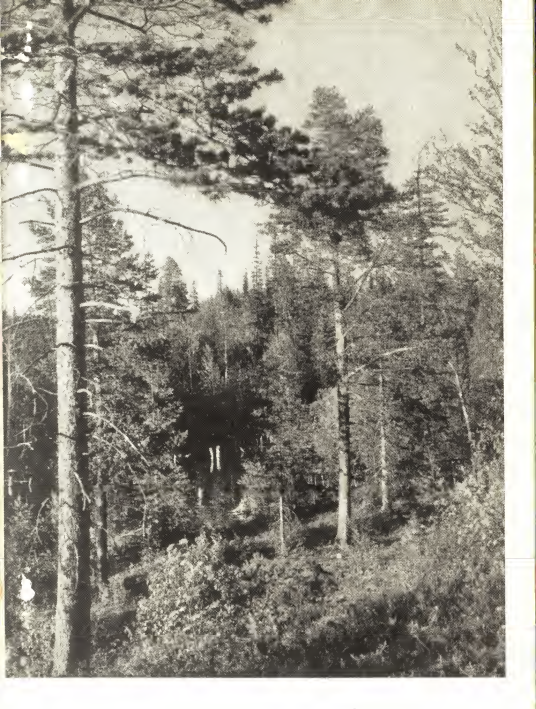
В северо-западном углу главного двора Кремля, в районе Сельдяных (Рыбных) ворот, по обе стороны прохода к ним, стоят два здания, в которых сохранились элементы древних (XVII века) построек: б. казначейская палата и б. Наместнический корпус, в котором сейчас размещается одно из отделений турбазы.

На месте двухэтажного здания казначейской палаты до конца XVIII века находилось здание монастырской больницы. Оно примыкало к старой каменной Филипповской церкви (построенной в 1688—1690 гг.) — небольшой, одноглавой, стоявшей в этой части двора, теперь свободной от построек (в мае 1798 года эта обветшавшая церковь была снесена, а в южной части Кремля тогда же построена новая под тем же названием). От здания больничных палат сохранилась северная стена с двумя угловыми лопатками и очень типичными для XVII века маленькими квадратными окошками, они сверху обработаны наличником, ступенчатый профиль которого углубляется в кладку стены.

В XVII—XVIII вв. монастырская казенная кладовая (казначейская палата) размещалась в специальном трехэтажном каменном здании под двухскатной кровлей, построенном в 1619 году на том же дворе; оно стояло совершенно отдельно, несколько севернее келарской и трапезной палат.

В 1798 году одновременно с разборкой Филипповской церкви были сломаны и здания казенной палаты, и больничный корпус, а в следующем году «на старых больничных палатах» соорудили ныне существующее двухэтажное здание казначейской палаты, в первом этаже которого находились свечные мастерские и кладовые, а во втором хранилось разное имущество, бывшее в ведении монастырского казначея. Обширная зала (площадь 190 квадратных метров) второго этажа — замечательное сооружение: ее своды очень изящны, великолепен ритм четырех глубоких (до 2,25 метра) оконных ниш по восточной стене, которым соответствуют такие же, но глухие, ниши на противоположной стене.

Рядом с казначейской палатой, у тех же Сельдяных ворот, находится большое трехэтажное здание б. Наместнического корпуса. На этом месте издавна стояли пороховые погреба, от которых сохранилась часть кладки на валунном цоколе с такими же, как у соседнего здания, квадратными окошками. Интересно, что в крепостной стене у Сельдяных ворот, поблизости от порохового по-

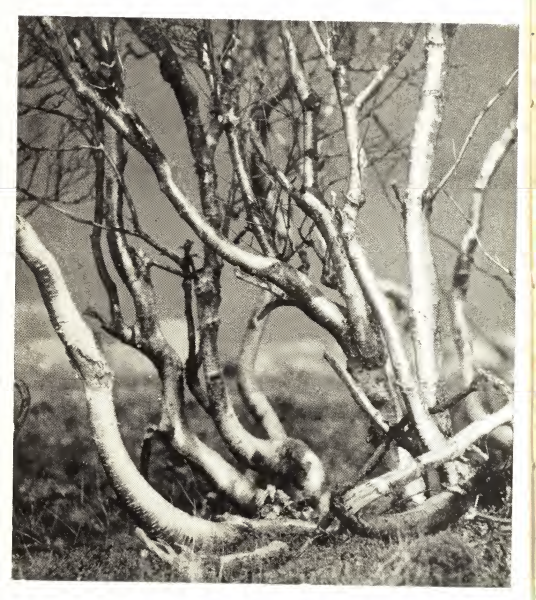
Лесная дорога.

В лесу.

Северный цветок.

Тихий уголок.

Северная березка.

Тишина.

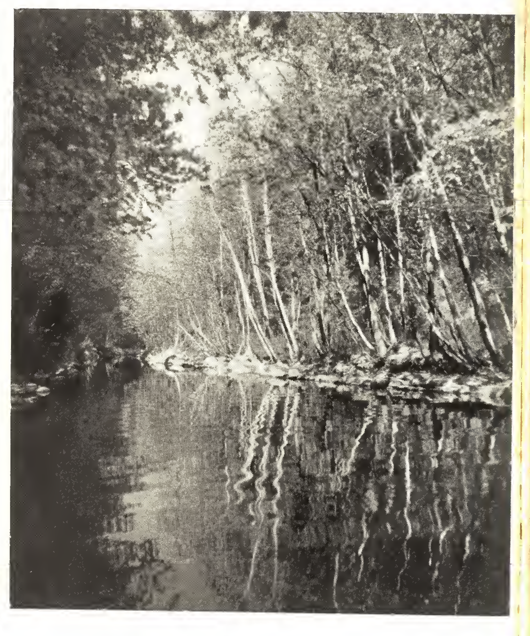

На прогулке по системе озер.

Озеро Перт — отсюда начинается система судоходных каналов.

У каждого из сотен озер свой облик.

Старый канал.

греба, имеется одна боевая ниша с амбразурой, а дальше идут глухие арочные ниши.

В 1798 году на старых пороховых погребах был построен двухэтажный жилой корпус, над которым в 1827—1831 гг. надстроили третий этаж; здесь, на месте нынешней турбазы, помещались кельи, монастырская литография и гостиница для «знатных гостей».

Идущие на восток от этого корпуса здания рухлядной (рухольной), квасоваренной и поваренной палат (две последние примыкают уже к восточной стене Кремля) построены в 1796—1798 гг. на месте старых зданий того же назначения, снесенных до фундамента. Постройки эти неинтересны, если не считать нижней арочной галереи поваренного корпуса и расположенного во втором этаже его огромного зала, который раньше использовался как трапезная для многочисленных приезжих; в период СЛОН здесь был зрительный зал театра на 800 мест (об этом театре писал в своем очерке о Соловках А. М. Горький), а позднее — спортивный зал.

Любопытно отметить, что монастырский «пищеблок», помимо своих внушительных размеров, отличался и некоторыми особенностями оборудования: вода в котлы и квасные чаны поднималась насосом из колодца, соединенного со Святым озером, отходы «кухонного производства» по специальной подземной трубе выводились в море...

Следует обратить внимание и на здание б. просфорной палаты, находящееся у восточной стены, сзади колокольни. В блок этого двухэтажного с мезонином каменного здания, построенного в 1796 году на «старом фундаменте», включены (направо от входа) две старые, относящиеся к XVII веку, сводчатые палаты, каждая из которых освещается двумя окнами.

С южной стороны главный двор Соловецкого Кремля замыкает ряд жилых зданий, построенных в период 1799—1820 гг. и не представляющих никакого историко-архитектурного интереса. С этими зданиями соединена и б. Филипповская церковь, сооруженная в 1798—1799 гг., — кирпичный куб, над которым возвышается массивный восьмерик; раньше церковь эта имела высокую главу, даже слишком высокую, так как она «спорила» с находящимися рядом главами Преображенского собора. Как и все поздние постройки в Соловецком Кремле, Филипповская церковь не отличалась изяществом и не может претендовать на то, чтобы считаться архитектурным памятником.

Неинтересны также и здания, расположенные вдоль западной стены Кремля. На этом месте в 1717 году был сооружен обшир-

ный каменный двухэтажный жилой корпус, на фундаменте которого в 1797—1803 гг. построены ныне существующие корпуса; раньше они продолжались до самой казначейской палаты, смыкаясь с ней, нынешнего прохода к Успенской башне со двора не было. Именно здесь, в жилом корпусе, стоявшем перед этой башней, н возник в ночь на 26 мая 1923 года тот страшный пожар, что произвел в Соловецком Кремле разрушения, следы которых заметны и поныне.

К западной стене Кремля примыкает и Благовещенская церковь, сооруженная в августе 1596 — октябре 1601 гг. над главным входом в Кремль — Святымн воротами; отсюда к Преображенскому собору через весь двор ведет широкая дорога, выложенная крупными каменными плитами. Выдержанная в лучших традициях русского храмового зодчества конца XVI века, Благовещенская надвратная церковь представляет собой архитектурный памятник, достойно дополняющий великолепные сооружения соборного комплекса Соловецкого Кремля.

Раньше легкий куб этой церкви, прорезанный внизу широкой аркой ворот, стоял отдельно. На старинных изображениях Благовещенская церковь завершается несколькими ярусами «кокошников», сходившихся к нзящной тонкой шейке главы: этот архитектурный мотив объединял ее с Преображенским собором. Позднее пристроенные с обеих сторон здания стиснули церковь, закрыли ее северный и южный фасады, «измельчили» ее. Сама церковь тоже неоднократно перестраивалась, утрачивая свой первоначальный облик: окна были растесаны, формы верха нзменены, отдельные элементы декора утрачены.

Неузнаваемо изменился и интерьер Благовещенской церкви. В 1633 году здесь был установлен замечательный по работе резной деревянный иконостас, который выполнил в Троице-Сергиевом монастыре «мастер Лев Иванов резец». Но в 1846 году он по ветхости был заменен новым, не представлявшим художественной ценности, как и роспись, которой в 1864 году были покрыты стены церкви.

Благовещенская церковь и построенная на следующий год после нее галерея завершают огромный цикл каменного строительства, предпрннятого в Соловецком Кремле во второй половине XVI столетня. В это время здесь был создан ряд сооруженнй выдающейся историко-архитектурной ценности. К их чнслу, помимо соборного комплекса и стен Кремля, относится также здание мельницы, единственной дошедшей до нас производственной постройки в русском зодчестве той поры.

Оно расположено в южном дворе монастыря — в том треугольнике, который ограничен юго-восточным и юго-западным пряслами кремлевских стен, сходящимися у Белой башни, и линией зданий, отделяющих эту небольшую территорию от главного двора. Здесь с давних времен находились важнейшие хозяйственные службы, среди которых мельница и зернохранилище занимали особо важное место.

Монастырская опись 1514 года указывает, что водяная мельница находилась в это время еще вне территории монастыря. Но Филипп Колычев, начиная каменное строительство на Соловках, решил перенести «мельничную службу» в монастырь и построить для нее новое здание. Документов, позволяющих точно датировать это строительство, не сохранилось, но есть позднейшие указания, что оно относится к 1552 году, когда было начато и сооружение Успенской церкви с трапезной.

Двухэтажное здание соловецкой водяной мельницы разделено на две половины. В одной из них два сводчатых помещения располагаются одно над другим. В нижнем этаже (площадь 50 квадратных метров, высота до свода 4 метра) находились постава, приводившиеся в действие водой, которая шла по подземному каналу из Святого озера; канал этот и сейчас исправно действует, и шум воды отлично слышен. Верхний этаж представляет собой очень изящную, выдержанную в превосходных пропорциях сводчатую палату площадью 51,16 квадратных метра, а высотой всего 2,45 метра. Вторая половина здания — большое сводчатое помещение (площадь 80,85 квадратных метра, высота 6,6 метра), разделенное деревянным перекрытием на два этажа.

Особую архитектурную значительность придает зданию мельницы его внешнее оформление. Юго-восточный фасад, тот, что обращен к Прядильной башне, несколько изогнутый в плане, обработан лопатками и великолепным орнаментом из кирпича и простых керамических элементов, протянувшихся сплошным поясом. Единственные проемы на этой стене — низкая дверь и маленькое зарешеченное арочное окошко.

Фасад мельницы, обращенный к Белой башне, еще более наряден. Вдоль первого этажа идет галерея с пятью изящнейшими арками. Над ней — еще одна, крытая, типа «гульбища», ее кровля поддерживается восемью столбами переменного сечения — квадратные внизу, они в средней части переходят в восьмигранник, а выше вновь становятся четырехугольными, постепенно расширяются и переходят в арочный свод. Столбы, перемычки между ними, профили арок — все выполнено из фасонного кирпича и богато деко-

рировано рельефным орнаментом, состоящим всего из 4—5 простейших элементов, но производящим неизгладимое художественное впечатление. Очень оригинально решен переход от здания мельницы к находящемуся по соседству сушилу: излом, который делает галерея мельницы, придает всему сооружению удивительную уравновешенность и завершенность. Соловецкая мельница может быть причислена к выдающимся памятникам русского зодчества XVI века.

1 ноября 1600 года мельница загорелась, огонь перекинулся на находящиеся поблизости житницы, на сушило, на кровлю стен: «все сие огнь пожже, разгоре бо ся огнь велий зело, и пламень возвысися надо всем монастырем. В то же время бысть и буря ветреная зельна, дышущи на монастырь, и пламень распаляшеся на все страны...» Но повреждения, причиненные пожаром, вскоре были исправлены.

В конце XVIII века здание мельницы было расширено пристройкой к нему с севера нового помещения: граница хорошо видна на наружной стене. К 1828 году относится усовершенствование мельницы, которая и раньше работала круглый год: к трем поставам прибавили крупорушку, установили «толчею» и сукновальную машину; в 1831 и 1845 гг. были произведены и другие пристройки к зданию мельницы и прачечной («портомойни»), стоявшей рядом, на том же канале (здесь белье мылось «стремлением воды», уже отработавшей на мельнице).

Между мельницей и Белой башней — здание «сушила», построенное одновременно со стенами в конце XVI века. Со стороны двора оно почти закрыто мельничной галереей. Основной объем этого мрачного здания выступает за пределы кремлевской стены и выглядит пристройкой к башне — глухой массой, выложенной из того же дикого камня, что и она, и имеющей ту же высоту.

Здание это предназначалось для хранения монастырских запасов зерна и муки. В плане оно почти квадратное и, как и соседняя башня, разделено на четыре яруса. Второй и третий ярусы заняты обширными кладовыми палатами, своды которых опираются на мощные квадратные центральные столбы; над ними, в четвертом ярусе, вдоль внешних стен здания идет боевой ход с амбразурами. Примыкая к Белой башне и выступая за линию стен, здание сушила должно было выполнять и военную функцию, как дополнительное укрепление в южной, наименее защищенной части Кремля.

А первый ярус сушила? Его помещения, находящиеся ниже уровня земли, выполняли зловещую функцию: здесь находились страшные казематы, настоящие каменные мешки, в которых со-

держались узники монастырской тюрьмы. Головленкова тюрьма была одной из самых ужасных соловецких темниц.

Нам нет нужды подробно излагать историю монастырской тюрьмы: этому вопросу специально посвящена обстоятельная, великолепно документированная книга Г. Г. Фруменкова «Узники Соловецкого монастыря». Напомним лишь, что монастыри издавна использовались самодержавием и церковными властями для заключения религиозных вольнодумцев и политических врагов самодержавия, которых царская власть называла «ворами и бунтовщиками», и что соловецкая тюрьма была самой древней и самой суровой из монастырских тюрем.

Ее возникновение относится еще к середине XVI века, когда сюда по приговору церковного «соборного» суда 1554 года был прислан для заключения в «келью молчательную» бывший игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий, обвиненный в ереси.

Каких только узников не перевидала соловецкая тюрьма! На Соловки ссылаются десятки разных людей, обвиненных в «воровстве и измене», в «дурости» и «предерзостном житье», в «богохульных и непристойных речах» и во множестве других преступлений — явных и вымышленных. Достаточно сказать, что только за 1612—1645 гг. на Соловки пришли 142 царские грамоты «о присылке под начало всяких чинов людей».

Знаменитый историк-демократ А. П. Щапов, который в 1860-е годы сам был приговорен к заключению в соловецкую тюрьму, утверждал, что в середине XVII века на Соловки было сослано не менее 160 человек, недовольных «Уложением» 1649 года, которое юридически оформляло окончательное закрепощение крестьян.

Важнейшие явления политической жизни русского государства рельефно отразились на истории соловецкой тюрьмы.

Крупнейшим событием второй половины XVII века было знаменитое «соловецкое восстание» 1668—1676 гг. Оно происходило в эпоху церковного раскола и началось как «книжный бунт», как выступление монахов против предпринятой патриархом Никоном церковной реформы и исправления богослужебных книг. Но ведь и никоновская реформа, и раскол, вызванный ею, были явлениями острой политической борьбы, развернувшейся в период окончательного закрепощения крестьян. Известно, что в средние века социальные выступления крестьянства и городских низов, их борьба против феодалов часто приобретали религиозную окраску, но это не меняло их главной, классовой сущности. И соловецкое восстание очень скоро переросло свою религиозную форму и приобрело масштабы и характер широкого народного движения. Укреплен-

ный монастырь собрал в своих стенах многие сотни поморских крестьян, активно участвовавших в движении. Правительство царя Алексея Михайловича предпринимало чрезвычайные усилия для подавления «мятежа»: отряд царских войск длительное время вел осаду монастыря по всем правилам военного искусства.

Соловецкое восстание по времени совпало с крестьянской войной под предводительством Степана Разина, охватившей все Поволжье и значительную часть территории центральной России. (Кстати, любопытно отметить, что сам Разин в 1661 году посетил Соловки). И после подавления крестьянской войны поморские крестьяне в Соловецком монастыре продолжали борьбу — она была сильнейшим отголоском этой войны. Многие из сподвижников атамана принимали в соловецком восстании непосредственное участие. Один из современников, старец Пахомий, писал, что «в монастырь де в разинщину пришли многие капитоны, чернцы и бельцы из понизовых (приволжских. — Г. Б.) городов». Еще более определенно высказывался тобольский митрополит Игнатий: «прибегоша в тую же обитель... донского казака и атамана Стеньки Разина помощники — воры из Астрахани; и егда во обитель внидоша, тогда бо уже... поставиша себе начальником Фадейка кожевника и Ивашка Сарафанова и... не только святой церкви хулами, но и благочестивого царя не восхотеша себе в государи имети...»

Есть сведения, что в темницах Головленковой тюрьмы были заключены некоторые сподвижники Степана Разина, в том числе сотники Исачко Воронин, уроженец Кеми, и Сашко Васильев, выходец из Кушерецкой волости. В казематах Соловков томились участники соловецкого мятежа 1668—1676 гг.

Под многими сенатскими приговорами о заключении в соловецкую монастырскую тюрьму встречаются подписи графа Петра Андреевича Толстого — любимца Петра I, сенатора и начальника тайной канцелярии, знаменитого дипломата. Его подпись стоит и под указом 1722 года о пожизненной ссылке в соловецкую тюрьму за «противность благочестию» князя Ефима Мещерского со строгим распоряжением «держать его под караулом в крепкой тюрьме, чтоб он ни с кем никогда не мог говорить о вере». А через пять лет узниками соловецкой тюрьмы стали сам граф П. А. Толстой и его сын, потерпевшие поражение в борьбе за власть от группы князя Долгорукого. Толстой и умер в Соловках. По прошествии нескольких лет соловецкая тюрьма приняла и самого князя Василия Долгорукого, которому недолго пришлось наслаждаться всесилием временщика.

А рядом с этими бывшими вельможами заточение отбывали матрос Никифор Куницын, крестьяне Василий Щербаков и Думнов.

...Жуткое, пронизывающее впечатление производят соловецкие казематы. Они находятся в глубоких сужающихся нишах, сделанных внутри валунной кладки: глубина одной ниши составляет 2,25 метра, другой — 3,1 метра, а наибольшая ширина — соответственно 3,7 и 3,3 метра. Каменные стены, низкий, нависающий каменный потолок, крохотная вентиляционная щель — и все. Страшная сырость...

Кроме этих каменных мешков в Головленковой тюрьме были и земляные темницы («погреба для колодников»), существовавшие еще в XVIII веке. Такие же земляные узилища находились и под крыльцом Успенской церкви, под келарской палатой, под Преображенским собором. Какое чудовищное кощунство — тюрьма в здании церкви! — но это было весьма распространенное явление. Церковь соревновалась с «мирскими властями» в старании сделать жизнь заключенных как можно более невыносимой.

Темницы соловецкой тюрьмы располагались и в других местах. П. Толстой и его заклятый враг В. Долгорукий содержались в Антоновской тюрьме, которая находилась южнее Святых ворот, были казематы и в некоторых нишах кремлевских стен... Наряду с Белой башней большая тюрьма (Корожанская) существовала в Корожной башне; здесь была также и земляная темница. А. И. Фомин, посетивший Соловки в 1789 году, писал, что под Корожной башней «была престрашная, вовсе глухая подземная тюрьма, называемая Корожня».

В XIX веке казематы в башнях уже не использовались — в северной части монастыря, на территории так называемого «острога», отделенной от главного двора и закрытой для посторонних, было оборудовано большое тюремное здание. Здесь еще с 1615 года стоял обширный двухэтажный корпус, в котором находились монастырские иконописная и «чоботная» (сапожная) палаты. В 1798 году, когда для иконописной было выстроено здание возле келарской, ее бывшее помещение приспособили под «арестантскую» (так это здание помечено уже на плане 1801 года): во втором этаже отделали покой для караульного офицера и казарму для солдат, охранявших заключенных, а первый этаж разгородили на 11 «арестантских чуланов».

Весной 1826 года, в разгар следствия по делу декабристов, Николай I приказал осмотреть соловецкую монастырскую тюрь-

му и «составить предположение, сколько можно будет в этом монастыре поместить арестантов **офицерского** звания».

Не вызывает сомнений цель этого распоряжения: в столице намеревались сделать далекий беломорский остров местом заключения участников восстания 14 декабря на Сенатской площади.

В июне того же 1826 года на Соловки из Архангельска прибыли специальные чиновники «для осмотра здешнего острожного строения по причине предполагаемых в нем перестроек к удобнейшему помещению содержащихся здесь секретных арестантов».

В 1827—1830 гг. тюремный двор был отделен от монастыря каменной стеной с арочными воротами, амбразуры по северной стене монастыря, ко рву, были заложены; переоборудованию подвергся и сам тюремный корпус: в нем было устроено 27 одиночных камер. После надстройки в 1838 году над зданием тюрьмы третьего этажа число камер было (с 1842 года) увеличено до тридцати трех.

Тогда же у Никольских ворот была построена караульня, а офицеры и солдаты караульной команды были переведены в находящийся рядом небольшой двухэтажный флигель.

В XIX веке узниками тюрьмы были члены тайного общества Михаил Критский и Николай Попов, декабрист Александр Горожанский, член Кирилло-Мефодьевского братства Георгий Андрузский, участники знаменитой политической демонстрации 6 декабря 1876 года у Казанского собора в Петербурге Яков Потапов и Матвей Григорьев и многие, многие другие.

Лишь осенью 1903 года соловецкая тюрьма была упразднена; ее здание было позднее использовано под монастырскую больницу...

Бывшее здание тюрьмы соединяется узким корпусом (он построен в 1831 году для жилья портных и сапожных мастеров) с высоким массивным зданием бывшей портной палаты — замечательным памятником архитектуры XVII века.

Оно сооружено в 1642 году и разделено на два этажа, перекрытых сводами. В первом этаже — хозяйственные и рабочие помещения, во втором — просторная квадратная палата (площадь около 225 квадратных метров) с восьмигранным столбом посередине. Раньше здесь была трапезная для монастырских работников разных специальностей. (Теперь помещение это разделено продольной стеной на две части).

Великолепна наружная отделка портной палаты. Она хотя и подверглась в 1798 и 1804 годах некоторой перестройке, осталась единственной из древних построек в монастыре, сохранившей двух-

скатное завершение. Фасад отличается изысканным лаконизмом убранства: высокий фронтон с четырьмя чердачными окнами, симметрично расположенные широкие рельефные лопатки, небольшие полукруглые проемы окон (сейчас они расширены, стали прямоугольными, утратили первоначальный вид и даже несколько смещены — но на стене заметны следы прежних оконных арок).

Исключительно красивы карниз, отделяющий фронтон от основного объема здания, и горизонтальный пояс-тяга, идущий под окнами второго этажа. Они выполнены из стандартных элементов фасонного кирпича местного производства. Исследователи насчитали девять типов фасонного кирпича на Соловках. Используя небольшое число основных элементов (сердечко, треугольник, кружок, полукольцо, усеченный конус и т. п.) и по-разному сочетая их, складывая в балясины, «городки», валики, древние строители достигали большого разнообразия декоративной отделки. Этот способ получил в XVI—XVII вв. широкое распространение в русском зодчестве. Здания мельницы н портной палаты в Соловецком Кремле — великолепные образцы использования этих приемов декорировки.

* * *

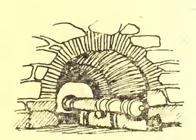
Таковы основные памятники на территории Соловецкого Кремля. Их обилие, их древность, их выдающиеся архнтектурные достоинства, отражение в их облике лучших черт отечественного военно-оборонного, церковного и гражданского зодчества позволяют причислить Соловецкий Кремль к самым замечательным историко-архитектурным ансамблям в нашей стране.

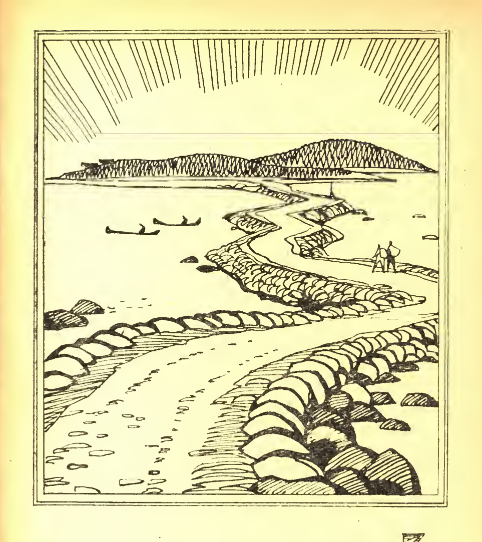
Но, восхищаясь им, мы не имеем права забывать о тех, чьими руками была создана на века эта красота — о простых русских людях, одинаково умелых и в труде пахаря, и в труде строителя, и в ратном труде. Свою вековечную мечту о красоте, свою великую тягу к ней вложили они в каждое создание рук своих.

Нелегким был их труд, тяжелой была их жнзнь. Монастырь-вотчинник нещадно эксплуатировал поморских крестьян, наживая свои колоссальные богатства ценой сдирания «трех шкур» со многих тысяч окрестных жителей. До нас дошел монастырский указ, относящийся еще к 1568 году, где говорилось: «монаху Дионисию отправиться в Шую Корельскую, схватить там крестьянина Андрея Еремеева, заковать в цепи и скована привезти на монастырский двор, бив плетьми и палками, пока не заплатит податей монастырю». Красноречивый документ!

Уже в первой половине XVII века Соловецкому монастырю принадлежало все поморское побережье от Онеги до Колы, и жители этого района находились в полнейшей феодальной зависимости. Стяжательская политика монастыря, его бесконечные поборы, нещадная эксплуатация разоряли не только крестьян, но и посадских людей, и не случайно в 1648 году жители городских посадов жаловались, что «мы... от тех монастырей насильства вконец погибли, и многие людишки, тягло свое пометав, в пусто бредут безвестно врознь». Сколько людей погибло от жестокого монастырского мздоимства, от «смертных побоев» — не перечесть...

Бесконечен труд, безгранична жизненная стойкость простого русского человека — труженика, творца. И как памятник этому труду народа, как торжественный гимн ему, как воплощение его стремления к красоте высится на беломорском острове грандиозный соловецкий ансамбль — подлинное чудо нашего Севера, яркое и неповторимое явление в русском зодчестве.

3

По зеленым и голубым дорогам

МАРШРУТЫ ПОХОДОВ И ПРОГУЛОК

Очень много людей приезжает теперь на Соловки. Разные характеры, разные интересы, различная степень подготовленности. Одни отважились на дальнее путешествие, движимые неистребимой любознательностью и подлинным интересом к памятникам старины, к шедеврам отечественного искусства, другие — для отдыха в обстановке несколько экзотической, третьи — подчиняясь моде. Есть и такие, что заезжают сюда «попутно» — с Хибин ли, из Мончегорска, из Кижей — какая разница, главное — попутно...

И каждый стремится удовлетворить свой интерес. Одни готовы ограничиться осмотром Кремля и одной-двумя недальними прогулками, другие вообще не склонны покидать район турбазы, третьи, наспех обежав Кремль, взваливают на плечи пудовые рюкзаки и отправляются в глубь острова искать туристскую стоянку где-нибудь на берегу лесного озера.

А Соловки — это не только величественный Кремль и не только первозданная природа, лесная тишина и чистота озер. Это и то и другое вместе, в неразрывном единстве удивительного творения природы и дивного создания рук человеческих. В этом единстве их своеобразие и их прелесть. И впитать надо и то и другое. Не спеша бродить по Кремлю, заглядывая во все его таинственные уголки, смотреть, как меняется он в зависимости от времени суток, погоды, состояния неба. Представить себе жизнь, которая шла здесь сто и триста лет назад. И походить по соловецким дорогам, подышать воздухом здешних лесов, побывать на озерах.

В 1905 году М. М. Пришвин писал о Соловках: «День солнечный, прекрасный, море синее. Можно подумать, что я не у Полярного круга, а где-нибудь в Италии». Подобные сравнения мне самому приходилось не раз слышать от людей, которые много разных чудес повидали на своем веку.

Итак, совершите поездку на лодках по системе озер; сходите в Исаково и в Савватиево, поднимитесь на гору Секирную, доберитесь до Новой Сосновки и отдохните на морском берегу. Обя-

зательно предпримите экскурсию на остров Муксалму, к знаменитой дамбе, прогуляйтесь иа южный берег острова, к мысу Печак. Непременно посетите хутор Горка и полюбуйтесь лиственничной аллеей и кедровой рощей, цветущей сиренью и гималайским шиповником. А если у вас будет время — совершите небольшое путешествие по морю на Заяцкие острова. Может быть, вы сможете даже найти время, чтобы дойти до Реболды и оттуда добраться до острова Анзер...

Лишь после этого вы почувствуете всю прелесть Соловков и сроднитесь с ними душой, как с одним из удивительных по красоте уголков Родины нашей.

Только, пожалуйста, запомните: по соловецким дорогам надо **ходить.** Не соблазняйтесь никакими механизированными транспортными средствами. Ездить по этим дорогам — преступление, настолько они красивы, настолько чист и живителеи их воздух.

Итак, в путь по соловецким дорогам!..

ВОЗРАСТ ДОРОГИ — ЧЕТЫРЕ СТОЛЕТИЯ

Ее направление — север. Ее конечный пункт — Новая Сосновка. Но по пути к морскому берегу она проходит через Исаково, гору Секирную, Савватиево.

Дорога эта, действительно, старейшая на острове. Она проложена в середине XVI века, при Филиппе, и трасса ее отмечена на всех дошедших до иас старинных картах острова.

Наше путешествие начинается от Кремля. Идя по Северной улице, минуем здание метеостанции. Поселок остался позади. Слева морской берег; в хорошую погоду море отливает синевой, а на горизонте в голубой дымке маячат темные очертания дальних островов. Открытый песчаный берег усеян крупными валунами.

Первый этап дороги, идущей небольшими подъемами и спусками, неинтересен. Но постепенно (за ответвлением вправо, ведущим на лодочную станцию) лес все плотнее обступает колею. Вот за деревьями виднеется подболоченный край Хуторского озера и сразу за ним вправо отходит дорога на хутор Горка.

И тут как-то неожиданно и сразу меняется вид дороги. «Как только мы выехали на лесную дорогу, — писал В. И. Немирович-Данченко, — глаза стали разбегаться во все стороны. Пейзажи, один прелестнее другого, развертывались перед нами, как будто в волшебной панораме. Не успеешь вглядеться в один, как вдруг

перед вами раскинется еще более красивый под светом яркого солнечного дня...»

Перелесок, среди которого тянулась дорога, уступает место густому, даже дикому таежному лесу, все плотнее подступающему к самой обочине.

Минуем спрятавшийся среди деревьев старый полосатый верстовой столб. За ним начинается один из интереснейших участков дороги. Она вся в сплошных спусках, подъемах, небольших изгибах. Четыреста лет назад, прокладывая эту дорогу, ее строители использовали естественный рельеф местности — трасса дороги протянулась вдоль гряды холмов. Но чтобы обнаружить это, надо очень внимательно приглядеться: ведь холмов не видно, их склоны поросли густым лесом. Могучие деревья уцепились корнями за тонкий слой почвы. Кажется, на чем удержаться? А ведь веками стоят лесные красавцы...

Метрах в ста справа от дороги и значительно ниже ее серебрится среди деревьев озеро Карзино. Очень красиво изогнутое, оно долго тянется вдоль дороги, то почти вплотную подходя к ней, то удаляясь.

Едва исчезло с наших глаз озеро справа, как слева открывается великолепная сосновая поляна. Она особенно живописна в погожий день, когда золотисто-красные стволы деревьев освещаются ярким солнцем.

И вновь тянется дорога по склонам холмов, иногда довольно круто спускаясь и поднимаясь. Густой лес местами расступается, открывая небольшие полянки, заросшие густым клевером или хвощом. Много в этом лесу осины, и среди тишины звенит — да, да, именно звенит — нежный шелест ее листвы. Представьте, как красива эта дорога осенью, когда вся она расцвечена волшебными красками, когда осеннее золото горстями раскидано вокруг.

На небольшой полянке, поросшей высокой травой, — беседка-грибок. Направо, пересекая эту поляну, отходит тропинка; если пойти по ней, то через каких-нибудь пять минут подойдешь к целой цепи мелких озер, очень живописных, но с заболоченными берегами.

Вернувшись на нашу главную дорогу, мы вскоре окажемся рядом с высоким, очень мрачным холмом, поросшим темным таежным лесом. Старые ели прижали к самой дороге молодые березки. Холм как-то сразу круто обрывается, и этот темный лес будто проваливается куда-то в пропасть, где совсем черно даже в солнечный день. Царство замшелых стволов, камней, бородатого мха на нижних ветвях елей.

Минуем еще один верстовой столб. Слева открывается веселая полянка, поросшая хвойным леском и сплошь покрытая ягодником. Да и справа, где только что был темный лес, тоже стало веселее: больше белых полосок берез, лес посветлел.

Позади уже немало километров, но дорога настолько удивительна, что совершенно не чувствуешь расстояний. «Что поражает больше всего — это неожиданность художественных моментов. Идешь, ничего не ожидая, и вдруг перед тобой раскинется такая картина, что в первый момент не сообразишь, где ты, что с тобой...»

И вот рубеж этой дороги: по обеим сторонам ее — две могучие сосны, старые, кряжистые, с совершенно прямыми и голыми стволами. Как стражи, стоят они, оторвавшись от своих собратьев и подступив к самой обочине. Еще 300—400 метров за этими сосновыми воротами — и дорога разветвляется. Налево идет прямая зеленая аллея, в конце которой темнеет Секирная гора; на вершине белое-белое здание церкви на фоне голубого неба. Необыкновенная картина, поражающая своей стереоскопичностью!

Но мы сейчас пойдем направо, по дороге, немного поднимающейся вверх. Чуть в стороне высокая гряда, полого спускающаяся в северном направлении. Ее склоны, сплошь заросшие мхом и кустами черники, усеяны громадными валунами, среди которых встречаются камни-великаны, напоминающие самые крупные из тех, что мы видели в кладке стен Соловецкого Кремля. На вершине — стройные сосны. Вдали видна Волчья гора, а на горизонте синеет море и темнеют полоски дальних островков. Направо между стволами серебрится несколько постепенно пропадающих в отдалении озер, словно окутанных легкой дымкой. В воздухе разлит терпкий аромат багульника...

Слева от дороги неширокая луговина, в конце которой открывается голубая гладь огромного прихотливо изогнувшегося Исаковского озера. Журчащий ручеек соединяет небольшое, заросшее кувшинками тихое озерко справа от нас с Исаковским озером. Расстояние между озерами очень невелико, а уровни у них разные: правое, маленькое, метра на два выше...

Дорога медленно поднимается среди мелкого березняка и осинника, а справа к ней почти вплотную подходит хребет с очень крутыми и голыми песчаными склонами и с гребнем, поросшим редкими соснами. И снова дорогу плотно обступает молодой березняк. Он становится все гуще и гуще, и хвойный лес отходит на второй план и стоит позади высокой, надежной стеной. Справа — небольшая травяная площадка; на ней редкие ели и среди них

гордо возвышается великолепная одинокая береза, нагнувшая вниз свои пышные ветви.

Еще метров сто, и дорога подходит к Исакову. В прошлом это небольшое монастырское поселение (так называемая «пустынь») с часовней и несколькими одно- и двухэтажными деревянными домами. Первые постройки относятся к 1832 году и предназначались для монахов, ловивших рыбу на озерах и косивших сено на обширных окрестных лугах. В настоящее время здания поселка не используются, зато их облюбовали приезжие художники...

Исаково расположено в том месте, где сближаются два озера: обширное Исаковское и необыкновенно красивое, все в желтых цветах кувшинок, Карасевое. Вид от поселка на Исаковское озеро очень живописен. А дальше высится Секирная гора, немного вытянутая к северу и поросшая лесом. Она кажется шапкой над сплошным лесом, окружающим ее.

Покидая поэтичное Исаково, перейдем по мостику через небольшой канал, соединяющий оба озера, и выйдем на обширный луг, пересеченный тропинкой, идущей в сторону горы Секирной. Сама гора пока видна, но скоро она скроется.

Не очень длинна эта тропинка, но все, кто по ней прошел, запомнят ее как одну из самых приятных на Соловках. Цветы, густая трава, белый и красный клевер, заросли медуницы — все это колышется легким ветерком и освещается ярким солнцем, сияющим с голубого неба. Именно об этой дороге писал в 1933 году М. Пришвин: «Как только мы вышли на берег (Красного озера. — **Г. Б.**) и лесными тропинками направились в сторону Секирной горы, так сейчас же началось чтение увлекательнейшей книги природы, открывающей цельное и вечное движение в переменах...»

Луг позади. Входим в мелкий лесок: березы, осины, ели, можжевельник, несколько могучих сосен. Минуем прибрежный лужок, сплошь заросший цветами, и тут как-то сразу, неожиданно, характер пейзажа резко меняется: средне-русский ландшафт уступает место таежному.

Вскоре наша тропинка выходит на дорогу — ту самую, в конце которой мы с развилки впервые увидели Секирную гору. Но сейчас, хотя мы и ближе к горе, с дороги не видно ни ее, ни церкви на ее вершине — и лишь немного пройдя по дороге направо, мы вновь увидим их перед собой. Лес вокруг усеян валунами, и чем ближе к Секирной горе, тем более таежный характер приобретает он. Основная дорога огибает подножье горы, но есть ответвление на ее вершину, по нему мы и поднимемся.

Гору Секирную отлично видно с моря при подходе к Соловкам, отсюда она убедительно воспринимается как высшая точка острова. «Секирка» представляет собой ледниковый нанос, сложенный из крупнозернистого песка с большим количеством валунов. Ее северо-восточный и южный склоны обрывисты, а западный — сравнительно пологий.

Прежде это место было пустынным, поросшим дремучим лесом. Название горы связывается с легендой, красочно изложенной в «Житии Зосимы и Савватия»: якобы на вершине этой горы двое «светлых» юношей-ангелов высекли пойманную ими жену рыбака — в знак веления «свыше», чтобы остров безраздельно принадлежал монахам...

В конце XVII века монахи намеревались построить на горе Секирной небольшой храм, наподобие того знаменитого «скита», что выстроил Никон возле Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой. Во время русско-шведской войны 1788—1790 гг. на горе Секирной была установлена артиллерийская батарея. В 1801 году, когда Россия стояла на пороге войны с Англией, здесь был установлен сторожевой пост для наблюдения за морем. В 60-х годах прошлого века был основан монастырский скит. В это же время на склоне горы был заведен обширный ягодный сад — одна из достопримечательностей Соловков.

Дорога довольно круто переходит в лесенку, удобно вырубленную в склоне горы. Ледник, выложенный из крупных валунов, деревянная часовенка и очень красиво поставленный на горе двухэтажный жилой дом с крытым переходом к церкви, построенный в 1862 году.

Чудесный вид открывается отсюда на раскинувшиеся вокруг сплошные темно-зеленые леса и рассеянные среди них озера — «блестящие глаза земли». М. М. Пришвин писал: «Узнавая на каждом шагу, читая, как книгу, местную и в то же время всюдную жизнь, мы пришли на Секирную гору и с высоты ее в лесах увидели бесчисленные озера большого острова. Море отсюда было видно не совсем кругом, но по туману в той стороне, где воды прямо не было видно, можно было легко догадаться, что и там тоже все вода...»

На самой вершине горы, на ровной площадке — стройное двухэтажное здание церкви, покоящееся на основании из валунов. Оно не имеет алтарного выступа и представляет собой куб со срезанными углами. Хотя церковь, построенная в 1860—1863 гг., и не отличается архитектурными достоинствами, она очень приятно смотрится, так как отлично увязана с окружающим пейзажем.

Восьмигранный барабан главы переходит в купол, под которым находится знаменитый Соловецкий маяк.

Маяк этот был сооружен одновременно с постройкой здания церкви, в 1862 году. Расположенный на самой высокой точке Соловецкого острова, он является самым крупным маяком на Белом море.

Высота маяка над уровнем моря 123 метра, а от подножья Секирной горы — 98,5 метра. Его свет виден почти на 22 мили. Первоначально маяк освещался тремя масляными лампами, с 1866 года — шестью, потом одиннадцатью керосиновыми. В 1962 году Соловецкий маяк был реконструирован: керосиновые горелки заменены электрической лампой мощностью в 1000 ватт, снабженной призматическим фокусирующим устройством. Электроэнергию маяк получает от дизелей, а ветряк, стоящий на площадке рядом с церковью, является запасным источником энергии. В летние месяцы, когда стоят белые ночи, маяк не работает, но зато зимой, в декабре, бывают такие дни, когда лампа почти не выключается.

На площадку маяка ведут 135 ступеней и, когда окажешься на ней, перед тобой открывается фантастическая по красоте картина. С самой высокой точки Соловецкого острова далеко видно и море, и поросшие лесом острова, и озера, и прямые желтые нити дорог.

Севернее церкви, за ветряком, — смотровая площадка со скамейками и оградой из вековых лиственниц. Вид, который открывается отсюда, настолько великолепен, что никакими словами не передать его очарования. «Особенно хорошо видишь весь остров с горы Секирной, — писал А. М. Горький, — огромный пласт густой зелени, и в нее вставлены синеватые зеркала маленьких озер; таких зеркал несколько сот, в их спокойно застывшей прозрачной воде отражены деревья вершинами вниз, а вокруг распростерлось и дышит серое море». Картина эта необычайно стереоскопична: до ветвей рябин и огромных берез можно, кажется, дотянуться руками. Дальше — кудрявые верхушки елей, вкрапления озер и песчаный северный берег, обнажающийся во время отлива...

«Засияла розовая заря. Сотни озер, раскинутых внизу, вспыхнули разом. Глаз нельзя было отвести от них: точно со всех концов, по всем лесам, полям и лугам острова запылали бесчисленные костры. Вершины леса были тоже охвачены этим нежным сиянием. Море сняло пурпуром, золотом и лазурью. Казалось, небо укрыто жемчужными тучками... Вокруг всего острова лежала та же огнистая полоса» (В. И. Немирович-Данченко).

С Секирной горы спустимся не по дороге, а по знаменитой деревянной лестнице, которая начинается у церкви и внизу вливается прямо в дорогу. Лестница насчитывает 291 ступеньку, но так как идет по склону горы и разделена площадками на несколько частей, всей ее длины сверху не ощущаешь. Существует местная легенда, что лестница с горы Секирной насчитывает 365 ступеней (по числу дней в году), но на самом деле это не так.

Спустившись, попадаем на дорогу, которая идет через лиственный лесок, насквозь пронизанный солнечным светом. За ним обширный луг, рядом озерко. И вот у поворота дороги показалось обычное на Соловках здание ледника, выложенное из валунов. Это Савватиево.

Старинная легенда называет Савватиево местом первого поселения «святых» основателей монастыря Савватия и Германа; «видевше же место некое стройно, и ту поставиша хиз свой близ озера, мало вдалее от моря, яко едино поприще...» (Увидели подходящее место и тут поставили свою хижину вблизи озера, не далее чем в версте от моря).

Позднее, в XVIII веке, здесь, на живописной пологой луговине, раскинувшейся между озер, возникла монашеская «пустынь» — небольшая часовня и несколько деревянных келий с чуланами, где жили монахи-рыбаки и косцы.

В 1856—1860 гг. в Савватиеве на берегу озера была сооружена одноэтажная каменная церковь Смоленской богоматери — в память событий, связанных с отражением нападения английской эскадры на Соловецкие острова. Напротив церкви в двухэтажных деревянных корпусах разместились монашеские кельи. Позднее, в 1880 году, был построен обширный двухэтажный жилой корпус, сохранившийся доныне.

Удивительное, поэтическое место Савватиево! Два живописных озера, чудесная поляна, поросшая буйной травой, небольшая кедровая рощица посреди этой поляны, огромные каменные глыбы, и рядом с ними цветы.

Мы покидаем Савватиево; наш путь теперь направо, через луг. За озером вновь показалась гора Секирная с церковью на вершине. На дороге масса цветов, и особенно яркими пятнами среди них — островки иван-чая, нежно-алый цвет которого оживляет даже самый суровый пейзаж. Кругом березы, осины, иногда ели, а к запаху цветов примешивается чуть заметный запах моря, оно ведь недалеко отсюда.

Дорога немного поднимается и вдруг в какой-то совершенно неуловимый момент — он так и остается неуловимым, сколько бы

раз вы ни ходили здесь, — меняет свой облик: ниже становятся деревья, больше валунов вокруг, иной характер приобретает рельеф. Слева от дороги, внизу, озеро Горелое, а над ним, как часовые, выстроились розовые в солнечном свете сосны, объемно выделяющиеся на фоне окружающего их зеленого леса. Еще раз, но на одно лишь мгновенье показалась справа гора Секирная и тут же исчезла за холмами. Рядом с дорогой сосновая роща и в ней осыпавшиеся остатки землянок, вырытых во время Великой Отечественной войны. Но вот лес становится гуще, по обе стороны сквозь деревья заблестели озера, сначала то, что слева, — Криводорожное. Дорога проложена по гребню естественного водораздела озер. Камни и сосны...

Развилка. Идя влево, вскоре выходим на прекрасную широкую колею, проложенную в 1776 году от Савватиева до Новой Сосновки, как продолжение той, по которой мы шли до Исакова. Небольшими подъемами, спусками, изгибами идет эта живописная дорога. С обеих сторон подступают к ней березняк и осинник, сосны и ели; склоны небольших холмов покрыты валунами и поросли мхом. Свернем на минуту в сторону, поднимемся на любой из этих холмов, и перед нами откроется круговая панорама леса, среди которого непременно увидишь голубое око — озеро.

Густые лесные участки сменяются сочными веселыми травяными лужками. Сквозь деревья блестят яркие солнечные блики, одевающие лес в причудливый световой наряд. Слева спуск к большому озеру Горелому, а справа — склон хребта. Чуть дальше справа неожиданно откроется необычайно красивое и удивительно ясное озеро, недаром названное Светлодорожным. Ближе к дороге — поляна, а рядом с ней — густая сосновая роща.

За озером лес вновь приобретает таежный характер, но ненадолго: дорога вскоре опять становится похожей на аллею в лиственном лесу. Направо к небольшому озерку спускается ровный луг, поросший густой травой, слева виден лесок, а за ним уже темнеет крайний к морю ряд елей. Мы ведь и не подозреваем, что по другую сторону дороги, в каких-нибудь 200 метрах, за небольшой полосой леса, расположился другой водоем.

Пересечем лесок и подойдем к этому водоему. Он вытянулся узкой полосой, глубоко врезавшейся в берег. За песчаными отмелями стоит густой хвойный лес... Но откуда здесь на берегу фукус? Как попала морская водоросль на озеро? Попробуйте воду на вкус: она соленая. Это уже не озеро, а море — один из заливов Сосновой губы.

Сосновая губа — крупный морской залив, вдающийся в Соловецкий остров с севера; в отличие от Глубокой губы она имеет широкий рейд, соединяющий ее с морем. В Сосновой губе разбросано, особенно в ее западной части, до 50 низменных островков, из которых некоторые покрыты лесом, а другие, те, что лежат ближе к морю, безлесны и лишь поросли травой; кроме этих островков в губе много голых каменистых луд и корг. Эти острова (как и острова Глубокой губы) являются местами массового гнездования водоплавающих птиц.

Берега Сосновой губы (ее западным плечом является низменный мыс Тонкий, а восточным — лесистый и крутой мыс Овсянников) — отлогие, песчано-каменистые, покрытые лесом. Такой же характер имеют и живописные берега того залива, к которому мы вышли.

Еще несколько сотен шагов — и прямо с дороги открывается вид на залив, при выходе из которого справа и слева мысы, поросшие лесом. Мыс, что направо, выглядит длинной каменистой косой, далеко вдающейся в море.

Но дорога наша не кончилась: она тянется еще на километр вдоль берега губы. Вскоре справа показывается группа сосен, за которыми открываются деревянные постройки. Последние десятки метров дорога идет по насыпи, склон которой укреплен от натиска моря валунами. И вот мы уже в прозрачной негустой сосновой роще, стоящей на невысоком холме у самого моря. Это и есть Новая Сосновка.

Монастырская «пустынь Сосновская» с деревянной часовней возникла поблизости от этого места еще в первой половине XVII века. Новососновское монастырское поселение появилось на морском берегу в первой четверти XIX века. Деревянная часовня, конюшни, избы предназначались для монахов-рыбаков, занятых ловлей знаменитой соловецкой сельди.

Сейчас в Новой Сосновке живут сборщики водорослей. Повсюду протянуты вешала для сушки ламинарии. Груды ее лежат кругом, распространяя пряный йодистый аромат. На краю деревянного пирса тали для подъема водорослей с карбасов. А впереди — открытое серо-голубое море. И лишь четкое тарахтенье мотора на какой-то доре, идущей вблизи берега, нарушает тишину...

Вот и закончилось наше путешествие к северному берегу Соловецкого острова. В обратный путь мы направимся по берегу залива, потом выйдем через лес на уже знакомую нам дорогу и по ней достигнем развилки, на которую привела нас дорога от Савватиева.

Теперь минуем эту развилку и пойдем прямо. Вот расступился лес и открылась великолепная панорама Красного озера. Полкилометра предстоит нам пройти по укрепленной крупными камнями дамбе, ограждающей северо-восточный угол этого озера. А когда кончится дамба, дорога выведет нас на Исаковскую поляну — ту самую, что является конечным маршрутом экскурсии по системе озер. Отсюда можно возвратиться в монастырь или на лодке по озерам, или пешком: ведь до Исакова не более 700 метров по дороге...

ПО СИСТЕМЕ ОЗЕР

Это поистине необыкновенное путешествие.

Созданная человеческими руками система соловецких озер ведет из района Кремля в ту часть острова, которая особенно густо покрыта озерами, которую характеризует наиболее сложный рельеф и где над бесчисленными озерами поднялись самые красивые леса.

Гидротехническое строительство на Соловецких островах началось еще четыре столетия назад, когда в середине XVI века 52 озера были соединены в единую «питьевую систему», которая доходила до самого монастыря и из Святого озера через территорию Кремля подземным каналом выводилась в море. Первый соловецкий гидростроитель, по-видимому, отлично разбирался в том, что разность уровней озер, расположенных даже близко друг от друга, дает возможность без применения каких-либо сложных гидротехнических сооружений обеспечить естественный ток воды в нужном направлении. Позднее к этим 52 озерам было прибавлено 26, и «питьевая система» стала объединять 78 озер, не только обеспечивая непрерывное поступление свежей воды в Кремль, но и превращая озера в проточные со всеми благоприятными последствиями этого для их гидробиологического режима. Таким образом, «питьевая система» озер выполняет не только функцию водоснабжения, но и играет заметную гигиеническую роль в общем балансе соловецкой природы.

«Питьевая система» сохранилась доныне и вполне исправно работает. Правда, многие из узких каналов «питьевой системы», соединяющие разные озера на острове, хотя и продолжают выполнять свою функцию, заросли, и обнаружить их бывает очень трудно...

Но помимо этой «питьевой системы», которая представляет собою подлинное чудо древнерусского гидротехнического строительства, на Соловецких островах существует еще одна — судоходная система озер. По ней-то мы и совершим наше путешествие.

Судоходная система сооружена в конце XIX — начале XX века. Строили ее главным образом крестьяне-годовики, бесплатно работавшие на монастырь в силу религиозного обета. Руководил строительством монах Иринарх — гидротехник-самоучка, обладавший, по-видимому, недюжинными инженерными способностями. Он жил на Соловках еще в 20-х годах, и в снятом здесь в 1927—1928 гг. документальном фильме можно видеть его дородную фигуру и заплывшее лицо, с которого на зрителя смотрят, как бы просверливая его насквозь, маленькие, жесткие глазки.

Общая протяженность судоходной системы около 12 километров, в том числе длина всех пяти каналов между озерами составляет 2 километра. На сооружение системы ушло 12 лет. Оно было предпринято в связи с необходимостью надежно связать монастырь с периферией острова такой транспортной магистралью, по которой возможно будет доставлять разные грузы: сено, камень, лес и другие строительные материалы.

В 1920-х годах в период существования СЛОН судоходная система была усовершенствована: укреплены камнем и сваями берега каналов, построены шлюзы, улучшены пристани. По системе в эти годы постоянно курсировали грузовые катера «Чайка» и «Озерный». К берегу озера Перт, откуда система начинается, была подведена линия узкоколейной железной дороги к монастырю.

Система, объединяющая семь озер, начинается озером Большой Перт (площадь около 54 гектаров). На берегу этого озера, там, где зеленый луг спускается к самой воде, находится лодочная пристань.

От монастыря к пристани мы идем по той же дороге, что ведет на хутор Горка и на северный берег острова. Первая развилка — наша. Поворачиваем направо и по широкой каменистой тропинке скоро выходим на берег живописного, изогнутого наподобие подковы тихого озера. От него в направлении Святого озера идет через лес один из каналов «питьевой системы» — узкий, глубокий, с краями, выложенными крупным булыжным камнем, с чистейшей холодной водой.

Некоторое время мы идем вдоль берега, потом он отклоняется влево, а мы выходим на песчаную насыпь, которая уходит в глубь леса. Это насыпь, сохранившаяся от бывшей узкоколейки: если идти по ней, можно также выйти к соловецкому поселку.

Несколько десятков метров по этой насыпи влево — и она исчезает среди зеленого луга, за которым видно озеро...

Форма озера Большой Перт весьма своеобразна. С северо-запада в него широким языком врезается поросший лесом полуостров, образуя два живописных залива: левый, отделенный лишь узким перешейком от соседнего Хуторского озера, и правый — тот, которым мы воспользуемся.

Берега озера на всем протяжении поросли густым лесом. Южный и западный берега возвышенные, а восточный — низменный и укреплен камнем. Когда пересекаешь на лодке озеро, когда удивительная тишина, царящая вокруг, нарушается только тихими всплесками весел, можно вообразить, как выглядит озеро осенью, когда подходящие к самой воде березы и осины окрашиваются в золотые и пунцовые цвета, а сзади них сплошной стеной стоят зеленые ели и сосны...

В северном конце озера находится выход в широкий и короткий канал, который выведет нас в следующее озеро системы — Круглое Орлово (площадь около 12 гектаров).

Название свое это небольшое озеро получило за необычную форму — оно действительно почти круглое, лишенное каких-либо выступов, заливов и, как все озера, объединенные судоходной системой, окружено лесом.

С озера лес этот кажется однообразным. Но если прервать наше путешествие, остановиться и выйти на берег, то глазам откроется необыкновенная картина. Сделав всего несколько шагов, мы попадаем в настоящую тайгу. Переход от водного простора к таежному лесу совершается мгновенно. Вода озера удивительно прозрачна: в солнечный день она насквозь — до желтого песка и мелких камешков — просвечивается солнечными лучами. И совсем рядом могучие ели, нижние лапы которых достигают земли, огромные валуны, стволы поваленных уже много лет назад деревьев, сплошной ягодник.

Но продолжим нашу поездку. Озеро Круглое Орлово надо пересечь почти поперек, лишь немного склоняясь влево. Канал выходит из него под острым углом, и вход настолько замаскирован зеленью, что заметить его издали трудно. Но вот и он, этот канал, значительно более узкий, чем первый, с краями, укрепленными диким камнем. Вода очень прозрачна, и дно кажется совсем под руками. В конце канала сохранились остатки бывшего шлюза, и сразу за ним небольшой заливчик — начало следующего, Щучьего озера. Эту тихую заводь очень любят местные рыбаки: в ней на утренней зорьке особенно хорошая ловля.

Здесь можно выйти на берег и совершить небольшую, но удивительную экскурсию. Стоит немного подняться от самой воды по поросшему густым лесом склону холма на его гребень — и прямо перед нами в просвете деревьев откроется еще одно озеро, Светлое Орлово. Оно не велико, но красоты необычайной. Тот, кто дал ему такое поэтическое название, не ошибся — озеро действительно поражает своей ясностью. Выше уже отмечалось, что Светлое Орлово — одно из самых высоких озер на Соловецких островах: оно расположено на высоте 33,5 метра над уровнем моря; уровень соседних с ним озер Щучьего и Круглого Орлова на 17 метров ниже.

Щучье — третье озеро системы. Его акватория кажется небольшой, но на самом деле озеро довольно велико (площадь около 55 гектаров) за счет длинных губ, уходящих в западном, северном и восточном направлениях. Путешествие по ним на лодке очень заманчиво, но можно заблудиться среди их извилистых берегов. Одна из губ соединена старым полузаросшим каналом с расположенными западнее Щучьего озерами Плотица и Карзино.

Лучше всего идти через Щучье озеро вдоль правого его берега, укрепленного камнями. С каждым взмахом весел окрестный пейзаж приобретает новые черты, становится все более и более великолепным. «Переезжая таким образом из одного прекрасного озера в другое, еще более прекрасное, я стал понимать, что выбор места древними колонизаторами края был сделан не на основании аскетического истязания плоти», — писал М. Пришвин.

Широкий пролив, в который мы незаметно входим, — одна из губ Щучьего озера. Он постепенно сужается, и в конце упирается в узкий канал, берег которого укреплен камнем и деревянными сваями. Нужно большое искусство для того, чтобы провести лодку через этот и следующие каналы на веслах, и чаще всего путешествующие продвигаются здесь таким же способом, каким гондольеры водят свои гондолы по венецианским каналам: стоя на носу лодки и прогребая вдоль борта вертикально поставленным веслом.

Канал выводит нас в следующее, четвертое озеро системы — Большой Валдай (площадь 24 гектара). Это сильно вытянутое, извилистое, узкое, изобилующее тихими заливчиками озеро; кажется, что оно состоит из нескольких раньше отдельных, а потом соединившихся небольших озер.

Для того, чтобы не заблудиться на этом озере, рекомендуется также держаться его правого берега. Путь этот приведет нас к перегораживающей озеро невысокой изгороди, за которой начинается следующее озеро системы, именуемое Долгим (оно же иногда называется Малый Валдай). Надо пересечь его почти поперек,

держа несколько вправо и оставляя в стороне маленькие, очень живописные заливчики со спускающимися к самой воде зелеными полянками.

Из этого озера начинается самый длинный, около полукилометра, двойной канал, в средней части которого крутой поворот с остатками бывшей пристани, сооруженной из могучих бревен вековых лиственниц. Когда этот канал остается позади, можно считать, что все трудности путешествия уже преодолены, ибо озеро Малое Красное (Котлованное), в которое мы вошли, очень невелико и быстро проходится вдоль левого берега. А за ним небольшой канал выведет нас в последнее озеро системы — Красное, самое большое из озер Соловецкого острова.

Раньше это озеро называлось Белым. Площадь его превышает 2,5 квадратных километра, глубина (в юго-западной части) достигает 24—25 метров. Берега изобилуют заливами, мысами; на озере около 15 островов и островков — совсем пустынных и ровных, а также холмистых и поросших густым лесом. Прозрачность воды удивительна (до 4,5 метра), и утверждение М. Пришвина, что он видел с лодки на большой глубине рыбу, совершенно правдиво.

Так как акватория Красного озера велика, оно очень быстро реагирует на изменение погоды и часто волнуется. Вдоль берегов озера и возле его островов множество торчащих из воды белых пней и лежащих бревен; некоторые из них, за многие годы обглоданные водой, приобрели необычайные формы, напоминая каких-то сказочных животных. И нередко можно видеть, как на срезе белого пня на случайно оказавшейся здесь горсточке земли растет пучок свежей травки, а то и маленькое деревце.

Непонятное, на первый взгляд, обилие на Красном озере побелевших бревен и пней — результат того, что раньше уровень воды в озере был ниже, и нынешние островки были или большими островами, или даже частями берега, далеко вдававшимися в озеро. Когда в северо-западной части озера была построена дамба, уровень воды поднялся, затопив низкие места и часть леса вдоль береговой полосы. Затопленные деревья были срезаны на уровне воды, а затем, при сооружении системы каналов, уровень воды вновь несколько понизился, при этом верхушки пней обнажились.

Вряд ли кто-нибудь, попав на Красное озеро, может остаться равнодушным к его скромной, несколько таинственной красоте. Вот что писал о нем В. И. Немирович-Данченко: «но верх красоты и совершенства — Белое озеро... Представьте себе зеленую котловину, на дно которой брошен серебряный щит. В нем отра-

зились все берега — и какие берега! В нем опрокинулись и маленькие, то лесистые, то покрытые травою грациозные островки. Эти переливы света и тени, эти нежные мягкие краски, эти изящные линии не имеют ничего себе подобного...» М. Пришвин также утверждал, что из всех соловецких озер это озеро показалось ему наиболее прекрасным.

...Однажды я прожил несколько дней на одном из островов Красного озера. Это был чудесный остров — довольно большой, поросший высоким лесом, пересеченный холмом, с гребня которого сквозь стволы могучих елей открывалась великолепная панорама озера. Весь остров зарос черникой и багульником, источавшим резкий, пряный запах. Это были незабываемые дни: жизнь анахорета, странный режим со сном короткими урывками, с неожиданными — посреди белой ночи — лодочными путешествиями по едва взволнованному легким ветерком озеру в ночную тишину, в немного сумрачные заливы, охраняемые выстроившимися в нескончаемую шеренгу белыми пнями...

По Красному озеру надо «побродить» на лодке, посетить несколько его заливов, высадиться на острова (посреди одного из них, совсем маленького, есть прозрачное озерко: озеро на островке, стоящем посреди озера, находящегося на острове!..). Можно по узкому перешейку перебраться в соседнее, тоже сравнительно большое и очень живописное Гремячье озеро.

Жаль, если у вас не будет времени, чтобы поближе познакомиться с Красным озером. Но уж пересечь его в северо-западном направлении вы должны непременно! Войдя в озеро из канала и пройдя метров 400, вы минуете почти сплошную изгородь из белых пней, в несколько рядов выступающих из-под воды, и увидите над противоположным берегом силуэт горы Секирной с церковью-маяком на ее вершине. Это и есть ориентир, на который надо держать курс. Вы пересечете озеро, пройдете мимо нескольких островков и увидите на дальнем берегу красивую пологую зеленую поляну — Исаковскую, а правее нее дамбу, укрепленную камнем; она ограждает берег Красного озера от соседнего, уровень которого значительно ниже.

Стоит подплыть на лодке к Исаковской поляне и высадиться на нее. Можно сделать привал, развести костер, искупаться, а если есть в запасе полтора-два часа, совершить пешеходную прогулку: от поляны по дороге налево недалеко до Исакова, а оттуда можно пройти на гору Секирную и в Савватиево, возвратившись к лодке с другой стороны — по дороге от Савватиева, через дамбу.

НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

Путь от Кремля в южную часть острова начинается по Заозерной улице. Выйдя за пределы поселка, дорога немного понижается, минует кладбище, спрятавшееся за соснами, слегка поворачивает вправо и выходит на берег Кислой губы. Вновь открывается живописный ансамбль Кремля, только в новом, необычном ракурсе.

Довольно долго дорога тянется вдоль берега Кислой губы, то подходя к самой воде, то немного удаляясь и срезая выступающие в море мыски. Кстати, на одном из этих мысков в районе Кислой губы были обнаружены три древних лабиринта, различных по форме: подковообразный, спиральный и круглый.

Если выйти во время прилива, а возвращаться при отливе (или наоборот), убеждаешься, как неузнаваемо меняют они весь пейзаж: губа становится в прилив полноводней, далеко уходящие от берега в море нагромождения камней скрываются под водой — и не только море, но весь берег приобретает совершенно иное «выражение»... Ноги утопают в мелком глубоком песке. Любопытно, что значительная часть этого песка нанесена за сотни лет ручьем, проделавшим здесь себе долину из Лопского озера в Кислую губу. А вот и само озеро — слева от дороги, за небольшим лесом, метрах в двухстах от нас.

Лопские озера — самые крупные в южной части острова. Их здесь целое семейство. Название, очень распространенное в Карелии, возможно, происходит от названия лопарей (саамов), одного из карельских народов. Самое большое из Лопских озер имеет площадь около 40 гектаров. Вблизи него-то и проходит дорога, повторяя изгиб его берега.

Подходим к развилке. Песчаная дорога направо выведет нас к морскому берегу и пойдет дальше вдоль него. А если, минуя развилку, пройти по дороге еще метров тридцать, мы подойдем к другой развилке и теперь свернем направо, на дорожку, также ведущую к морю. Пройдем по ней до низкорослой, искореженной пятиствольной березы, за которой сразу виднеется еле заметная каменистая тропинка, если ступить на нее и сделать несколько шагов, она выведет на морской берег, к самому «переговорному камню».

...16 июня 1855 года, во время Крымской войны, на следующий год после нападения на Соловецкий монастырь и бомбардировки его, английская военная эскадра вновь появилась у Большого Заяцкого острова; группа моряков с кораблей высадилась на остров и похитила дюжину пасущихся здесь баранов. Неприя-

тель нуждался в свежем провианте, и в монастырь было послано требование выдать скот. Настоятель отказал, но, опасаясь новой бомбардировки, предложил командующему английской эскадрой встретиться на берегу для переговоров. Эта встреча состоялась 22 июня на том самом месте, где теперь лежит «переговорный камень».

Английские корабли отошли, однако 12 августа возвратились к островам, и англичане снова требовали провианта, но опять получили отказ. Еще дважды подходили они к Заяцким островам и высаживались на них...

В память об этих событиях на заваленном камнями морском берегу, у самой границы зоны прилива и был в 1856 году положен «переговорный камень» — огромный блок серовато-розового гранита длиною более двух метров.

На кромке камня, со стороны, обращенной к лесу, крупно слова «ЗРИ СИЕ» (смотри, обрати внимание); остальная часть поверхности камня занята высеченной пространной надписью, заключенной в простую рамку. Вот текст этой надписи (в современной орфографии):

«Во время войны Турции, Франции, Англии, Сардинии с Россией здесь был переговор настоятеля архим[андрита] А[лександра] с английским офицером Антоном Н. 22 июня 1855, в среду, в 11 час[ов] до полудня по записке начальника неприятельской военной эскадры в Белом море, требовавшего от монастыря быков (записка представлена свят. синоду). После переговоров, благополучных для обители, настоятель, возвратясь в мон[астырь] в 1 час дня, служил в тот день в Успенском соборе литургию и молебны; служба кончилась в 4 час. В эту неделю 3 дня пост строгий был в обители и скитах, и господь в это лето не допустил воюющим нарушить иноков покой, как без милосердия они поступили в 1854. А. А.».

«А. А.» — это архимандрит Александр — настоятель Соловецкого монастыря в 1853—1857 гг., который отличался неумеренной склонностью увековечивать в пространных текстах, высеченных на граните, самые разнообразные события монастырской истории и даже легенды. Десятки таких каменных стел разбросаны по острову: в Кремле, на хуторе Горка, в Савватиево и даже... на морском берегу.

От «переговорного камня» открывается вид на обширную морскую губу; вся береговая линия завалена камнями, а по краю ее идет несколько возвышенная полоса, поросшая низкорослыми березками. Во время прилива пейзаж заметно меняется. Так назы-

ваемые заплески — песчаные отмели — заливаются водой. Почти вся широкая береговая полоса тоже скрывается под водой, подступающей к самой кромке прибрежного леса.

Побывав у «переговорного камня», надо возвращаться к первой развилке, которую мы миновали, и идти от нее налево. Сначала дорога тянется среди ничем не примечательного мелколесья.

Выше уже отмечалось, что Соловецкий остров производит впечатление перевернутого: в северной его части — богатая и разнообразная растительность, напоминающая то тайгу, то среднюю полосу России; а те пейзажи, которые мы привыкли считать характерными для севера, встречаются главным образом в южной части острова...

Совершенно прямая дорога идет по холмам; слева — крутой обрывистый склон. Постепенно лиственный лес сменяется хвойным. Вот оригинальная ель стоит у дороги: ствол почти голый, лишь на самой вершине густая-густая шапка хвои, похожая на большое гнездо... Все больше появляется сосен. И наконец мы оказываемся в великолепной светлой сосновой роще. Грунт песчаный, слева за рощей — низина, а сама роща обширна и чрезвычайно живописна, хотя деревья и невысоки. Посреди рощи дорога разветвляется, и обе ее песчаные нити выводят к южному берегу, но удобнее идти по левой. Сосновая роща сменяется невысоким лиственным лесом, и вот уже чувствуется близость моря: своеобразный запах, обилие причудливо искривленных, «танцующих» березок, сплошные гряды крупных валунов, тянущиеся в направлении берега такими ровными рядами, что невольно думаешь — это сделано человеческими руками.

В конце этой гряды простирается вытянувшийся почти на сотню метров травяной мыс. Если подойти к оконечности этого мыса, то и слева, и впереди, и справа — только море. Это и есть южная оконечность Соловецкого острова — мыс Печак, врезавшийся в море моренный утес. На горизонте виднеются синие очертания далеких островов, совсем близко справа — Заяцкие острова, а если повернуться и взглянуть на север, то увидишь, как от той точечки земли, на которой ты стоишь, в обе стороны расходится, расширяется Соловецкий остров. В линии березового леса на берегу виден широкий просвет и сквозь него — высокий кряжистый склон, поросший кустарником и усеянный камнями. Это гора Печак (высота 43 метра), которая издали, с моря, кажется отдельным островом.

Возвращаться интереснее не по дороге, а вдоль сильно изрезанного берега, усеянного (а местами заваленного) камнями, по-

крытыми рыжеватым налетом. Кое-где они разбросаны, а в иных местах нагромождены большими лудами, тянущимися довольно далеко в море.

На берегу вдоль всего уреза воды — сплошная многокилометровая линия водорослей — «штормовые выбросы»; они и среди прибрежной травы, и на песке, и среди нагромождений обглоданных морем камней. По сведениям, которые сообщает известный специалист по беломорским водорослям К. П. Гемп, только на берегах Соловецких островов ежегодно погибает не менее 25 тысяч тонн водорослей, сорванных штормами и выброшенных на берег. То тут, то там на берегу валяются бревна. Их тоже принесло море, и кто скажет, сколько времени — год, а может быть, десять, а может, и сто лет — прошло с тех пор, как были выброшены на берег эти гладко отполированные, побелевшие от морской соли могучие стволы.

Вот большая прибрежная поляна, которая в прилив наполовину заливается водой; немного дальше избушка. Свернув от нее направо в лес, мы скоро выйдем на тропинку, которая среди искривленных берез и низкорослого, но очень густого и пышного можжевельника приведет нас в уже знакомую сосновую рощу и на ту дорогу, по которой мы шли к мысу Печак.

ЗАЯЦКИЕ ОСТРОВА

Они очень хорошо видны с мыса Печак — отсюда до них на северо-запад всего 2,5 километра. Вытянутая полоса суши с небольшими подъемами, производящая впечатление совсем пустынной. Их вообще отлично видно с любой точки юго-западного побережья острова, против которого они находятся.

Добираются до Заяцких островов обычно из залива Благополучия, от стен Кремля. Катер выходит из гавани и, беря курс на юг, огибает вытянутую цепь небольших возвышенных островков (их всего пять, наибольший из них — Парусный). Каких-нибудь полчаса — и мы уже у прикрытой от натиска моря кладкой из крупных валунов Заяцкой пристани.

«Зайцы», «Зайчики», как их называют на Соловках, — пятый и шестой острова Соловецкого архипелага. Оба острова расположены рядом, отделены один от другого лишь узким проливом. Принятые названия их: Большой и Малый, наверное, не совсем верны. Площадь Большого Заяцкого острова 1,35 квадратных километра, а площадь Малого Заяцкого — 1,08. Какие уж тут «Большой» и «Малый» — скорее «Больший» и «Меньший»...

Летняя ночь.

У «Переговорного камня».

Деревянная церковь на Заяцком острове.

Заяцкий остров.

Древний лабиринт на Заяцком острове.

Жаркий июльский день.

Дамба.

Водоросли у дамбы.

После пышности соловецкой растительности, богатства и разнообразия пейзажей, после могучих лесов и красавцев озер мы, попав на Заяцкие острова, оказываемся возвращенными к приполярной действительности. Вокруг открываются пейзажи, близкие по типу к тундровым: дикий камень, тощий кустарник, слабый лес. Почва Заяцких островов сплошь каменистая. Здесь нет озер, болот, пашен. Предполагают, что когда-то на острове были два-три озера, но потом их затянуло торфяным покровом и ныне от них сохранились лишь едва заметные овальные углубления.

Элементом, наиболее характерным для ландшафта «Зайчиков», является камень. Бессчетное количество валунов самой разнообразной формы и размеров разбросано по островам от самого уреза воды. Они лежат на прибрежном песке, на моховой подстилке, среди кустарника, на склонах холмов. Объем некоторых камней достигает 8 куб. м.

Береговая полоса островов сильно изрезана: при сравнительно незначительных размерах Большого острова протяженность его береговой линии достигает 15 километров, а площадь открытого побережья — 40 гектаров — составляет 30% всей площади острова.

Прибрежная полоса почти лишена растительности (если не считать мелкого кустарника); берег спускается к воде местами полого, а местами параллельными террасами. В северо-восточной и восточной частях острова на берегу есть участки с хорошей травой — здесь издавна были небольшие монастырские сенокосы и пастбища.

Середина острова покрыта лесом: занятая им площадь на Большом острове составляет 87 гектаров, а на Малом — 60 гектаров. Но этот лес ничем не напоминает соловецкого: мелкое чернолесье — уже не кустарник, но еще не деревья; хвойных почти нет, те, что изредка встречаются, мелкие, чахлые.

В центральной части Большого Заяцкого острова располагается гора Сопка — остатки мощной ледниковой морены. Это холм, почти лишенный растительного покрова и увенчанный на вершине грудами голых камней.

Приблизительно в одном километре южнее Сопки, за седловиной, вблизи берега находится вторая вершина «Зайчиков» — Сигнальная гора, также почти лишенная растительности и густо усеянная валунами. По гребню Сигнальной горы идет хорошо заметная моренная гряда.

На пологих склонах этого холма заметны несколько выложенных из камней фигур; а у подножья с юго-западной и северо-восточной стороны расположились знаменитые лабиринты. Их четы-

ре; все подковообразные, все выложены в один ряд из небольших, по 15—20 сантиметров в диаметре, окатанных камней; все имеют вход со стороны, противоположной морю.

Окружность большого лабиринта составляет 120 шагов, среднего — 85 шагов, меньшего — 60 шагов. Четвертый лабиринт совсем мал, его окружность не превышает 30 шагов. О том, насколько сложен петляющий план лабиринтов, можно судить по сопоставлению окружности одного из иих (60 шагов) с длииой хода (270 шагов).

В 1927 году, кроме этих четырех лабиринтов, вблизи берега у входа в гавань (к западу и юго-западу от Сигнальной горы) были обнаружены следы еще шести лабиринтов.

Лабиринты — одна из интереснейших достопримечательностей не только Большого Заяцкого острова и Соловецкого архипелага, но и всего Беломорья. Они свидетельствуют о том, что острова эти еще в глубокой древности были известны обитателям этого края.

Впоследствии через Заяцкие острова пролегал путь поморов, переправляющихся с одного берега Онежской губы на другой. В середине XVI века при игумене Филиппе, соловецкие монахи, оценив прекрасные качества Заяцкой гавани, где нет подводных камней, соорудили здесь камениую пристань — единственную в России до XVII века — и построили на берегу деревянную часовню и кельи со службами. В 1668—1669 гг. во время «соловецкого мятежа» здесь, на Заяцком острове, устроил свою штаб-квартиру прибывший из Сумострова для «укрощения» восставших монахов воевода Игнатий Волохов.

Яркими страницами истории Соловков является второе посещение архипелага Петром I летом 1702 года.

После начала в 1700 году Северной войны и поражения русской армии под Нарвой Петр, предприняв чрезвычайно энергичные и экстренные меры к возрождению регулярных полков, особое виимание обратил на оборону северного побережья страны. Ведь Архангельск был в это время не только единственными морскими воротами России, но и единственной базой строительства русских военных кораблей.

Опасения царя были обоснованными: в 1701 году шведская военная эскадра вошла в устье Северной Двины, нацеливаясь на Архангельск. Тогда-то и были срочно укреплены основные опорные пункты на поморском побережье: Кола, Сумский острог и Кемь (Кемский городок). Капитан Алексей Капранов с 300 двинскими стрельцами был направлен на Соловки, чтобы обеспечить надежную обороиу острова и монастырских владений на поморском

берегу от «возможных неприятельских покушений». Тогда же в устье Северной Двины началось сооружение Новодвинской крепости, которая должна была стать надежным форпостом на подступах к Архангельску. В этом строительстве участвовали сотни крестьян-поморов, принадлежавших Соловецкому монастырю.

После неудачного нападения на Новодвинскую крепость шведские корабли крейсировали в Белом море и сожгли Куйский соляной промысел и 17 крестьянских дворов при нем. Но, «будучи устрашены нечаянным (неожиданным. — **Г. Б.**) нападением крестьян», неприятели ушли из этого района.

В следующем, 1702 году район Поморья становится предметом главных военных забот Петра. Стремясь к выходу на операционную линию реки Невы от Ладожского озера до Финского залива и видя в этом районе ключ к решению основных стратегических задач, он понимал, что цель эта может быть достигнута лишь в результате совместных действий сухопутных и морских сил. Но на берегах Ладожского озера и Невы безраздельно господствовали шведы. И у Петра рождается невиданный по оригинальной смелости план: прорваться к истокам реки Невы с тыла — оттуда, откуда неприятель никак не мог ожидать нападения.

В глубочайшей тайне разрабатывалась и готовилась эта замечательная операция. Суть ее сводилась к тому, чтобы, выведя русские корабли из Архангельска в Белое море, скрытно направить их в юго-западный угол беломорского бассейна и отсюда по кратчайшей сухопутной трассе протащить волоком эти корабли, поставить их на воду Онежского озера, пересечь его и через р. Свирь выйти в Ладожское озеро, чтобы потом ударить по неприятельской крепости Нотебург (ныне Петрокрепость), прочно запиравшей вход в Неву.

Один из верных сподвижников царя сержант Михаил Щепотев был послан для разведки пути и строительства дороги от беломорского берега до Онежского озера. Он с честью выполнил эту задачу, и в короткий срок силами окрестных крестьян, среди которых большинство принадлежало Соловецкому монастырю, через густые леса, по топким болотам и горам была проложена прямая и широкая дорога, начинавшаяся у поморского селения Нюхча и кончавшаяся у Повенца на Онежском берегу.

Поздней весной 1702 года Петр с большой свитой и пятью гвардейскими батальонами прибыл в Архангельск, где спешно началось строительство нескольких военных кораблей. Уже в начале августа все было подготовлено к осуществлению тайной операции, и 5 августа русская эскадра в составе 13 кораблей (в том

числе 6 нанятых в Архангельске голландских и английских) торжественно вышла из Архангельска в Белое море. Курс лежал на Соловки. Нарочитая торжественность этого похода и «богомольное» его назначение должны были усыпить бдительность противника.

Эскадра благополучно достигла Соловецкого архипелага, но встречный ветер помешал приблизиться к Заливу Благополучия, и корабли бросили якорь в проливе между островами Анзером и Муксалмой. Петр со свитой посетил Анзерский остров.

10 августа при переменившемся ветре эскадра перешла к Заяцким островам и стала на якорь на здешнем рейде.

Петр и его спутники не раз съезжали с кораблей на берег Заяцкого острова и осматривали его. Тогда-то и был отдан приказ о срочной постройке на берегу здешней гавани деревянной церкви в честь Андрея Первозванного, считавшегося покровителем русского флота.

Бывая на Заяцком острове, Петр, безусловно, осматривал и древние лабиринты. Позднее в ряде сочинений появилась версия, что груды диких камней на склонах горы («вавилоны») сложены в это время по указанию царя и лабиринты также построены по распоряжению Петра, будто бы «для развлечения солдат и проверки их сообразительности». Но версия эта не имеет под собой никакой реальной почвы.

Вечером 15 августа подул ожидавшийся уже несколько дней попутный ветер, эскадра начала готовиться к выходу. А ранним утром 16 августа были подняты якоря, поставлены паруса, и русские корабли покинули рейд у Заяцких островов и направились на юго-запад к Нюхче, начальному пункту «государевой дороги».

Попутный ветер нес корабли в юго-западном направлении. К вечеру того же дня прибыли к поморскому берегу вблизи села Нюхча. Солдаты сошли с кораблей, а два фрегата («Святой дух» и «Курьер»), лишь этим летом построенные на Архангельской верфи, были вытащены на берег; рангоут, парусное сооружение и пушки с них были сняты. Другие корабли с большей частью лиц царской свиты направились отсюда обратно в Архангельск.

Так, вечером 16 августа 1702 года у Вардегорской пристани вблизи Нюхчи начался беспримерный в военной истории поход по «Государевой дороге» — от Белого моря к Онежскому озеру. По просеке, через леса и болота, фрегаты были за 10 дней протащены волоком до Повенца; петровская гвардия сопровождала их.

К вечеру 26 августа оба корабля были спущены на воду Онежского озера. «Государева дорога» осталась позади. А впереди был

поход по Онежскому озеру и Свири в Ладогу. Осада и героический штурм неприятельской крепости Нотебурга 11 октября 1702 года, овладение всей линией реки Невы, захват неприятельской крепости Ниеншанца, запиравшей выход в Финский залив (30 апреля 1703 г.), и закладка в мае 1703 года «на первом отвоеванном куске балтийского побережья» крепости и города Петербурга — таковы грандиозные исторические последствия событий лета 1702 года, событий, среди которых пребывание русских кораблей у соловецких берегов, на Заяцком рейде, занимает важное место.

Памятником этих дней является сохранившаяся доныне на берегу Заяцкой гавани деревянная одноглавая Андреевская церковь, построенная тогда же, в августе 1702 года; на этом месте раньше находилась небольшая деревянная часовня, замененная в сентябре 1601 года новой, более обширной.

Андреевская церковь представляет собой довольно редкий «смешанный тип»: в ее архитектуре соединены черты, свойственные старинным шатровым церквам и церквам с кровлей в два или четыре ската. Она срублена «в угол» из бревен диаметром в 20—25 сантиметров, соединенных вплотную, без конопатки. Основной четверик, почти квадратный в плане, снабжен маленькими оконцами (раньше слюдяными) и перекрыт четырехскатной тесовой кровлей, а над ним в центре — небольшой «восьмерик» с главкой на высокой шейке; главка имеет лемеховое покрытие. Высота церкви от земли до карниза — 5,25 метра, почти столько же, сколько от карниза до верха главы. С восточной стороны к основному кубу прирублен алтарь, а с запада — маленькая паперть с крыльцом под двухскатной кровлей.

Интерьер церкви прост, как и ее наружный вид. Алтарь отделялся от основного помещения трехъярусным иконостасом с резными «царскими вратами»; на тябле иконостаса была вырезана надпись, сообщавшая историю сооружения этой церкви. Постройка была завершена 30 августа 1702 года, через две недели после отбытия Петра с Соловков.

Сейчас этот интереснейший историко-архитектурный памятник, лишенный соответствующего ухода, к сожалению, гибнет. Нужно принять срочные меры к его спасению и последующей охране.

В XVIII и XIX вв. рядом с церковью у пристани вырос небольшой монастырский поселок: несколько деревянных домов (в том числе один двухэтажный), сараев и амбаров. Каменная пристань была укреплена.

В период Крымской войны Заяцкие острова стали ареной основных событий, связанных с действиями крейсировавшей в Белом

море английской эскадры против Соловецкого монастыря. В июле 1854 года после 13-часовой бомбардировки монастыря «Брнск» и «Миранда» подошли к Заяцкому острову н высадили на берег отряд матросов, которые подвергли разграбленню поселок и Андреевскую церковь. В июне, августе н сентябре следующего 1855 года англнйская эскадра пять раз подходнла к Заяцким островам, бросая якорь вблизн них и высаживая на острова отряды...

Небольшне Заяцкие острова резко отлнчаются своей прнродой, всем своим обликом от Соловецкого острова. Но онн объедннены с ним блнзостью географнческого расположення и общностью исторической судьбы.

ТАМ, ЗА ДАМБОЙ,—МУКСАЛМА

Святое озеро, подступающее к самым стенам Кремля, удивительно меняет свой облик в зависимости от освещення, от прозрачности воздуха. Совсем недавно оно было голубовато-розоватым, и тут же стало сумрачным, накрылось белесым покрывалом тумана.

Раннее утро... Сквозь туман совсем сказочным, нереальным кажется Кремль, стоящий на противоположном берегу. Первые солнечные лучи подкрашнвают золотом песчаную полосу вдоль берега озера, ту дорогу, по которой нам предстонт сегодня ндтн — на восток, навстречу солнцу.

На самом «углу» озера — там, где берег заворачивает вправо, начинается лес, вплотную подступающнй к воде. Он только на одном участке берега Святого озера, остальные открытые, свободны от растнтельности.

Мнновав развилку н свернув на ту дорогу, что идет левее, мы вступаем на шнрокую песчаную колею, проложенную от Кремля в восточную часть острова еще несколько столетнй назад: когда на острове Муксалма появился монастырскнй скотный двор, дорога эта стала одной нз основных соловецких хозяйственных коммуннкацнй.

По сторонам дорогн сразу за дренажнымн канавамн начннается лес, и лесные пейзажн, меняющиеся на глазах, один другого краснвее. Здесь лес в основном березовый, очень свежнй н молодой, значительно моложе дорогн, которую он окаймляет.

Мы минуем вторую (н последнюю) развнлку на этой дороге. И здесь надо держать левее, туда, где над мелколесьем высятся огромные елн, где вдоль обочнны сплошь стоят заросли иван-

чая, где виднеется великолепный луг, усыпанный белыми и красными точками цветов клевера. Даже тот, кто уже немало исходил соловецких дорог и повидал здешних лесов, — и он не сможет остаться равнодушным перед свежей красотой этого леса, не сможет не оценить его легкости, прозрачности, пронизанности светом. «Яркие северные листья деревьев сгорают на солнце изумрудным пламенем», — писал М. Пришвин.

В двух километрах от Кремля, слева от дороги, за розоватого цвета домиком, занятым насосной станцией, начинается территория бывшего биосада. Раньше здесь, возле небольшого круглого зеркально-спокойного озера находилась так называемая Филипповская пустынь. Эта местность по праву считается одним из красивейших уголков Соловецкого острова.

Для сохранения природы островов весной 1924 года при СЛОН был создан кружок охраны природы. Начался сбор пернатых, был устроен садок для пойманных гаг. Летом того же года был основан Соловецкий биосад. Его первыми питомцами были три оленя и несколько птиц. Одновременно было построено и зимнее помещение для животных.

13 марта 1925 года был издан приказ об организации соловецкого биосада; его торжественное открытие состоялось 19 июля.

«В основу работ биосада, — писал журнал «Соловецкие острова», — была положена та точка зрения, что сугубое внимание необходимо обратить на промышленное птицеводство (главным образом, гага) и звероводство (олени, лисы, соболя, куницы)». Речь шла, таким образом, не только об охране соловецкой природы, но и о значительном обогащении местной фауны, об активном, опирающемся на данные науки воздействии на природу.

Хозяйственный хаос, хищническая эксплуатация богатств природы и браконьерство были пресечены. Началась разносторонняя планомерная работа. Энтузиазм ее участников, среди которых было много специалистов-биологов, подкреплялся уверенностью в большой народнохозяйственной ценности и научном значении начинаний биосада.

С июня 1925 года проводились опыты по одомашниванию гаги и разведению ее в неволе, было выведено 157 птенцов. Интересные работы велись по разведению оленей. Особенно большие замыслы были связаны с организацией на Соловках пушного питомника: в сентябре 1925 года в биосаде появилась первая пара серебристо-черных лисиц; шла подготовка к разведению соболей, голубых и белых песцов. Тогда же было решено — впервые в СССР — поставить на Соловках опыт акклиматизации и разведения ондатры,

создав на одиом из озер естественный питомник этого ценного пушиого зверька. Крупнейший специалист В. Я. Генерозов, еще до революции изучавший организацию ондатрового хозяйства в США и Канаде, считал, что Соловки представляют комплекс наиболее благоприятных условий для широкой постановки этого опыта.

Отметнм, что разведение ондатры иа Соловках началось уже в следующем, 1926 году в районе озер Малая Ломинога, Соснового и Кухонного; опыт оказался успешным — зверек отлично акклиматизировался. К осенн 1928 года в озерах жило «на вольном поселении» уже больше сотни экземпляров. До сих пор в нескольких соловецких озерах можно встретить ондатр.

Широкий размах приобрели работы соловецкого биосада в 1926 году. При СЛОН уже существовало большое Общество краеведения с комиссией по изучению природы островов и кружком любителей природы и краеведения.

Еще в конце 1925 года состоялось решение об организации на Соловецком острове обширного заповедника (общая площадь около 70 квадратных километров), в территорию которого входили биосад, несколько озер по дороге на Муксалму, вся акватория Глубокой губы с островами на ней и береговой полосой. Тогда же была начата постройка здания биосада.

Весной 1926 года все было подготовлено к переносу звероводческой работы на один из островов Глубокой губы: там создавался лисий и соболиный питомник.

Широко развернулась работа по изучению производительных возможностей Соловецких островов, их хозяйствениых ресурсов. Проводились испытания почв, комплексные обследоваиия болот, изучение озер как возможной базы для органнзации рыбного хозяйства. Изучались цветы, работала болотная станция и карантиино-картофельная станция. Серьезиое внимание уделялось обследованию лесных богатств острова — за один год было произведено 26 тысяч обмеров различных деревьев. В том же 1926 году при биосаде был создан и обшириый дендрологический питомник, в котором с целью акклиматизации было посажеио более 200 экземпляров различиых деревьев южных пород. Здесь же развернулся питомник лекарствениых трав. Проводились интересиые обследования для определения цениости Соловков как охотничьего угодья. Непрерывио велись феиологические наблюдения, было предпринято монографическое исследование Глубокой губы.

Размах работ стал настолько солидным, что 6 ноября 1926 года соловецкий биосад был преобразован в биостанцию при Обще-

стве краеведения. Она разместилась на том же месте, над озером Биосадским, в двух домах, из которых один был перестроен из бывшей церкви.

И в последующие годы биостанция проводила большую и разностороннюю работу. Она разрослась, хорошо оснастилась: здесь были лаборатория, препаровочная мастерская, научная библиотека, насчитывавшая более двух тысяч книг.

Обширные коллекции, собранные на Соловках, были представлены в богатом естественно-научном отделе Соловецкого музея. Сотрудники биостанции написали и опубликовали немало интересных исследований по разным вопросам. Более чем с 50 научными учреждениями центра соловецкая биостанция поддерживала систематическую связь: среди них Зоологический музей Академии наук в Ленинграде, ленинградская Лесотехническая академия, Московский зоопарк и др. И сейчас в ряде естественно-научных музеев нашей страны хранятся обширные коллекции, собранные в 1920-е годы соловецкой биостанцией.

Вот какая интересная история у тихого уголка соловецкой земли, что приютился за поросшим кувшинками Биосадским озером. Очень приятно отдохнуть на берегу этого озера, обогнуть его по узкой тропинке, почти скрытой зарослями вереска, брусники и черники. От дороги ответвляется красивая березовая аллея. В конце ее, за бывшим зданием биосада, — поросший травой холм, возле которого разрослась небольшая кедровая роща. За холмом на обширной площадке, закрытой от ветров, виднеются посадки молодых березок и сосен. Тут же ряды великолепных елей и замечательных экземпляров сосен. Это участок бывшего дендрологического питомника.

После небольшой экскурсии на место бывшего биосада мы вновь выходим на дорогу, окруженную хвойным и березовым лесом, только теперь лес, до этого молодой и очень светлый, постепенно сгущается, становясь главным образом лиственным. Слева сквозь деревья просвечивает озеро с заболоченным берегом (оно называется Большая Ломнинога), а справа — покрытый сплошным цветочным ковром луг.

Совершенно неожиданно возникает справа большое и красивое озеро, находящееся значительно ниже уровня дороги, — Большое Торфяное (прежнее название Большое Исаинское). А дорога тянется дальше, абсолютно прямая, плотно укатанная, то немного поднимающаяся вверх, то отлого спускающаяся вниз.

Справа открылся удивительно красивый мысок, поросший деревьями, он вдается в озеро с востока. Сверните с дороги и прой-

дите к нему. Может быть, именно об этом озере писал почти сто лет назад В. И. Немирович-Данченко: «Я бывал в Финляндии, Южной Германии, в Альпах, но не видел таких чудных озер при крайне незначительной длине и ширине их. Особенно врезалось в мою память одно: длинное и узкое, извиваясь, легло оно в изумрудных берегах. Небольшой лесок словно опрокинулся в его глубину. На нем только один островок, но какой! Его и не видно; глаз замечает только три высоких сосны, как будто выросшие из самой середины этих серебристо-голубых вод. Но живописные линии берега, кучи валунов, поросших уже травою, отражение жемчужных тучек, спокойное, словно все из расплавленного металла, зеркало вод — нужно видеть самому...»

Вот этот малютка-остров посреди озера. Да и само озеро изменило свой облик: та его часть, которая сейчас перед нами, кажется не частью того же озера, а совсем отдельным.

Дорога идет с небольшим подъемом, среди типично среднерусского молодого леса — ельник и березняк (встречаются и большие березы), а под ним разостлан травяной и ягодный ковер. Район, расположенный справа от нас, — один из наиболее богатых торфом участков Соловецкого острова, но там, где мы сейчас идем, болот почти нет. Здесь на протяжении нескольких столетий велись обширные работы по дренированию почвы и обеспечивался сток избыточных вод в ближайшие озера, при этом, как и в других районах Соловецкого острова, очень умело и тонко использовались перепады уровней различных озер.

Озеро слева от дороги — Большое Каменное. У него два горла, за которыми виднеются обширные заливы; часть его берега укреплена крупным валуном. Дорога пролегает между Большим Каменным и находящимся справа Малым Каменным озером. Они соединены между собой каналом. По мере того, как мы приближаемся к берегу Большого Каменного, вид на озеро становится все великолепнее. Особенно красива буйная игра цветов: светло-зеленые ели, белые березы, темно-зеленый мох и свежая трава прибрежных лужков...

Но вот и эти озера остались позади. Дорога вступает в район с довольно сложным рельефом. Местность то полого понижается, то, наоборот, повышается, и кажется, что мы уже не по дороге идем, а движемся по реке, а местность вокруг нас — ее берега. Вот впереди открылся большой и светлый перелесок на сплошной ягодной подстилке. На Соловках такой пейзаж почти всегда предвещает скорое изменение характера леса — и в самом деле, он все плотнее обступает дорогу, становится все гуще и темнеет. Высокие буг-

ры, покрытые почти таежной растительностью, сменяются подболоченными низинками или небольшими лужками, поросшими болотной травой, среди которой невысоко поднимаются мелкие, слабосильные темные ели.

Почти рядом с одним из таких лужков, слева, — высокий холм, песчаные скаты которого усеяны валунами. Если подняться на вершину холма, увидишь за ним так называемое Светлое озеро. А справа, почти напротив, у самой дороги, вплотную к ней подступая, открывается большое озеро Песочное. Дорога некоторое время идет вдоль его берега, расставаясь с ним там, где стоит старый пятиверстный столб. Вблизи этого места, слева, в некотором отдалении от дороги находится еще одно озеро — Беседное. Больше до самого морского берега озер на этой дороге мы не встретим.

А дорога снова меняет свой характер: теперь это уже песчаная аллея среди густого молодого березняка. Слева открывается обширная поляна, на ней редкие ели, невысокие сосны, тонenькие березки, сплошные заросли мха и вереска. Постепенно поляна становится шире, и чем гуще мох, чем плотнее заросли вереска, тем более хилыми, анемичными кажутся мелкие деревца с их жидкими кронами. Странные деревца! Они кажутся умирающими, но их жизненная цепкость поразительна. Они не вымахивают на несколько десятков метров в высоту, их кроны не дают почти никакой тени, но долговечности их может позавидовать иной лесной великан-красавец: редкому из этих деревьев меньше двухсот лет.

На одном из участков дороги за этой поляной маленькое светлое озеро с гладким и низким берегом мелькнет и тут же скроется, и вновь идет дорога среди перелесков, небольших луговин, минует вересковые поляны с растущими на них редкими елями и соснами. Вот справа открывается обширный луг, посреди которого растут совсем мелкие, меньше метра высотой, березки, а вокруг — сплошная стена лиственных деревьев.

Как-то вдруг появляется множество валунов разных форм и размеров; в одиночку и группами разбросаны они, сплошной линией легли по краям дороги. Нередко в погожий день на некоторых камнях можно увидеть пригревшихся на солнышке небольших ящериц.

Такое обилие камней — признак близости моря. Вот уже и запах его ощущается. Дорога делает еще один поворот, и неожиданно открывается морской берег — пролив, пересеченный знаменитой муксалмской дамбой.

На горизонте слева темнеет полоска Анзерского берега. Если пройти немного по дамбе, то будет виден узкий вход в Глубокую губу. Когда вы выходите на берег и бросаете первый взгляд на дамбу, она производит странное впечатление. Можно подумать, что это — развалины какой-то циклопической постройки, или просто беспорядочное, извивающееся загзагом нагромождение камней, или своеобразный склад строительных материалов, предназначенных для какого-то использования. И только когда мы вступаем на дамбу и проходим по ней первый десяток метров, начинает складываться более ясное представление об этом удивительном сооружении — одной из соловецких достопримечательностей.

«Между острова Соловецкого и Муксалмы пролив усыпан большими каменьями, и быстрота прилива и отлива здесь весьма стремительна, почему и называют его Железными воротами...», — так гласит запись в одной из рукописей о Соловецких островах, датированной 1790 годом.

Ширина пролива — около километра, глубины его очень разнообразны, но средняя глубина (в малую воду) составляет 2,7 метра. Есть участки совсем мелкие — обширные песчаные луды, нагромождения камней.

Здесь-то, причудливо извиваясь по наиболее мелким, каменистым участкам пролива, и проложена дамба, «сооружение грубое, но колоссальное, вечное», кажущееся скорее творением природы, чем делом человеческих рук. И все же она сооружена руками людей — именно руками, без применения каких-либо надежных механизмов. Подлинное чудо труда!

Целью сооружения дамбы было обеспечение постоянной, не зависящей от погоды и прочих обстоятельств коммуникации между островом Муксалмой, где издавна находилось монастырское стадо, и Большим Соловецким островом. Начало этой работы относится к 1827 году, современный же вид дамба получила в 1865 году, когда была предпринята ее достройка.

Ее кладка, имеющая в основании 7—8 метров ширины(средняя ширина проезжей части составляет 5—6 метров), состоит из огромных валунных блоков, засыпанных песком. Море в изобилии доставило строительный материал к месту работ. Соединяя между собой крупные нагромождения камней, нанесенные морем на мелкие участки пролива, трасса дамбы имеет пять изгибов, среди которых есть весьма крутые. Но извилистость, «змеевидность» трассы связана не только с этим: ее углы служат узлами прочности всего сооружения, выполняют роль ледорезов и волнорезов. «Бури,

ледяные громады, время — бессильны перед этой каменной стеною», самая мощная ледяная масса непременно разобьется об нее. Кроме того, центральная часть дамбы ограждена с обеих сторон (и с севера, и с юга) далеко выступающими в море мощными нагромождениями камней.

Один из участков дамбы представляет собой мост: сквозь кладку проделаны трое ворот, через которые и происходит обмен вод обеих частей морского пролива, разделенных стеною дамбы. Силу приливно-отливных течений можно видеть, стоя у этих ворот и наблюдая, как струится, кружится в них вода (море в районе ворот не замерзает). Подводная часть камней, из которых сложена дамба, усеяна пышными листьями ламинарии, розовыми телами морских звезд...

Выйдя с дамбы на усеянный беспорядочным нагромождением камней берег Муксалмы, мы попадаем на дорогу, тянущуюся через мелколесье к поселку, расположенному приблизительно в километре от дамбы.

Остров Муксалма имеет в длину (по линии запад — восток) 6,2 километра, а в ширину 3,7 километра. Поверхность острова довольно неровная, но значительных впадин нет (на Муксалме нет озер), как нет и значительных высот; лишь в юго-восточной части острова, большая часть которой заболочена, есть два холма, из которых более высокий носит название горы Фаворской.

Почва острова песчано-каменистая, густых лесов, подобных тем, что покрывают Большой Соловецкий остров и Анзер, здесь нет — большая часть острова заросла мелколесьем, весьма однообразным на вид. Обширные пастбища с прекрасной травой с давних времен определили хозяйственную специализацию острова Муксалма.

Уже полтора столетия назад здесь, на Муксалме, в районе Сергиевского скита существовал монастырский скотный двор, где были 120 коров и телят и 120 лошадей. Скот содержался в обширном двухэтажном хлеву (длиной более 70 метров), во втором этаже которого хранилось сено, прямо отсюда подававшееся через люки в нижнее помещение.

В настоящее время Муксалмский поселок представляет собою группу зданий, разбросанных на обширном лугу. Здесь стоят большой двухэтажный каменный дом и возле него деревянный, вытянутое здание скотного двора и остатки еще нескольких старых построек.

От поселка дорога ведет в восточную часть острова. Почти на всем протяжении она тянется через мелколесье. Можно подняться на Фаворскую гору — с нее открывается красивый вид.

С юго-востока к острову примыкает каменистый островок Малая Муксалма. Пролив между островами (шириной около 350 метров) «несудоходен, и в малую воду оный по камням переходить можно», — как говорится в одном старинном описании. Малая Муксалма всем своим пустынным обликом, каменистым берегом напоминает Заяцкие острова. Море вокруг острова усеяно лудами и коргами.

Обратный путь от Муксалмы лежит по той же дороге. Но не жалейте об этом: она не покажется однообразной. По любой из соловецких дорог можно пройти десятки раз и каждый раз открывать для себя что-то новое, на что раньше не обращал внимания. Ведь с изменением времен года или времени суток, в разную погоду и при различном освещении одно и то же место и выглядит, и воспринимается совершенно по-разному.

...Однажды в тихую белую ночь в начале июля я возвращался с Муксалмы. Краски неба над морем были необычайно мягкими, непередаваемо нежными, более прозрачными, чем самая тонкая акварель, а тишина над морем и островом стояла такая, что, казалось, она звенит; только куличок покрикивал на близком болоте. Я дошел до середины дамбы и остановился, пораженный необыкновенным зрелищем, открывшимся мне, не смея поверить в небывалое свое везение. Справа от меня горизонт приобрел пунцовый оттенок, окрасив в этот же цвет и близкий участок моря. Совсем над линией горизонта висело огромное багряное солнце, лишь небольшой его сегмент скрылся под водой. А с другой стороны дамбы поднималась, выплывала из воды огромная эллипсовидная луна. Я стоял посередине между солнцем и луной, на грани дня и ночи, смену которых и единство которых впервые в жизни увидел так явственно. Часы показывали 23.20. Чудесное зрелище продолжалось недолго. Потом луна поднялась выше, оторвалась от моря и стала постепенно округляться...

Потрясенный до глубины души, шел я по лесной дороге. Среди ее необыкновенной тишины возникала то справа, то слева зеркальная гладь озер и медленно поднимался над ними туман, слабо подсвеченный отблеском серебристой лунной дорожки, пролегавшей по воде.

ПУТЬ НА РЕБОЛДУ И НА АНЗЕР

В одном из старинных описаний Соловецких островов мы читаем: «Дорога на Реболду идет сухими гористыми местами, имея слева озёра, сухие и топкие болота и возвышенности между ними,

поросшие частым лесом, а справа — Глубокую губу». Эта краткая характеристика соответствует и сегодняшнему состоянию дороги.

Наш путь начинается от стен Кремля. По Ленинградской улице, вдоль берега Святого озера мы идем, минуя поворот дороги на Муксалму. Метрах в 800 от Кремля возле дороги стоит белое каменное здание Предтеченской часовни. Она построена в 1854 году на месте старой деревянной часовни, которая именовалась Таборской, ибо здесь находился стан (табор) царских войск, осаждавших Соловецкий монастырь во время «соловецкого сидения» 1668—1676 гг. По преданию, Предтеченская часовня сооружена на том самом месте, где находится братская могила 112 царских солдат, погибших при осаде монастыря.

Немного дальше дорога углубляется в лес. Вскоре слева покажется небольшое Вениаминово озеро, и вновь дорога идет среди легкого перелеска. Километра через два справа откроется неширокий водный простор. Это наша первая встреча с Глубокой губой, с одним из ее узких заливов, выходящих к реболдовской дороге. Немного дальше слева, в полусотне метров от дороги, — несколько небольших озер, объединенных названием Лапушечных. А залив справа от дороги теперь уже стал шире, и вскоре перед нами — блестящая, искрящаяся на солнце среди красавиц-березок и высоких сосен перспектива Глубокой губы.

Глубокая (Долгая) губа — обширный залив Белого моря; она изобилует небольшими островками (всего их 42). Очень живописны эти островки, поросшие лесом и кустарником, как бы переговаривающиеся между собой через узкие проливы. Как и Сосновая, Глубокая губа является местом массового гнездования водоплавающей птицы, особенно много здесь гаг. В водах Глубокой губы, которую Н. Книпович назвал «одним из зоогеографических курьезов», обитают различные виды моллюсков, губок, медуз; виды, характерные для высоких арктических морей, соседствуют здесь с видами, характерными для более южных морских районов.

Выше уже отмечалось, что исследование Глубокой губы составляет заметную страницу истории отечественной гидрологии и гидробиологии.

С Глубокой губой связан еще один примечательный эпизод недавнего прошлого Соловков. Соловецкий биосад одной из своих задач ставил организацию на островах пушного хозяйства. Началась эта работа в самом биосаде, а в конце 1925 года была перенесена на один из островов Глубокой губы, получивший название Лисьего. Здесь была поселена пара серебристо-черных лисиц. Весной следующего года для организации питомника пушных зверей

был избран более удобный остров в южной части Глубокой губы, раньше он назывался Балаганным, теперь же получил наименование Песцового. На этом острове, покрытом густой растительностью, было размещено шесть семей лисиц.

К концу 1926 года питомник разросся и занял соседние острова Лесной и Краеведческий. Весь этот район был объявлен заповедником. Тогда же Совет Народных Комиссаров отпустил на развитие пушного промысла в СССР полтора миллиона рублей. Среди пушных хозяйств в нашей стране «Соловецкое звероводное хозяйство» занимало третье место. Здесь находились привезенные из Сибири серебристо-черные лисицы, соболи и доставленные из Мурманска голубые и белые песцы. «Население» питомника непрерывно пополнялось — и не только за счет естественного прироста: в 1927—1928 гг. через Госторг за границей были закуплены 46 серебристо-черных лисиц, а из Германии привезены 50 экземпляров кроликов-шиншилл.

В снятом в 1927—1928 гг. документальном фильме «Соловки», экземпляр которого сохраняется в Центральном государственном архиве кино-фото-фонодокументов в Москве, есть кадры, снятые в питомнике; мы можем представить себе его общий вид. Весь остров был распланирован в соответствии с нуждами пушного хозяйства. Вдоль широких аллей — «улиц звериного города» — стояли большие вольеры из проволочной сетки, а в них — деревянные домики, в которых жили звери; в домике много лазов, в клетке все напоминало привычную для зверя обстановку. Мы видим на экране серебристо-черных лисиц в клетках, кормление лисенка, который доверчиво берет пищу из рук, лечение заболевшего зверька ветеринаром.

Сняты в фильме и соболи — ведь Соловецкий питомник являлся в то время самым крупным в мире соболятником — как по количеству экземпляров, так и по их подбору. И этот дикий, мучительно переносящий неволю зверек оказался на Соловках в таких условиях, что в 1929 году одна из самок принесла детеныша — это был второй (после Московского зоопарка) случай в мире.

В 1929 году к одиннадцати голубым песцам, проживавшим в питомнике, прибавились еще 24, привезенные с Командорских островов. А в марте следующего года 22 песца были выпущены на острове Анзер, где предполагалось создание полувольного песцового хозяйства.

В последующие годы питомник продолжал расти. Росло и значение его работы, которая давно уже приобрела всесоюзный масштаб. К весне 1930 года в ведении питомника находилось 118 ли-

сиц (а приплод 1930 года составил еще 175), 20 соболей, 38 песцов, 500 ондатр, 549 кроликов... Очень интересно вспомнить об этом, проходя вдоль берега Глубокой губы, вблизи острова, где развертывалась замечательная работа.

Дорога и дальше пойдет вдоль берега Глубокой губы. А слева от нее лес будет уступать место озерам, а озера сменяться лесом. Мы уже миновали расположенное метрах в ста небольшое, но очень живописное Варваринское озеро; сквозь высокие ели мелькнули небольшие озера (их четыре), названные Высокими, а в полукилометре за ними, за лесом виднеются Горбатое и Большое Горбатое озера. Их западный берег выходит к трассе, по которой проходила узкоколейная железная дорога (она шла почти параллельно нашей дороге). Еще дальше — и мы увидим в лесу группу озер, среди которых ближнее к нам — подковообразное Промысловое (раньше Филимоновское, по названию находившейся здесь часовни, построенной в 1855 году).

За Промысловым озером виднеются озера Становое и Ягодное. Можно свернуть с дороги налево; тропинка поведет нас в глубь острова, через лес между Малым Ягодным и Становым озерами к Большому Ягодному (его площадь около 70 гектаров). Холмистые берега этого озера, поросшие лесом, круто спускаются к самой воде.

Но возвратимся на дорогу, ведущую к Реболде. Справа от нее за лесом виднеется невысокая, так называемая Гедеоновская гора, откуда открывается отличный вид на Глубокую губу и морской берег. Еще через полтора километра, там, где дорога заметно склоняется направо, мы расстаемся с Глубокой губой: ее берег круто заворачивает. Слева от дороги небольшое и не очень глубокое озеро Пригубное (бывшее Чудотворное), за ним дорога сходится с линией бывшей узкоколейки.

Здесь можно отдохнуть — пройдена половина пути от Кремля до Реболды. Характер дороги меняется: раньше справа сквозь полосу леса был виден простор Глубокой губы. Теперь справа от дороги суша, до самой Реболды не встретится озер: только лес и обширные торфяные болота. В этой части острова есть ряд крупных озер (Большое Ягодное, Куйкино, Хлебное, Большое Зеленое, названное так по интенсивно зеленому цвету воды), но они находятся в стороне от дороги, слева. Все эти пустынные озера необыкновенно красивы: у них причудливые очертания берегов, большая часть которых поросла густым лесом.

Мы минуем расположенные слева вблизи дороги озера Плоское, Круглое и Долгонькое (бывшее Елисеево) — совсем небольшое озеро (площадь его всего лишь 0,8 гектара), имеющее, однако,

глубину до 11 метров и расположенное высоко над уровнем моря. Хотя оно и совсем близко от дороги, в каких-нибудь тридцати метрах, но от нас его скрывает пригорок, чтобы увидеть его, надо подняться на вершину.

Еще немного, и мы минуем озеро, называемое Диким, а потом пройдем мимо так называемого Лапушистого озера, расположившегося посреди большого сфагнового торфяника. Уровень Лапушистого озера на 10 метров ниже находящегося в каких-нибудь двухстах метрах западнее Большого Зеленого озера.

Все больше становится слева от дороги заболоченных лесных участков. Среди этого леса в 200—300 метрах от дороги расположены озера: Второе Зеленое, Кривое, Малое Хлебное, Кривохлебное. И еще одно озеро с островком посередине окажется у самой дороги. Это Угольное озеро — последнее на дороге к Реболде.

Нам осталось еще два километра пути. Мы находимся в северо-восточном углу острова, на обширном участке, лишенном озер (кроме двух — Большого Банного и Малого Банного, расположенных в центре этого участка). Дорога прорезает лес. Еще совсем немного, и покажутся здания поселка Реболда, расположенного на морском берегу.

Реболда началась с монастырской пристани, через которую совершалось сообщение между Большим Соловецким островом и Анзером. Отсюда Анзер хорошо виден.

Поселок у пристани возник лет полтораста назад, когда здесь был построен монастырский заводик для вытапливания тюленьего и нерпичьего сала. Рядом с заводом стояло несколько изб, где жили монахи, занятые промыслом морского зверя. Море в этом районе очень богато: на дне громадные заросли водорослей; в воде то и дело мелькают морские звезды и медузы; много тюленей и белух, здесь же гнездятся гаги.

В 1839 году вместо обветшавшего салотопного завода на Реболде было выстроено новое каменное здание такого завода вблизи монастыря. Но промысел морского зверя на Реболде не прекратился, и вскоре заводик здесь был восстановлен; поселок разросся, в 1857 году была построена Никольская часовня.

Сейчас Реболда является одним из основных участков сбора водорослей на Соловках.

Отсюда можно пройти по сухой и удобной лесной дороге вдоль северного берега острова — всего десять километров до Новой Сосновки.

Отсюда же путь на Анзер...

* * *

Он расположен на противоположном берегу Анзерской салмы. Пролив глубокий (до 65 метров), течение в нем быстрое, ближе к Анзерскому берегу идет сувой — полоса особенно быстрого тока воды, где море как будто даже меняет свой цвет.

Один из старых путешественников А. И. Фомин писал, что «Анзерский остров фигуру имеет весьма подобную конской нижней челюсти, протянувшейся от запада к востоку».

Его длина до восточной оконечности, мыса Калгуев, — около 17 километров, а ширина в западной части достигает 7,5 километра, но к востоку сужается. Площадь острова 35 квадратных километров.

Море врезалось в Анзерские берега многочисленными губами. Из них Троицкая и Капорская — узкие, уходящие в глубь острова, а Кирилловская — широкая, с песчаным берегом, местами пересеченным дюнами.

Середина острова по ландшафту очень напоминает Большой Соловецкий: много поросших густым лесом холмов, которые чередуются с глубокими озерными котловинами. Когда идешь по прекрасным здешним дорогам, хорошо видна смена великолепных лесов и открытых лугов, отороченных впадинами тихих озер; на лугах высокая душистая трава, на озерах — спокойные заводи, желтые от кувшинок, по обочинам дороги заросли иван-чая, а в лесу сплошной пушистый ковер черники и голубики, подцвеченный нежно-лиловыми лесными фиалками. Пейзаж почти подмосковный — только более суровый и величественный.

Поразительные места есть на пустынном западном берегу острова. Не забыть мне одного из них, где мы однажды высадились с доры: дикий берег, усеянный валунами, мягкий мох, в котором притаились кустики брусники. А среди мха, у самого моря, — россыпи дикого шиповника: едва поднялся над землей, но его алые цветки победоносно светят. Чуть подальше — вереск, багульник, низкорослые березки, а потом начинается великолепная сосновая роща.

Остров Анзер известен давно: он под названием Ванзера упоминается уже в середине XV века в первых новгородских грамотах Соловецкому монастырю. Во второй половине XVI века здесь жило до семидесяти соловецких монахов, занимавшихся промыслом морского зверя и солеварением. «На том (острове. — **Г. Б.**), — говорилось в одном старинном документе, — Соловецкого монастыря два црена (солеваренных котла. — **Г. Б.**) кипят и лете и зиме

соль варят, и братья и служебники у того промысла живут, а людей трудников у того промысла живет человек по штидесят и по семидесят, и в зимнее время нужа обдержит великая... Да к тому же острову приезд становище лодейное, и лодьи из Колмогор и с Онега приходят и ставятца, и люди на лодьях сжидаются многие...»

В первой четверти XVII века монах Елеазар, поселившийся на Анзерском острове, основал здесь, в живописном месте у южной оконечности Троицкой губы, «скит», небольшую обитель, где жило около десятка монахов. Царская грамота от 31 июля 1633 года предоставила Анзерскому скиту независимость, что вызвало негодование соловецких настоятелей; их борьба продолжалась целых полстолетия и закончилась подчинением скита Соловецкому монастырю. В 1634 году на Анзере принял монашество пришедший сюда из Средней России священник Никита — будущий патриарх Никон, сыгравший такую заметную роль в политической истории русского государства...

От Кеньги прекрасная дорога ведет в глубь острова. Менее чем через три километра она выходит на большую луговую поляну, посреди которой разбросаны постройки б. Троицкого скита: каменная Троицкая церковь (1803 год) с примыкающим к ней вытянутым двухэтажным корпусом келий, над которым возвышается барабан колокольни. Значительной архитектурной ценности этот комплекс не представляет, но на фоне окружающего пейзажа весь ансамбль выглядит очень живописно.

Отсюда отличная лесная дорога через пять километров приведет к подножью горы Голгофы — самой высокой точки Соловецкого архипелага. Подъем идет постепенно, и поэтому почти не ощущается. Под горой — уютное озеро.

На вершине Голгофы бывший духовник Петра I Иов, сосланный на Соловки, в 1712 году основал небольшой скит, отличавшийся невероятно строгим уставом. В 1828—1830 гг. здесь была построена каменная церковь с высокой колокольней. Поднимитесь на верхнюю площадку колокольни — с нее открывается незабываемый вид на раскинувшийся вокруг остров: пушистая зелень леса, жемчужное сияние озер, желтые ленты дорог, а дальше — море и Соловецкий берег.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ ХУТОРА ГОРКА

Сюда приходят почти все, кто приезжает на Соловки. Одни — отдохнуть на живописной луговой поляне, отлого спускающейся к самому берегу Хуторского озера, сквозь воду которого просве-

чивает золотистое песчаное дно; другие — чтобы поглядеть на необычные в этих широтах деревья и кусты, насладиться видом и запахом пышного цветения, производящего здесь, в приполярном краю, впечатление подлинного чуда.

Часто приходится встречать на дороге, ведущей к хутору Горка, людей, спрашивающих, как пройти к «ботаническому саду». И разве объяснишь каждому, что «ботанического сада» нет, но есть в этом уединенном уголке, между трех озер и двух высоких, крутых холмов, нечто гораздо более замечательное, чем то, чего ожидаешь, направляясь в «ботанический сад».

От стен Кремля до хутора Горка немногим более четырех километров. Туда ведет та же дорога, по которой мы направлялись к горе Секирной — древнейшая соловецкая дорога. Проходим через поселок, минуем метеостанцию на морском берегу, оставляем ответвляющуюся вправо дорожку, ведущую к лодочной станции, и продолжаем путь среди леса. Еще одна дорога ответвляется влево — по ней можно мимо Большого Куможьего озера выйти на морской берег и продолжать путь вдоль него, к северному берегу острова. А вскоре за этой развилкой справа от дороги покажется тихая, заросшая травой заводь — один из небольших заливов Хуторского озера, прежде называвшегося Нижний Перт.

И почти сразу надо повернуть направо по плотно укатанной песчаной дороге, тянущейся среди могучего леса, вдоль изгиба озерного берега. По левую сторону дороги мощные таежные заросли поднимаются по крутому склону холма, создавая впечатление высокой зеленой стены.

Еще несколько сотен метров — и перед нами ворота; сделав шаг через калитку, мы сразу попадаем в особый, почти волшебный мир. Справа широкая зеленая поляна спускается к озеру. Великолепна его спокойная гладь, со всех сторон окруженная густым лесом, подступающим к самой воде. Вдали видна гряда могучих камней, выступающих из-под воды; за ними — живописный маленький островок и не видная нам сейчас вторая половина озера, конец которого почти упирается в дорогу, ведущую на лодочную станцию.

Дорога, по которой мы шли, тянется по краю поляны и почти сразу вступает под сень восьмидесяти великолепных лиственниц, двумя ровными рядами окаймляющих аллею, полого поднимающуюся вверх. Обочины аллеи окантованы большими светло-зелеными мясистыми листьями бадьяна.

А правее, рядом с тропинкой, ведущей на невысокий холм (на нем разбита плантация садовой земляники), — небольшая, но уди-

вительно красивая кедровая роща; 35 золотистых прямых стволов таежных красавцев высотой до 20 метров, пышная крона, приятный смолистый аромат. Кстати, на хуторе Горка имеется и несколько экземпляров замечательной сибирской пихты.

Аллея ведет нас дальше: минуем стоящий в стороне ледник, выложенный из валунов (мы уже встречали такие постройки в разных пунктах на острове), небольшой деревянный домик — и обнаруживаем, что слева от нас, за строем лиственниц — участок, на котором шеренга грядок и парники, а справа — настоящий яблоневый сад, несколько десятков яблонь Палласа, за ними — вишня, а дальше — сплошные заросли густой цветущей сирени.

Но чудеса на этом не кончаются: аромат сирени сливается с тончайшим запахом цветущей розы — его источают сотни, тысячи больших пунцовых цветов, которые буквально усеяли пышные кусты, окружающие теперь дорогу. По виду это шиповник, но вряд ли кто видел, чтобы шиповник цвел такими крупными, такими торжественными цветами. «Гималайской морщинистой розой» называется этот редкий вид; есть предание, что семена его были присланы в подарок соловецким настоятелям с Тибета, от далай-ламы.

Двухэтажный бревенчатый дом с мезонином стоит на самой вершине холма. Удивительно спокойно все вокруг. С верхнего балкона открывается вид на усеянную цветами зеленую территорию вокруг, на Хуторское озеро, на белые здания Кремля вдали. Дому этому уже почти 90 лет: в альбоме «Виды Соловецкого монастыря», изданном еще в 1884 году, мы видим его изображение точно таким же, каков он и сейчас.

Перед домом обширный цветник и заросли различного кустарника: жимолость и орешник, барбарис и калина, желтая акация и нарядная туя, курильский чай и ольхолистая ирга — все это растет пышно, победоносно.

А за домом две тропинки круто спускаются с холма к берегам двух лесных озер-чаш, задумчивых и очень щедрых на рыбу. Так же щедры берега этих озер на ягоды — золотистую морошку и покрытую голубым росистым налетом чернику.

Этот холм между трех озер с обеих сторон обступили два еще более высоких холма с крутыми лесистыми склонами. На вершине одного из них, левого, — высокий деревянный крест, в основании укрепленный грудой камней; раньше у этого креста стояла часовенка. Таких крестов на Соловках было немало: то обстоятельство, что они всегда ставились на самых высоких точках, заставляет предполагать, что, помимо молитвенного назначения (в над-

писи говорится, что крест поставлен «на поклонение православным христианам»), они выполняли роль путевых знаков — некоторые из этих крестов были видны с моря. Много десятков лет стоят кресты — на том, который был сооружен на мысу вблизи «переговорного камня», была надпись, сообщавшая дату его сооружения — 20 мая 1782 года.

Другая гора, что справа, называется Александровской: это название с указанием года «1854» вырезано на камне, лежащем на вершине, у самой лесенки, ведущей по склону вверх. Прежде и здесь стояла маленькая часовня и рядом с ней высокий крест; надпись указывала, что крест и часовня поставлены соловецким архимандритом Александром (отсюда и название горы) в 1854 году в память об отражении нападения английской эскадры на Соловки 6—7 июля этого года.

Высокие холмы, надежно защищающие территорию, заключенную между ними, от ветров, способствовали созданию здесь, на хуторе Горка, среди соловецкого микроклимата еще своего «микроклимата». Наверное, поэтому-то место это давно уже было выбрано как удобное для растениеводства. С нескрываемым восторгом писал в 1872 году об этом уголке Соловецкого острова В. И. Немирович-Данченко: «Не хотелось верить, что мы на севере. И воздух, и небо, и земля — все напоминало юг Швейцарии...»

«Макарьевская пустынь» (так раньше называлась территория хутора Горка) возникла в 1822 году при архимандрите Макарии. Первоначально здесь были лишь две избушки-кельи, куда на лето «уединялись монашествующие на безмолвие». Позднее возникли две небольшие часовни, а потом — маленькая мастерская, где белился воск для монастырского свечного завода.

Эта мастерская существовала еще в начале XX века. Но уже в 1860-е гг. в «Макарьевской пустыни» было развернуто обширное монастырское хозяйство, поражавшее всех, кто приезжал сюда.

В. И. Немирович-Данченко рассказывал о том, как здесь под руководством монаха-садовника были устроены обширные цветочные клумбы и оранжерея, как в парниках зрели огурцы, арбузы, дыни. Он пишет, что один монах-крестьянин придумал подвести к плодовому саду и теплицам трубы-теплопроводы, идущие в земле от расположенных несколько поодаль печей. Сохранившиеся старые изображения «пустыни» передают картину обширного и образцово налаженного растениеводческого и парникового хозяйства: парники были вытянуты линиями длиной в несколько десятков метров, на участке стояло несколько подсобных помеще-

ний. Одновременно в этом хозяйстве велась работа по акклиматизации некоторых садовых и огородных культур.

В конце XIX века дом на хуторе Горка был приспособлен под летнюю резиденцию монастырского настоятеля. В 1920-х годах здесь размещалось руководство СЛОН. В этот же период на хуторе Горка были возобновлены работы по растениеводству, причем теперь опыты проводились на серьезной научной основе.

Климатические особенности Соловецких островов и своеобразная структура светового года ставят растениеводство в необычайные условия. Вегетативный сезон здесь короток — всего 120 дней, и многие растения не успевают вызревать; но развитие тех растений, что приспосабливаются к местным условиям, идет чрезвычайно интенсивно, их характеризует большой рост, яркая окраска. Север ценит тех, кто верен ему, и все, что здесь выживает и растет, растет буйно, уверенно, крупно...

На цветочных куртинах и клумбах, оставшихся от монастыря, были обнаружены астры, маки, ромашка, табак, львиный зев, а в оранжерее — резеда, настурция, душистый горошек. В 1926 году были начаты обширные опыты по восстановлению этих старых видов цветов и по акклиматизации новых. В первый же год из выписанных из Ленинграда семян было выращено 13 сортов цветов-летников, в последующие годы успешно акклиматизировались еще 20 сортов (семена некоторых высевались в теплице, а потом переносились в открытый грунт), одновременно велись интересные опыты по разведению ягодников, различных огородных культур и даже по промышленному табаководству.

К сожалению, впоследствии эта очень важная и перспективная работа была заброшена, и опытный участок на хуторе Горка пришел в запустение.

В 1959 году территория была передана Соловецкой средней школе для организации здесь учебного хозяйства, которое правильней было бы назвать участком сортоиспытания и акклиматизации растений. В последующие годы в результате кропотливой и трудной работы произошло полное преображение хутора Горка — тем более замечательное, что проводилась эта работа с очень скудными материальными и техническими средствами.

Честь этого большого дела принадлежит бывшему директору Соловецкой средней школы, влюбленному в остров краеведу Павлу Васильевичу Виткову (химику по специальности) и чудесиому человеку и педагогу, учительнице биологии, агроному по образованию, Марии Ивановне Андреевой, ныне находящейся на пенсии и живущей на Украине.

Честь эта вместе с ними принадлежит и всему ребячьему коллективу Соловецкой средней школы, ибо это их руками создано все нынешнее разнообразное богатство учебного хозяйства — от трудной расчистки запущенной территории, устройства парников, инвентаризации растений до повседневного ухода за всем, что здесь растет. Каждое лето ученики небольшими бригадами по 4—5 человек постоянно работают здесь, приобретая не только знания и непосредственные навыки, но и вкладывая свой труд в украшение родного острова.

Площадь участка не очень велика, причем он не представляет собой какой-то цельной «плантации». Отдельные посадки вкраплены в естественный ландшафт, и в целом вся территория сохранила свой, природой установленный облик. Но пройдитесь по дорожкам между аккуратных грядок, обойдите клумбы и ягодники, обследуйте плодовый сад, проберитесь сквозь могучие заросли душистой травы к отдаленным концам участка — и на каждом шагу ваше удивление увиденным будет расти.

Несколько лет назад провели испытания десяти различных сортов картофеля; были испробованы различные способы и сроки озимой посадки картофеля и получен отменный результат. Отлично растет капуста, турнепс, брюква, свекла. Выращивается масличная редька, в парниках зреют огурцы.

Любопытный и красноречивый факт: лет десять назад, будучи на Хибинской опытной станции, Мария Ивановна обратила внимание на великолепную репу и к своему удивлению узнала, что сорт этот называется «соловецким» и сохранен в Хибинах со старых времен. Семена были привезены на Соловки, и теперь соловецкая репа, возвращенная на свою родину, отлично здесь растет.

В открытом грунте, на грядках, отмеченных табличками с названием посаженной культуры, растут различные травы, кормовые, бобовые, лекарственные и другие культуры: кормовые бобы, сараделла, эхинация, валериана, пайза, райграс, люпин, бекмаиия, донник, козлятник, шабдар, люцерна, лядвенец — всех не перечесть.

Перед домом на большой клумбе и на куртинах колышутся цветы — их много, очень разных. Еще несколько лет назад на острове нигде не было цветов, теперь их уже выращивают некоторые жители — из семян с хутора Горка.

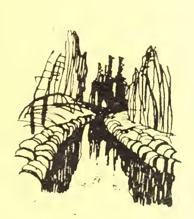
Было бы замечательно, если бы все, что видишь здесь, имело просто научный интерес, как опытная проверка сельскохозяйственных возможностей края. Но значение учебного хозяйства не ограничивается этим. Оно может перерасти в опытный питомник —

чтобы все, что здесь растет, вошло в быт, в каждый соловецкий дом, а потом, кто знает, может быть, и по всему Поморью...

Кстати, именно здесь, в доме на холме, был организован соловецкими школьниками (опять же под руководством П. В. Виткова и М. И. Андреевой) замечательный школьный краеведческий музей. Первая запись в книге посетителей датирована 23 июня 1960 года. Впоследствии музей этот был перенесен в поселок развернут в здании школьного интерната, но зародился он все-таки на хуторе Горка — и это очень знаменательно...

Однажды я прожил на хуторе Горка почти месяц. И этот месяц стал одним из самых памятных для меня периодов жизни — так много сосредоточенного покоя, такое обилие ярких впечатлений наполнили его.

И когда снова попадаешь в этот уголок, огорчает лишь одно: неизбежность расставания с ним.

День позади. Еще один день на Соловках, до отказа наполненный движением, раздумьями, впечатлениями и встречами. Увиденные сегодня дороги, озера, «открытые» во время блужданий по лесам, — все это вновь встает в памяти, встает рельефно, осязаемо. Чувствуешь, что прикоснулся к чему-то значительному и что следы этого прикосновения не сотрутся, останутся с тобой надолго.

Стрелка часов приближается к полуночи. К **белой** полуночи. Я бывал в Арктике, я не перестаю восторгаться красотой ленинградских белых ночей — но на Соловках они какие-то особенные, акварельно-прозрачные, подцвеченные зеленью леса и розоватым рефлексом неба, отраженного от моря и от озер.

А главное — тишина. Первозданная, ничем не тревожимая. Не шелохнутся деревья на берегу — спят. Только сонная утка неожиданно встрепенулась, сорвалась с места и прочертила по воде круг, который озеро еще долго сохранит на своей поверхности расходящейся рябью. Где-то всплеснула рыба, слабая дорожка на воде — след ондатры, спешащей в свою прибрежную нору. И все... Никаких звуков больше.

Но природа живет в этой тишине — неугомонная, прекрасная, вечная.

Зеркальная гладь озера, на берегу которого стоит наша палатка — как палитра живописца: на ней множество цветов, торжественная гамма красок — отражение зеленых деревьев, неба без единого облачка, нежно-палевых, кое-где переходящих в фиолетовый оттенков предзакатной зари. «Остроконечные ресницы» прибрежных елей окунулись в водное зеркало — их можно достать веслом. А над деревьями — бледный убывающий месяц, такой бледный, что кажется прозрачным. И еле заметно поднимается над озером, колышась, полоска живого тумана.

В эту ночь, сидя в лодке посреди озера, я думал о прошлом и будущем Соловков — о прошлом и будущем, которые для меня как бы сходятся с разных направлений к сегодняшнему дню, к этой ночи.

А будущее! каким будет оно для Соловков?

Промышленные перспективы им не суждены. Зато здесь есть все для осуществления пришвинской мечты об «острове здоровья». Необыкновенное сочетание природных условий и памятники Соловецкого Кремля могут сделать острова крупнейшим на нашем Севере центром туризма, индустрии отдыха.

Это почетное и прекрасное назначение. Но оно несет и немалые заботы. Пусть Соловецкий архипелаг самый большой на Белом море — но ведь он невелик. И богатства его не безграничны. Поэтому каждый, кто ступает на эту землю, должен проникнуться ответственностью перед ней, отказаться от узко-потребительского к ней отношения. Проявить хозяйскую заботу и рачительность ко всему тому, ради чего тысячи людей приезжают сюда, внести свою, пусть небольшую лепту в то коллективное человеческое деяние, благодаря которому в течение веков был отвоеван у природы и украшен этот маленький кусочек нашей северной земли. Очень велика наша ответственность за нее...

Об этом думал я. И старался представить себе Соловки зимой, когда весь остров покрыт густой снежной пеленой, когда над ним бушуют метели, когда озера скованы льдом, а леса напоминают сказочное берендеево царство.

Да, Соловки бывают суровы. Но и в этой суровости они прекрасны. Тем более, что после зимы обязательно приходит весна, скупая северная весна с ветром и метелями. И с массой света... света...

Вечен ход жизни, одинаково мощно проявляющийся и в снежном безмолвии зимы, и в буйстве цветов, которое летом снова овладеет Соловками, и в безбрежном море света, которое зальет, затопит остров.

И снова сюда потечет нескончаемый поток людей — тех, кого волнуют легенды и были, запечатленные в древних камнях, кто любит жить среди могучей, нетронутой природы. Людей, которые предпочитают сказочную суровую прелесть Севера ленивой ласковости обжитого, изнеженного юга...

Соловки—Москва—Ленинград

ЛИТЕРАТУРА О СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

Глаголев А., Шорыгин С. Особенности соловецкого климата. В сб.: «Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения». Вып. 5, 1927.

Гурьянова Е. Белое море и его фауна. Петрозаводск, 1948.

Захваткин А. Соловецкие озера. В сб.: «Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения». Вып. 9, 1927.

Иванов В. Почвенно-геологические исследования Соловецких островов. В сб.: «Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения». Вып. 10, 1927.

К познанию фауны Соловецких островов. В сб.: «Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения». Вып. 7, 1927.

К познанию природы Соловецких островов. В сб.: «Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения». Вып. 8, 1929.

Поляков Г. К познанию орнитофауны Соловецких островов. В сб.: «Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. Вып. 20, 1929.

Федоров П. Соловки. Кронштадт, 1889. В кн.: «Записки Русского Географического общества по отделению этнографии». Т. 19, вып. 1.

Барсуков Н. Соловецкое восстание. Петрозаводск, 1954.

Бартенев И., Федоров Б. Архитектурные памятники русского Севера. М., «Искусство», 1968.

Борисов А. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск, 1966.

Горький М. Соловки (из сборника очерков «По Союзу Советов»). В кн.: А. М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 17. М., 1952, стр. 202—232.

Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Ч. 1—3. М., 1836 и 1853.

Дунаев Б. Соловецкая обитель (культурно-исторический очерк) М., 1914.

История первоклассного... Соловецкого монастыря. СПб., 1899.

Ключевский В. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. В кн.: В. И. Ключевский. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 7. М., 1959.

«Летописец Соловецкий». М., 1790, 1815, 1821, 1833 и 1847.

Максимов П., Свирский И. Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря. В сб.: «Архитектурное наследство». Т. 10. М., 1958.

Немирович-Данченко В. Соловки. (Есть издания 1875, 1884, 1892, 1900 и 1904 гг.).

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Т. 1—2. 1881—1898.

Пришвин М. Соловки. В кн.: М. Пришвин. Весна света. М., 1953, стр. 492—515.

Савич А. Соловецкая вотчина в XV—XVII веках. Пермь, 1927.

Соловецкие острова. (Альбом в серии «Памятники древнерусского зодчества»). Л., «Искусство», 1969.

Фруменков Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI—XIX веках. Архангельск, 1963.

Фруменков Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1965, 1968 и 1970.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В КНИГЕ использованы фотографии **Олега Кузьмина, Александра Симонова, Александра Коблова, Юрия Ушакова, Владимира Грайзера, Бориса Эрпшера.**

Клише изготовлены под наблюдением **Н. В. Карнова** в Московской типографии № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.

Густав Александрович Богуславский

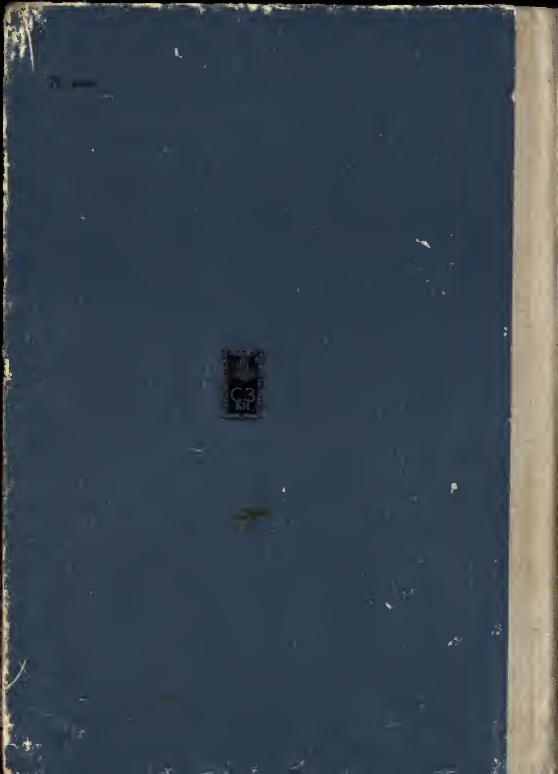
ОСТРОВА СОЛОВЕЦКИЕ

Редактор Р. В. Карташова
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректор В. И. Пригодниа

Сдано в произв. 26/VI 1971 г. Подписано в печать 17/X 1971 г.
Форм. бум. $60 \times 84^{1}/_{16}$ (бумага типограф. № 3). Физ. печ. л. 12,5 + вкладка.
Усл. печ. л. 11,625 + вкладка. Уч.-изд. л. 12,266. Тираж 30 000. Сл 00663.
Заказ № 4968. Цена 72 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, пр. П. Виноградова, 76.

Типография им. Склепина.
Архангельск, набережная В. И. Ленина, 86.

СЗ
КИ

Острова Соловецкие

С

Большой Соловецкий остров

Остров Анзер

Троицкая губа
Кирилловская губа
м. Калгуев
Скит
г. Голгофа
Кеньга
Копорская губа
Овсянка
Реболда
Сосновая губа
Новая Сосновка
Трещанка
Савватиево
Городок
г. Секирная
Исакова
Глубокая губа
Хут. Горка
м Толстик
Кремль
Залив Благополучия
Железные ворота
пролив
о Большая Муксалма
г Фавор
о Малая Муксалма
Кислая губа
Заяцкие острова
Большой
Малый
м Печак

Озера Большого Соловецкого острова

1 Двинское
2 Пустынное
3 Семиостровное
4 Задонское
5 Ионафаново
6. Климентово
7 Григорьево
8 Козий Рог
9 Архимандритское
10 Долгое Щучье
11 Трехостровное
12 Б Банное
13 Леонидово
14 Пафнутьево
15 Закольное
16 Угольное
17 Верхн Закольное
18 Серая вода
19 Амборное
20 Никольское
21 Собочье
22 Мелководное
23 Трегубое
24 Фомино
25 Бучеиное
26 М Бучеиное
27 Плоское
28 Подсовино
29. Савино
30 Переходное
31 Филиппово
32 Б Сториково
33 Б Комсомольское
34 Б Хлебное
35 Кривохлебное
36 Б Зеленое
36а Б Куикино
37 М Куикино
38 Елисеево
39 Кривое
40 Благодатное
41 Тарасово
42 Светлодорожное
43 Остречье
44. Фарафонтово
45. Киприяново
46 Заводное
47 Криводорожное
48. Утинка
49 Викентьево
50. Фефелово
51. Б Савватиевское
52 Волчье
53 Трещанское
54 М Портовое
55 Б Портовое
56 Цыганы
57 Поднебесное
58 Б Ягодное
59 Самоедное
60 Иосифово
61 Плоское
62 Карасевое
63 Исаковское
64 М Красное
65 Красное
66 Б Гремячье
67. Моксимово
68. Палладиево
69 Котлованное
70 Бораново
71 М Зоборное
72 Становое
73 М Ягодное
74 Филимоновское
75 Верх Филимонов
76 Горбатое
77 Б Горбатое
78 Окуневое
79. Серовичанное
80 Валдай
81 Светлое Орлово
82 Щучье
83 Красное Орлово
84. Б. Кривое
85. Б. Сетное
86 Мостовое
87 Б Лебяжье
88 Карбасное
89 М Кривое
90. М Сетное
91 Плотица
92 Карзино
93 Б. Охочье
94 Б Перт
95 Кухонное
96 Хуторское
97 Питьевое
98 Верхн Перт
99 Варваринское
100 Лапушечное
101 Вениаминово
102 Б Куможье
103 М Куможье
104 Святое
105 Моховое
106 Гагорье
107 Беседное
108 Светлое
109 Б. Каменное
110 Ломиноги
111 М Ломинога
112 Биосадское
113 Торфяное
114 М Исаинское
115 М Каменное
116 Песочное
117 Хлебное
118. Закольное
119 Березовское
120 Лопское
121 Печальное
122 Кислое
123 Герасимово
124 1-е Лебединое
125 2 е Лебединое

Озера острова Анзер

1 1-е Каменное
2 Мефодьево
3 Б Белое
4 М Белое
5 Трегубое
6 Щучье
7 Дворцовое
8 Светленькое
9 Круглое
10 Еронимово
11. Филаретово
12 Б Елизарово
13 Серебряное
14 Дорожное
15 Банное
16 Копорское
17 Кирилловское
18 Копальское
19 Еноховское
20 Б Казьмино
21 Калгуево